

Annotation

Не все волшебные школы одинаковы. Эта захочет тебя убить.

Галадриэль знает закон: только сильнейшие маги смогут выбраться из стен Шоломанчи. Здесь нет ни учителей, ни каникул, ни друзей. Зато в темных коридорах всегда полно злыдней – опасных существ, готовых наброситься на тебя в любой момент. Пережить выпускной – вот главная цель каждого, кто однажды попал сюда. Но, кажется, на этот раз школа приготовила испытание, которое невозможно пройти. С чем это связано? Кто в этом виноват? И как спасти себя и всех остальных?

«Так выглядел бы Хогвартс, если бы его придумал Лавкрафт».

Мария Покусаева, блог BadLibrarian

* * *

Наоми Новик

Глава 1

Глава 2

Глава 3

Глава 4

Глава 5

Глава 6

Глава 7

Глава 8

Глава 9

Глава 10

Глава 11

Глава 12

Глава 13

* * *

Наоми Новик

Первый урок Шоломанчи

Naomi Novik

A DEADLY EDUCATION

Copyright © 2020 by Temeraire LLC

© Сергеева В.С., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Во внутреннем оформлении использованы изображения: © monkographic, Vector Tradition, ekosuwandono, Vera Petruk, Kalleeck, Mia Stendal, Alessandro Colle, Katerina Iacovides, Africa Studio, Happetr, tomertu, Zaleman, RaraAvisPhoto, Obsidian Fantasy Studio, ju_see, dani3315, Roman3dArt, ninoon, DM7, Triff, fantasystock, ekosuwandono, Chikovnaya, Vera Petruk/Shutterstock.com

* * *

Посвящается Лиму, который принес свет во тьму

Глава 1

Пожиратель душ

Когда Орион спас меня во второй раз, я решила, что он заслуживает смерти. До этого я не обращала на него особого внимания, но всему же есть предел. Я бы не возражала, если бы хоть число было символическое – десять или тринадцать. Тринадцать раз – совсем другое дело. Орион Лейк – мой личный телохранитель... с этим я еще могла смириться. Но мы провели в Шоломанче почти три года, и он до сих пор никак меня не выделял.

Вы, конечно, скажете, что с моей стороны эгоистично питать кровожадные намерения по отношению к герою, ответственному за выживание четверти моего класса. Увы неудачникам, которые не сумели продержаться без его помощи. Впрочем, никто и не обещал, что мы все выживем. Школу надо чем-то кормить.

Вы спросите, а как же я. Раз уж я нуждалась в помощи, даже дважды. И именно поэтому, на мой взгляд, Ориону лучше умереть. Кстати, в прошлом году, сражаясь с химерой, он устроил взрыв в алхимической лаборатории. Мне пришлось самой выбираться из обломков, пока он скакал вокруг, нанося удары ее огнедышащему хвосту. И пожиратель душ не провел в моей комнате и пяти минут, прежде чем вломился Орион: видимо, он преследовал тварь по пятам, гнался за ней по коридору. Пожиратель влетел ко мне в поисках укрытия!

Но кому интересно слушать мои объяснения! Химера осталась не на моей совести – в лаборатории в тот день было больше тридцати человек. Но эффективное спасение в собственной спальне – это событие совсем иного рода. С точки зрения всей школы я присоединилась к массе незадачливых простофиль, которых спас блистательный Орион Лейк, и это было нестерпимо.

Комнаты у нас не очень большие. Орион переводил дух в нескольких шагах от моего стула, стоя над булькающим лиловатым пятном, которое осталось от пожирателя душ. Слизь постепенно просачивалась в узкие щели между половицами, чтобы хорошенько распространиться по всей комнате. Слабеющее сияние, исходящее от рук Ориона, освещало его лицо – самое обыкновенное. У него был крупный горбчатый нос, который выглядел бы впечатляюще, если бы не отставали остальные черты, – а так он просто казался слишком большим. Мокрый лоб облеплен серебристыми волосами, которые нужно было подстричь еще месяц назад. Большую часть времени Орион проводит за непроницаемой стеной преданных поклонников, и пока мне не удавалось увидеть его вблизи.

Он выпрямился и вытер пот рукой.

– Ты цела? Тебя зовут Гэли, да? – спросил он, посыпав соль на раны.

Мы три года сидели в одной лаборатории.

– Нет, благодаря тебе и твоему безграничному помешательству на всех темных тварях, которые здесь ползают, – ледяным тоном ответила я. – И я не Гэли, меня никогда так не звали – я Галадриэль (не надо так смотреть,

не я выбирала себе имя). А если ты не в состоянии выговорить сразу четыре слога, зови меня Эль.

Он вздернул голову, моргнул и уставился на меня, приоткрыв рот.

– О. Э. Извини, – произнес он вопросительным тоном, как будто не понимал, в чем дело.

– Нет-нет, – сказала я. – Это ты извини. Я, очевидно, плохо играю свою роль. – Я драматическим жестом поднесла ладонь ко лбу. – Орион, я так испугалась! – с придыханием выговорила я и бросилась ему на шею. Он слегка покачнулся: мы одного роста. – Как хорошо, что ты пришел и спас меня! Я ни за что не справилась бы с пожирателем душ в одиночку! – И я изобразила горестное рыдание.

Представляете, Орион всерьез попытался меня обнять и похлопать по плечу – вот до какого автоматизма у него это дошло. Я врезала ему локтем в живот. Он издал звук, похожий на лай, отступил и уставился на меня.

– Я не нуждаюсь в твоей помощи, и нечего тут маячить, – сказала я. – Не лезь ко мне, не то пожалеешь. – Я отпихнула Ориона еще на шаг и захлопнула дверь прямо перед его горбатым носом.

Я испытала мимолетное удовлетворение, мельком заметив замешательство на его лице, а затем осталась наедине с металлической дверью и большой оплавленной дырой в том месте, где раньше были ручка и замок. Спасибо, герой. Я гневно взглянула на дыру и повернулась к своему столу.

Тем временем пожиратель душ растекся до конца, шипя как прохудившаяся паровая труба, и комнату наполнил запах гнили.

Я так разозлилась, что очистить комнату заклинанием сумела лишь с шестой попытки. После четвертого раза я встала, швырнула потрескавшийся древний свиток в непроницаемую тьму за столом и в бешенстве завопила:

– Я не хочу призывать армию скуваров! Не хочу воздвигать стену смертоносного пламени! Я, блин, хочу, чтоб в комнате было чисто!

Из пустоты в ответ прилетел переплетенный в светлую кожу огромный том с острыми углами, которые неприятно скрипнули, когда книга приземлилась на металлический стол. Кожа, скорее всего, была свиная, но мастер явственно пытался внушить, что ее содрали с человека (ни разу не лучше). Книга сама собой раскрылась на странице с инструкцией, как поработить целую толпу людей и заставить их выполнять свои приказы. Наверно, уж они бы прибрались в моей комнате, если бы я им велела.

В конце концов мне пришлось достать дурацкие мамины кристаллы, сесть на узкую скрипучую кровать и десять минут медитировать. Тем временем вонь пожирателя душ витала вокруг, пропитывая одежду, постельное белье и бумаги. Вы, наверное, думаете, что любой запах должен выветриться быстро, поскольку одной стены в моей комнате нет и из нее открывается роскошный вид на таинственную тьму: это все равно что жить на космическом корабле, зависшем прямо над черной дырой, – удовольствие первый сорт... Короче, вы ошибаетесь. Вернувшись из глубин неконтролируемой ярости, я столкнула

книгу в свиной коже со стола обратно в темноту – не рукой, а карандашом – и произнесла как можно спокойнее:

– Мне нужно простое домашнее заклинание, чтобы убрать грязь с плохим запахом.

И внезапно передо мной со стуком упал гигантский фолиант под названием «Амунан гамверод», полностью состоящий из заклинаний на древнеанглийском языке (который я знаю довольно слабо). И ни на какой конкретной странице он не открылся.

Со мной вечно случается что-нибудь такое. У некоторых чародеев есть способность к управлению погодой, или к трансформациям, или к боевой магии, как у милейшего Ориона. А у меня способность к массовому уничтожению. Это все мама виновата, разумеется, как и с моим идиотским именем. Она из тех, кто любит цветы, бусы и кристаллы и танцует под луной в честь Богини. Все люди у нее хорошие, а тот, кто косячит, – просто недопонят или несчастлив.

Она даже проводит массажную терапию для заурядов, потому что «так приятно поднимать людям настроение, милая». Большинство волшебников не утруждают себя обычной работой – она считается низкой, – ну или подыскивают какую-нибудь должность-пустышку. Человек уходит на пенсию, проработав сорок шесть лет на одном месте, и никто не помнит, чем же он занимался: рассеянный библиотекарь, бесцельно бродящий между полок; третий заместитель директора по маркетингу, который приходит только на встречи с руководством, и так далее. Есть заклинания, которые помогают искать такие должности или создают их, – и тогда ты не думаешь о хлебе насущном и располагаешь свободным временем, чтобы собрать ману и превратить внутренность своей дешевой квартирki в особняк из двенадцати комнат. Но только не мама. Она берет за работу сущие гроши, да и то потому, что если ты предлагаешь профессиональный массаж задаром, люди будут коситься (и правильно).

Естественно, я получилась полной противоположностью этой идеальной женщины (как может догадаться любой человек, имеющий базовое представление о принципе равновесия). Когда я хочу прибраться в комнате, то получаю совет, как уничтожить ее огнем. Впрочем, я все равно не могу использовать эти восхитительные смертоносные заклинания, которые школа так охотно мне подбрасывает. Вы удивитесь, но нельзя по щелчку вызвать армию демонов. Для этого нужна сила, и немалая. А поскольку помощники по сбору средств для призыва армии демонов вряд ли найдутся, будем реалистами – для этого нужна магия.

Все – ну, почти все – понемножку пользуются магией в таких вещах, которые сложно назвать плохими. Например, превратить кусочек хлеба в пирог, предварительно не собирая для этого ману. Маги считают это просто безобидным плутовством. Конечно, сила всегда берется откуда-то, и если ты не собрал ее сам, то, значит, высосал что-то живое (проще всего взять ману у того, что живет и движется). Поэтому ты получаешь пирог, но колония муравьев у тебя на заднем дворе цепенеет, умирает и рассыпается в прах.

Мама даже чай не станет греть с помощью малии. Но если ты менее шепетилен – а большинство людей именно таковы, – то каждый день можешь создавать себе трехъярусный торт из муравьев и грязи и тем не менее дожить до ста пятидесяти лет и мирно скончаться в собственной постели (если, конечно, до этого не умрешь от диабета). Однако если человек начнет использовать малию по-крупному, например чтобы стереть с лица земли город, или уничтожить целую армию, или сделать еще какую-нибудь бесполезную вещь (из тех, что мне отлично знакомы), сил ему не хватит. Тогда придется высасывать ману (или жизненную силу, или энергию арканов, или волшебную пыль, называй как хочешь) из созданий, которые достаточно сложны, чтобы испытывать по этому поводу какие-то чувства и сопротивляться. Тогда сила становится нечистой, и в тебя буквально впиваются когтями, пока ты пытаешься отобрать у других их ману, – и нередко другие побеждают.

Для меня, впрочем, проблемы бы не было. Я бы отлично вытягивала малию, если бы решила на это по глупости или от отчаяния. Здесь нужно отдать маме должное: она практиковала естественное родительство и прочую ерунду: то есть ее прелестная девственно-чистая аура окутывала меня, не позволяя связаться с малией слишком рано. Когда я принесла домой лягушат, чтобы повозиться с их кишками, мама ласково сказала: «Нет, дорогая, мы не причиняем боль живым существам», а потом мы пошли в деревенский магазинчик, и она в качестве компенсации за лягушат купила мне мороженое. В пять лет мороженое было для меня главным поводом желать власти, поэтому, как вы догадываетесь, я стала приносить матери все свои живые находки. Когда мороженое перестало меня соблазнять, я была уже достаточно взрослой и сама поняла, что случается с чародеями, которые используют малию.

В основном к ней прибегают старшеклассники, перед которыми маячит выпуск, но в нашем классе тоже есть несколько человек, которые этим занимаются. Иногда, если Лю взглянет на тебя мельком, глаза у нее на секунду делаются совсем белыми. Ногти у Лю черные, и я знаю, что это не лак. Джек Уэстинг внешне выглядит нормально – светловолосый улыбчивый американский парнишка, по мнению большинства просто прелесть, но если сделать глубокий вдох, проходя мимо его комнаты, почувешь слабый запах морга. Я, во всяком случае, чую. Луиза, которая жила через три двери от Джека, исчезла в начале года, и никто не знает, что с ней случилось. Само по себе это не так уж странно, но я уверена, что останки Луизы можно найти в его комнате. У меня настоящий нюх на такие вещи, хотя я бы предпочла обойтись без этого.

Если я сдамся и начну использовать малию, меня, скорее всего, вынесет отсюда на ужасных черных крыльях демонических тварей (не сомневаюсь, какие-нибудь крылья обязательно будут). Шоломанча любит выпускать злодеев в мир: школа почти никогда их не убивает. Это нам, остальным, достаются пожиратели душ, выскакивающие из-под двери, и ваурия, которая выползает из сливного отверстия в душе и обвивается вокруг щиколоток, и тексты, от которых вытекают глаза. Даже Орион не в состоянии спасти всех. Как правило, меньше четверти класса доживают до выпуска; а восемнадцать лет назад – полагаю, не случайно примерно в то же время был зачат Орион – выпустились всего двенадцать человек, сплошь малефицеры. Они сбились в шайку и вывели из строя остальных выпускников, чтобы получить большую дозу силы.

Разумеется, родные прочих учеников поняли, что произошло (не догадаться было трудно: эти дебилы не дали спастись ребятам из анклавов), и прикончили всю компанию. Через год, к тому времени, когда мама окончила школу, в живых уже не осталось никого. Так завершилось существование «Рук Смерти» – ну или как там они себя называли.

Но если ты ловкий собиратель малии, ночной хищник, который благоразумно выбирает жертву и уходит незамеченным, двигаться некуда, кроме как вниз. Очаровательный Джек ворует жизненную силу у людей, а значит, он начнет гнить изнутри в первые же пять лет после выпуска. Не сомневаюсь, у него есть грандиозные планы насчет того, как отсрочить распад – малефицеры всегда продумывают запасные варианты, – но вряд ли он всерьез понимает масштаб. Если только Джек не выдумает что-нибудь особенное, через десять-пятнадцать лет он эффектно рухнет кучкой гнили. Тогда люди перекопают погреб у него в доме и найдут сотню трупов, и все будут пожимать плечами и говорить: «Ну надо же, а казался таким милым молодым человеком».

Впрочем, разбирая страницу за страницей весьма специфические домашние заклинания на древнеанглийском языке, написанные неразборчивым почерком, я признавала, что сама бы не отказалась от порции малии. Если уж мне суждено умереть молодой и невинной (в другом смысле), это хотя бы будет не зря.

Тем временем у меня за спиной лужица, оставшаяся от пожирателя душ, продолжала выпускать пузырьки газа. Каждый из них напоминал отдаленную вспышку молнии – он лопался, и только потом ужасающая вонь достигала моего носа.

Я провела целый день за работой, готовясь к итоговым контрольным. До конца семестра осталось три недели; если положить руку на стену в душевой, можно ощутить слабую вибрацию шестеренок: механизм разогревается, готовясь переместить нас на один оборот вниз. Аудитории остаются на одном месте, в центре, а дортуары с каждым годом опускаются все ниже, совсем как громадная металлическая гайка, вращающаяся на винте, и выпускники оказываются в самом низу. В следующем году мы попадем на нижний ярус – и это не то, о чем мечтаешь. Я совершенно не жажду провалить экзамены и взвалить на себя, в довершение ко всему, дополнительную нагрузку.

Я так прилежно трудилась весь вечер, что спина, шея и пятая точка начали болеть. Я сидела над книгой и шурилась, разбирая строки, пока лампа на столе не стала мигать; рука, которой я придерживала словарь древнеанглийского языка, совсем онемела. Мысль призвать стену смертоносного огня и испепелить останки пожирателя душ, книгу чар, словарь, стол и так далее казалась все привлекательнее.

Конечно, можно стать малефицером надолго. У Лю все будет в порядке – она гораздо осторожнее, чем Джек. Держу пари: в качестве личных вещей она привезла с собой мешок с хомячками и приносит их в жертву по графику. Она, образно выражаясь, выкуривает пару сигарет в неделю, а не четыре пачки за день. Но Лю может себе это позволить, потому что она не одиночка. У нее большая семья – пока не настолько большая, чтобы создать собственный анклав, но близко к тому. И, по слухам, там хватает малефицеров: для них это осознанная стратегия. У Лю есть двоюродные

братья-близнецы, которые поступят в школу на следующий год, и с помощью малии она сможет защищать их до окончания младшего класса. А после выпуска у Лю будут разные варианты. Если она захочет, то может вообще отказаться от колдовства, найти какую-нибудь обыкновенную работу, чтобы хватало на жизнь, и положиться на родных, которые будут колдовать за нее. Лет через десять она достаточно окрепнет физически и снова начнет пользоваться маной. Или станет профессиональным малефицером – ведьмой, которой анклав платят кругленькую сумму за выполнение трудной работы (и никто не спросит, откуда она берет силу). Если она не будет делать ничего чрезмерного (типа заниматься массовым уничтожением), то, скорее всего, выживет.

Но у меня нет родных, не считая мамы, и уж точно нет анклава, готового мне помогать. Мы живем в коммуне «Радужное сознание» неподалеку от города Кардиган, в Уэльсе. Там есть шаман, два целителя, несколько виккан и труппа исполнителей народных танцев; количество подлинной силы у всех примерно одинаковое (то есть ноль). И все они пришли бы в ужас, если бы увидели, как мама или я колдуем по-настоящему. Особенно я. Мама натанцовывает ману с компанией добровольцев – я говорила ей, что нужно брать с людей деньги, но бесполезно, – а потом выпускает ее: искорки, счастье, тра-ля-ля. Люди кормят нас, потому что любят маму – а кто же ее не любит? Члены коммуны выстроили ей юрту, когда она пришла к ним прямо из Шоломанчи, на третьем месяце беременности, но они не помогут мне колдовать и не защитят от клубящихся вокруг злых чар. Если бы и могли, то не стали бы. Они меня не любят. Никто не любит, кроме мамы.

Мой отец погиб в школе во время выпуска, дав маме уйти. Мы называем это выпуском, потому что так выражаются американцы, а они в последние семьдесят лет в основном и содержат школу. Кто платит, тот и заказывает музыку, сами понимаете. Только не подумайте, что это праздничный бал. Выпуск – это когда все ученики последнего класса вываливаются в зал, расположенный в самом низу, в недрах школы, и пытаются пробиться наружу сквозь ряды голодных злыдней, которые их там поджидают. Удастся уйти примерно половине класса – то есть половине тех, кто в принципе дожил до выпуска. Папе не удалось.

У него есть родные; они живут где-то возле Мумбая. Когда мне исполнилось пять лет, мама попыталась их отыскать. Они с папой не стали обмениваться контактами и строить планы на будущее. Это было бы слишком благоразумно. Они встречались всего четыре месяца, но уже не сомневались, что каждый нашел свою вторую половину и что любовь проложит для них путь за ворота школы. В общем, у мамы как-то так и получилось.

Короче говоря, когда она все-таки разыскала папиных родственников, оказалось, что они богаты: у них были дворцы, драгоценности, рабы-джинны и все такое. Что еще важнее по маминым меркам – они происходили из древнего индийского анклава, уничтоженного во времена британского владычества, и строго придерживались правил. Они не ели мяса, не говоря уж о том, чтобы пользоваться малией. Мама охотно поселилась бы с ними, и они тоже были страшно рады нас приютить. Они понятия не имели, что случилось с папой. В последний раз они получали от него весточку в предпоследнем, старшем классе. Выпускники собирают записки от нас за неделю до выхода. Я сделала несколько копий и раздала ребятам из лондонского анклава. Коротко и мило: «Еще жива, учусь хорошо». Приходится

писать коротко, чтобы никто под уважительным предлогом не отказался вложить мою записку в свой конверт. Иначе непременно откажутся.

Папа послал такую записку своим родным, поэтому они знали, что он дотянул до старшего класса. Но домой он так и не вернулся. Один из сотен ребят, чью жизнь выбросили на помойку. Когда мама наконец разыскала папиных родственников и рассказала им обо мне, они решили, что обрели частичку покойного сына, и прислали нам билеты на самолет. Мама попрощалась с друзьями по коммуне и собрала наши немногочисленные пожитки.

Но когда мы прилетели, моя прабабушка, взглянув на меня, впала в пророческий транс и сказала, что я нечистая душа и если мне не помешать, я принесу гибель анклавам по всему миру. Мой дед и его братья решили это сделать. Тогда у мамы в первый и в последний раз в жизни отказали тормоза. Я смутно помню, как она стояла посреди комнаты, которую нам отвели, а четверо мужчин неуклюже пытались сдвинуть ее с места и забрать меня. Не знаю, что они собирались со мной сделать – ни один из них сознательно не причинил бы вреда и мухе, – но, похоже, прабабушка увидела что-то очень жуткое.

Они начали спорить с мамой, а потом вдруг всю комнату наполнил ослепительный свет, от которого стало больно глазам. Мама подхватила меня на руки вместе с моим одеяльцем и вышла из дома, босиком и в ночной рубашке, а папины родственники с несчастным видом стояли вокруг и не смели к ней прикоснуться. Мама дошла до ближайшего шоссе, подняла руку, и проезжавший мимо водитель подобрал нас и отвез в аэропорт. Там один богатый бизнесмен, собираясь взойти на борт частного самолета, увидел, как она стоит в вестибюле аэропорта со мной на руках, и предложил подбросить ее в Лондон. Он до сих пор каждый год на неделю приезжает в коммуну, чтобы почистить ауру.

Вот какой человек моя мама. А я совсем другая. Прабабушка была всего лишь первой из длинной череды людей, которые, увидев меня, переставали улыбаться, прежде чем я успевала сказать хоть слово. Никто и никогда не предлагал меня подвезти или потанцевать со мной в лесу, чтобы помочь мне собрать ману, и не снабжал едой, и, самое главное, не бился плечом к плечу против мерзких злыдней, которые постоянно охотятся за волшебниками в поисках добычи. Если бы не мама, меня бы выжили из коммуны. Вы не представляете, сколько милых людей – тех, кто писал гневные письма политикам и регулярно протестовал против социальной несправедливости в отношении летучих мышей, – бодро сказали мне, четырнадцатилетней, как я, наверное, рада поехать в школу (ха-ха) и как, наверное, хочу впоследствии пойти своим путем, повидать мир и все такое.

Пожалуй, я и так не горю желанием возвращаться в коммуну. Человек, сам этого не испытавший, не поймет, как ужасно жить в окружении людей, которые верят буквально во все – от лепреконов до Санта-Клауса, но никак не могут поверить, что ты в самом деле умеешь колдовать. Я буквально в лицо людям тыкала своим умением – или, по крайней мере, пыталась: нужна уйма маны, чтобы просто разжечь огонь, когда на тебя смотрит зауряд, твердо уверенный, что ты спрятала в рукаве зажигалку. Но даже если тебе удастся сотворить эффектное колдовство и люди скажут: «Ого, как здорово», на следующий день они решат, что перебрали с грибочками. И еще

старательнее будут тебя избегать. Я хочу вырваться из школы, но и жить в коммуне тоже не хочу.

Нет. Неправда. Я постоянно мечтаю о возвращении домой. Каждый день я становлюсь напротив вентиляционного отверстия в стене – на безопасном расстоянии и в то же время достаточно близко, чтобы ощущать движение воздуха, – замуриваюсь, закрываю руками лицо, чтобы не чуют вонь перегорелого масла и застарелого пота, и представляю, что дышу запахом сырой земли, сушеного розмарина и жаренной в масле морковки. Что это ветер шумит в деревьях, а солнце зашло за тучку, и что если я открою глаза, то окажусь на лесной полянке...

Я охотно поменяла бы свою комнату на юрту в лесу, даже после двухнедельного дождя, когда все вещи отсырели. Это показалось бы приятным разнообразием после благоухания пожирателя душ. Я скучаю по тем людям. Самой не верится, но после трех лет пребывания в школе я бы обняла даже Филиппу Вокс, если бы увидела ее кислую физиономию с поджатыми губами.

Ну ладно, не обняла бы. Скорее всего, стоит мне провести дома неделю, мои чувства станут прямо противоположными. Ясно, что соседи меня просто терпели. И, возможно, их терпение лопнет, если после школы я снова попытаюсь там поселиться. Совет коммуны – с Филиппой в качестве председателя – скорее всего, изобретет какой-нибудь предлог, чтобы меня вытурить. Речь о «негативной ауре» заходила уже не раз, иногда и в моем присутствии. И тогда я загублю мамину жизнь, потому что она уйдет из коммуны не задумываясь, лишь бы не расставаться со мной.

Еще до того как я попала в Шоломанчу, было ясно, что мой единственный шанс на приличное существование, хоть в какой-то мере – это войти в анклав (если, конечно, я выберусь отсюда живой). Независимые чародеи живут неплохо, если имеют друзей – сообщая можно собирать ману, защищаться, работать и так далее. Но даже если бы окружающие меня любили и были готовы мне помогать (а этого никто и никогда не хотел), я не принесу им пользы. Обычным людям нужна половая тряпка, а не пусковая установка – а я уже два часа тщетно пытаюсь найти заклинание для мытья полов.

Но если ты живешь в шикарном анклаве из пары сотен волшебников и вдруг из недр ближайшей пещеры выползает смертоносный змей или другой анклав объявляет вам войну, очень приятно видеть рядом человека, способного перерезать горло корове и призвать на помощь все силы ада. Иметь в анклаве обладателя таких способностей – значит не бояться, что на тебя нападут или что самому придется приносить в жертву корову и терять пять лет жизни.

А главное – мама не будет плакать.

Но все это зависит от репутации. Никто не пригласит меня в анклав или хотя бы в команду к выпуску, если ребята решат, что я вечная дева в беде, которую должен спасать школьный герой. Из любви ко мне это уж точно не сделают. А Орион вообще не нуждается в том, чтобы утверждать свою репутацию. Он не простой член анклава. Его мать – одна из основных претенденток на место следующей Госпожи Нью-Йорка; в настоящее время это

самый сильный в мире анклав. А отец Ориона – маг-мастер. Орион может особо не беречься, делать лишь минимум заданий, а потом, выйдя из школы, провести жизнь в покое и роскоши, среди первоклассных волшебников и самых удивительных артефактов.

Вместо этого он изображает из себя невесть что. Пожиратель душ, растекшийся на полу в моей комнате, – четвертое его героическое деяние за неделю. Орион спасает всех школьных тупиц и слабаков, не задумываясь о том, кому придется за это платить. Потому что платить обязательно придется. Я каждый день мечтаю вернуться домой, но в то же время прекрасно понимаю, что мне исключительно повезло. Единственная причина, по которой меня допустили в школу, заключается в том, что ее главным образом создал манчестерский анклав и современные британские анклавы удержали за собой право заполнения непропорционально большого числа вакансий. В ближайшие годы ситуация может измениться – шанхайские и джайпурские анклавы с угрозой поговаривают о постройке новой школы в Азии, если не будет перераспределения мест. Но сейчас любой британский подросток, склонный к магии, автоматически включается в список.

Мама могла попросить, чтобы меня вычеркнули, но я не настолько сдурела. Школу создали именно потому, что внешний мир еще хуже. Вся черная магия, которая лезет из вентиляционных отверстий, сточных труб и щелей под дверями, происходит не из Шоломанчи – она приходит в Шоломанчу вслед за нами, неопытными юными чародеями, полными свежей маны, которой мы срочно учимся пользоваться. Из учебника «Основы черной магии» я знаю, что наша аппетитность равномерно возрастает в промежутке между тринадцатью и восемнадцатью годами. Можно сказать, что по сравнению с толстой грубой шкурой взрослого волшебника нас покрывает тоненькая сахарная корочка. Это не придуманная мной метафора – так написано в учебнике, автор которого с удовольствием, в деталях, рассказывает, как сильно злым хочется нас сожрать.

И вот, в туманной дымке конца девятнадцатого века, известный мастер сэра Альфред Купер Браунинг – трудно не запомнить это имя, поскольку оно написано на всех стенах, – придумал Шоломанчу. Как бы меня ни раздражали развешанные повсюду плакаты, школа выглядит очень эффектно. Она соединяется с внешним миром в одном-единственном месте – и это выпускные ворота, которые окружены многочисленными слоями магических защит и хитроумных барьеров. Когда какое-нибудь предприимчивое зло просачивается внутрь, оно попадает лишь в выпускной зал, который соединен с остальной школой минимальным количеством труб и воздушных шахт, необходимых для жизнеобеспечения, и все эти трубы и шахты тоже защищены.

Поэтому злым оказываются в ловушке и большую часть времени пытаются прорваться в школу, в процессе убивая и пожирая друг друга; а самые крупные и опасные просто не могут протиснуться наверх. Им приходится торчать в выпускном зале круглый год, поедая мелочь, и ждать выпуска, чтобы хорошенько попить. В школе до нас гораздо труднее добраться, чем в большом мире, например в юрте. Пока не построили школу, даже ребята из анклавов чаще становились жертвами злым, ну а если ты одиночка, которого не взяли в Шоломанчу, твои шансы пережить пубертат – один к двадцати. По сравнению с этим один к четырем – очень приличный расклад.

Но за защиту приходится платить. Мы платим за нее учебой, а еще своими горестями и ужасом, и все это создает ману, которая питает школу. И в первую очередь мы платим жизнями тех ребят, которым не удалось дожить до выпуска. О чем думает Орион? О чем думают все остальные, глядя, как он изображает героя? В конце концов школа выставит счет.

Но никто об этом не думает. В этом году погибло меньше двадцати старшеклассников – обычно около ста, – и все, похоже, считают, что Орион сотворил чудо, что это очень здорово и что желающих попасть в нью-йоркский анклав будет в пять раз больше обычного. Я могу об этом даже не мечтать – мне и лондонский-то анклав вряд ли светит. Это меня страшно бесит, тем более что я практически звезда. Я уже знаю в десять раз больше заклинаний разрушения и владычества, чем весь выпускной класс, вместе взятый. Ничего удивительного, поскольку я получаю штук пять каждый раз, когда хочу вымыть пол.

Есть и плюсы. Сегодня я изучила девяносто восемь полезных домашних заклинаний на древнеанглийском языке, потому что развеять вонь смогло только девяносто девятое, и книга не исчезала, пока я до него не дошла. То и дело школа оказывает себе медвежью услугу, как раз когда придирается и занудствует. Я измучилась, переводя девяносто девять заклинаний, в то время как за спиной у меня булькала вонючая лужа, но в процессе обзавелась некоторыми полезными знаниями.

Через неделю-другую я буду за это благодарна. А сейчас мне нужно встать и пятьсот раз подпрыгнуть на месте – не сбившись и все это время не отрываясь от кристалла-хранилища. Тогда я наберу достаточно маны и вымою пол, случайно никого не убив. Плутовать я не смею. Здесь нет муравьев и тараканов, которых можно было бы высосать досуха, и день ото дня я становлюсь сильнее, как все мы здесь. Учитывая мой дар, не исключено, что я выведу из строя всех соседей, если попытаюсь сжульничать с заклинанием уборки, и в коридоре будет царить стерильная чистота свежепродезинфицированного морга. У меня, конечно, есть запас маны: мама дала мне с собой кристаллы, которые зарядила в своей компании. В них я могу собирать ману – и делаю это при каждой возможности. Но я не собираюсь пользоваться этими кристаллами, чтобы прибраться в комнате. Они нужны на крайний случай, если вдруг сила понадобится немедленно; к тому же это мой запас на выпуск.

Когда пол стал чистым, я сделала еще пятьдесят отжиманий – за последние три года я приобрела неплохую форму – и наложила любимое мамино окуривающее заклинание. Моя каморка наполнилась запахом женого шалфея – но лучше так, чем пожиратель. Близился ужин. Нужно было вымыться, но мне страшно не хотелось сражаться с тем, что могло выползти из сливного отверстия в душевой – а что-нибудь обязательно бы выползло, стоило мне туда зайти. Поэтому я переоделась, заново заплела волосы и обтерла лицо водой из кувшина. В остатках воды я прополоскала футболку и повесила ее сушиться. У меня было всего две футболки, и обе уже износились. Мне пришлось сжечь половину одежды на вторую ночь моего пребывания в школе, когда из-под кровати вылезла безымянная тень, а взять ману больше было неоткуда. Благодаря этой жертве я сумела уничтожить тень, не черпая жизненную силу ниоткуда. И Ориону Лейку не пришлось меня спасать, верно?

Невзирая на все усилия, я выглядела так прекрасно, что когда пришла на сборное место (мы, естественно, ходим в столовую группами: идти одному значит напрашиваться на неприятности), Лю взглянула на меня и спросила:

- Что случилось, Эль?

- Наш прекрасный спаситель Лейк решил сегодня расплавить в моей комнате пожирателя душ, а мне пришлось за ним прибираться, - ответила я.

- Расплавить? Фу.

Пусть Лю и темная ведьма, зато она не молится на Ориона. Мне она нравится, хоть она и малефицер; Лю одна из немногих, кто со мной общается. Вариантов у нее больше, чем у меня, но она неизменно вежлива.

К сожалению, тут же был и Ибрагим. Он ждал кого-то из своих приятелей и старательно поворачивался к нам спиной, давая понять, что не желает видеть нас в своей компании. Услышав слова Лю, он повернулся к нам и взволнованно сказал:

- Орион спас тебя от пожирателя душ! - Точнее, пропищал. Орион трижды спасал Ибрагима, который в этом явно нуждался.

- Орион загнал пожирателя душ в мою комнату и размазал его по полу, - сквозь зубы произнесла я, - но что толку?

К тому времени, когда к нам присоединились Аадхья и Джек и мы впятером отправились наверх, история уже гласила, что Орион героически спас меня от пожирателя душ. И, понятное дело, к концу ужина (сегодня вырвало только двоих моих одноклассников - мы определенно наострились по части защитных заклинаний и противоядий) об этом узнала вся школа.

В большинстве своем у злыдней нет никаких названий: их слишком много, и они приходят и уходят. Но пожиратели душ - это серьезно: одна-единственная тварь как-то раз сожрала десяток учеников. Это очень скверная смерть, с эффектным световым шоу (со стороны пожирателя) и пронзительными воплями (со стороны жертвы). Я бы упрочила свою репутацию, уничтожив пожирателя - а я вполне могла это сделать. У меня двадцать шесть полностью заряженных кристаллов в резной сандаловой шкатулочке под подушкой; я берегу их именно на такой случай. А полгода назад, когда я пыталась залатать обтрепанный свитер, не прибегая к попытке крючком, я получила заклинание, распускающее душу. Оно разорвало бы пожирателя на части изнутри, и никакого вонючего остатка не было бы - только светящийся дымок. Потом я бы договорилась с Аадхьей, которая специализируется по артефактам и любит странные материалы. Мы бы заставили этот дымок висеть по ночам в коридоре между нашими дверями. Большинство злых чар не любят света. Это преимущество, которое может позволить человеку дожить до выпуска.

Но все, что я в результате получила, - сомнительное удовольствие числиться очередным подопечным Ориона.

Но, во всяком случае, я как человек, едва избежавший смерти, получила хорошее место за столом. Обычно мне приходится сидеть в дальнем конце

полупустого стола вместе с другими школьными париями; а если я сажусь за занятый стол, ребята кучками пересаживаются, пока я не останусь совсем одна, что еще хуже. Сегодня я оказалась за одним из центральных столов, прямо под ультрафиолетовыми лампами (я уже несколько месяцев не получала витамина D кроме как в таблетках), с Ибрагимом, Аадхьей и десятком других относительно популярных ребят; с нами даже села девочка из малюсенького анклава майя. Но я только сильнее разозлилась, слушая, как они с почтением говорят о чудесах, совершенных Орионом. Кто-то даже попросил меня описать схватку.

– Ну, сначала он загнал тварь в мою комнату, потом взорвал дверь, расплавил пожирателя раньше, чем я успела слово сказать, и оставил на полу вонючую лужу, – сердито отбарабанила я, но вы же сами понимаете, что толку не вышло. Все считают, что он великий герой и общий спаситель. Тьфу.

Глава 2

Мимики

После ужина мне предстояло уговорить кого-нибудь пойти со мной в мастерскую за материалом. Очень скверная идея – оставлять дверь незапертой на ночь, и уж тем более дверь с дырой.

– Случайно, никому ничего не нужно в мастерской? – спросила я, стараясь говорить небрежно.

Никто не купился. Все прекрасно понимали, что мне понадобится вниз – и что злыдни остались без добычи. В школе можно уцелеть, только пользуясь всеми преимуществами; и никто не станет оказывать мне услуги, не потребовав платы вперед.

– Я схожу, – сказал Джек, сверкнув в улыбке белыми зубами.

В присутствии Джека темные твари, выползающие из углов, отступили бы на второй план. Я посмотрела ему прямо в глаза и с особым выражением уточнила:

– Да неужели?

Он помедлил и слегка насторожился, а потом пожал плечами.

– А, нет, извини: вспомнил, что мне нужно закончить волшебную лозу, – бодро сказал он, но глаза у него нехорошо сузились.

Я совершенно не хотела намекать Джеку, что мне известны его тайны. Теперь придется стрясти с него плату за молчание, иначе он решит, что должен меня заткнуть, – и он уж не передумает. Еще одна неприятность, в которую меня втянул Орион.

– Что дашь? – спросила Аадхья.

Она человек прямой и прагматичный – одна из немногих в школе, кто готов заключать со мной сделки. Одна из немногих, кто в принципе готов со мной говорить. Но в таких вещах она довольно цинична. Я ценила в Аадхье то, что она не юлила; но теперь, зная, что я в стесненных обстоятельствах, она не стала бы рисковать собой меньше чем за двойную цену. Кроме того, она бы уж постаралась, чтобы основной риск достался мне.

Я нахмурилась.

– Я пойду с тобой, – сказал Орион из-за соседнего стола, где сидели ньюйоркцы.

С начала ужина он смотрел в тарелку, даже когда все мои соседи шумно пели ему хвалу. Он и раньше так себя вел, и я никогда не могла понять, то ли он кокетничает, то ли и впрямь патологически скромн, то ли так ужасно застенчив, что не в состоянии ничего сказать людям, которые его хвалят. Орион даже сейчас не поднял голову – он говорил из-под свисающей лохматой челки, глядя в свою пустую тарелку.

Вот и славно. Разумеется, я не собиралась отказываться от бесплатного сопровождения до мастерской, хотя понимала, что выглядеть это будет все так же: Орион защищает меня.

– Тогда пошли, – кратко сказала я и сразу встала.

Здесь, в школе, лучше не медлить, если у тебя появился план. Особенно если ты намерена сделать что-нибудь необычное.

Шоломанча – не вполне реальное место. Здесь настоящие стены, полы, потолки, трубы, которые сделаны в реальном мире из настоящего железа, стали, меди, стекла и собраны соответственно подробным чертежам, развешанным в школе повсюду. Но я абсолютно уверена: если попытаться воспроизвести это здание в центре Лондона, оно не простоит и секунды. Школа существует только потому, что возведена в пустоте. Я бы объяснила вам, что такое пустота, но сама понятия не имею. Если вы когда-нибудь воображали себе наших первобытных предков, которые смотрели в черноту, полную мерцающих светлых точек, гадая, что же там такое... ну, наверное, в этом есть что-то общее с тем, как мы сидим в дортуарах Шоломанчи, глядя в абсолютную тьму вокруг. Охотно сообщаю вам, что ничего приятного и утешительного в этом нет.

Но благодаря тому что школа почти полностью находится в пустоте, скучные законы физики на нее не действуют. И мастерам, строившим ее, было гораздо проще придать школе нужный вид. Чертежи развешаны повсюду, и когда мы смотрим на них, наша вера укрепляет исходную конструкцию – как и хождение по бесконечным лестницам и коридорам, и надежда на то, что аудитории окажутся там, где мы видели их в последний раз, и что вода будет литься

из кранов, и что все мы продолжим дышать. Хотя если бы вы попросили инженера взглянуть на школьный водопровод и вентиляцию, он бы совершенно точно сказал, что для нужд нескольких тысяч подростков всего этого физически недостаточно.

Это, конечно, очень здорово и чрезвычайно умно со стороны сэра Альфреда, но проблема жизни в поддающемся убеждению пространстве заключается в том, что оно поддается всему. Когда ты бежишь по лестнице вместе с шестью одноклассниками, отчего-то дорога до аудитории оказывается вдвое короче. Но ползучее ощущение тревоги, которое вселяется в тебя, если нужно спуститься в сырой неосвещенный подвал, полный паутины, где наверняка обитает нечто ужасное, тоже воздействует на школу. Злыдни охотно подкрепляют это убеждение. Каждый раз, когда ты делаешь что-нибудь из ряда вон выходящее, например в одиночку идешь в мастерскую после ужина (в это время никто не пойдет вниз по доброй воле), лестница может завести тебя в такое место, которого нет на чертежах. И ты не обрадуешься встрече с тамошними обитателями.

Поэтому, как только ты понимаешь, что нужно сделать что-то необычное, принимайся за дело поскорее. Не давай себе (и школе) времени задуматься. Я устремилась к ближайшей лестничной площадке, а когда мы с Орионом отошли подальше от остальных, процедила:

- Что именно в словах «отвали от меня» тебе непонятно?

Орион шел рядом со мной, ссутулившись и сунув руки в карманы; но тут он вскинул голову:

- Но... ты сама сказала: пошли...

- То есть нужно было послать тебя при всех после того, как стало известно, что ты меня типа спас?

Он остановился посреди лестницы и начал:

- Я...

Мы находились между этажами, далеко от площадки, и ближайшим источником света, еще не до конца потухшим, была шипящая газовая лампа в двадцати шагах за спиной. Наши тени падали на ступеньки перед нами. Остановиться хоть на долю секунды значило напраситься на неприятности.

Я продолжала идти - потому что я не дура - и уже спустилась на две ступеньки, когда поняла, что Орион застыл на месте. Пришлось схватить его за руку и потянуть:

- Не сейчас. Что с тобой такое? Нарываешься на встречу с новыми прекрасными злыднями?

Он покраснел и зашагал следом, еще упорнее глядя в пол. Моя реплика не блистала остроумием, но, похоже, мне удалось его уязвить.

- Тех, что сами к тебе лезут, недостаточно?

- Не лезут, - коротко сказал он.

- Что?

- Они ко мне не лезут. Никогда!

- Что, злыдни на тебя не нападают? - негодуя спросила я. Он дернул плечом. - А откуда тогда взялся пожиратель душ?

- Я просто вышел из душевой! И увидел, как его хвост исчезает у тебя под дверью.

Значит, Орион действительно меня выручил. Час от часу не легче.

Пока мы шагали вниз, я усиленно размышляла над его признанием. Конечно, в этом есть своя логика: зачем чудовищу нападать на великого героя, который с легкостью разнесет его на части? Но позиция Ориона была мне непонятна.

- И ты решил прославиться, спасая остальных?

Он снова пожал плечами, не глядя на меня. «Нет».

- Тебе что, нравится драться со злыднями? - продолжила я, и Орион опять покраснел. - Ты какой-то очень странный.

- А ты разве не любишь упражнять свою способность? - спросил он.

- Моя способность - массовое уничтожение. У меня мало возможностей потренироваться.

Он фыркнул, как будто я пошутила. Я не стала его убеждать. Нетрудно заявить, что ты могущественная темная колдунья: никто не поверит, пока не получит доказательства, причем неопровержимые.

- В любом случае - откуда ты берешь силу? - Я часто об этом задумывалась. Любая способность упрощает наложение заклинаний определенного типа, но все-таки даром это не дается.

- У них. У злыдней. Я убиваю чудовище и забираю силу, чтобы наложить следующее заклинание. Или, если запаса мало, немножко одалживаю у Магнуса, или у Хлои, или у Дэвида...

Я скрипнула зубами:

- Понятно.

Он назвал имена других учеников из нью-йоркского анклава. Понятно, что они делятся силой - и конечно же у них есть свои артефакты, наподобие моих кристаллов. Не считая того огромного хранилища, которое наполняли все ньюйоркцы в течение последних ста лет. У Ориона буквально был аккумулятор, откуда он мог черпать энергию для подвигов; а если он извлекал ману из убитых злыдней (но как?), возможно, он даже не нуждался во внешних резервах.

Мы достигли этажа, на котором находилась мастерская. Ниже был этаж выпускного класса, и оттуда на лестницу пробивалось слабое сияние. Но в коридоре с аудиториями царил непроглядная чернота: свет не горел. Я мрачно заглянула в арку, когда мы ступили на площадку. Вот к чему привели несколько секунд колебания. И если злыдни не охотились за Орионом – значит, все притаившееся в коридоре должно напасть на меня.

– Я пойду первым, – предложил он.

– Даже не сомневайся. И свет тоже будешь держать.

Орион не стал спорить, просто кивнул, вытянул левую руку и зажег ее, используя облегченную версию испепеляющего заклинания, которым он убил пожирателя душ. У меня задергался глаз. Он собирался вот так взять и зайти в коридор! Я оттащила Ориона, осмотрела потолок и пол, потыкала в стены. Обьедатели, которые некоторое время голодали, прозрачны, и если такая тварь распластается тонким слоем по поверхности, ее не заметишь, пока она не обернется вокруг тебя. Через эту площадку проходит много народу, поэтому у обьедателей она пользуется популярностью. В начале года им попался один среднеклассник, бегущий на урок; он потерял ногу и почти всю левую руку. После этого он долго не продержался.

Но вокруг площадки было чисто. Я никого не заметила, кроме липуна, прячущегося под одной из газовых ламп – размером не больше мизинца, поэтому даже время на него не стоило тратить. К его панцирю прилипли только две гайки, половинка леденца и колпачок от ручки. Он в ужасе засеменял прочь по стене и нырнул в вентиляцию. Никто на него не отреагировал. Это был нехороший знак. Вечером, в темном коридоре рядом с мастерской, просто обьязано таиться что-нибудь.

Разве что впереди ожидал настоящий монстр, распугавший мелочь.

Я положила ладонь на плечо Ориону и обернулась; так мы и зашагали к мастерской. Лучший способ перемещения для пары, если грозит неопределенная опасность. Большинство аудиторий были приоткрыты – ровно настолько, чтобы поворачивающаяся дверная ручка не успела нас встревожить, но недостаточно, чтобы мы могли заглянуть в помещение, мимо которого проходили (а их были десятки). Не считая мастерской и спортзала, почти весь нижний ярус занимают маленькие классные комнаты, где у выпускников проходят специализированные семинары. Но они заканчиваются в первом семестре; последние полгода все старшие неустанно готовятся к выпуску – а опустевшие аудитории становятся идеальным укрытием для злыдней.

Орион следил за дорогой, и доверять ему в этом было сложно. По неосвещенному коридору он шел слишком невнимательно, а когда подошел к мастерской, то просто открыл дверь и шагнул внутрь, прежде чем я успела понять, что он делает. Выбор был либо следовать за ним – либо остаться в темном коридоре одной.

Ступив за порог, я схватила Ориона за футболку, чтобы притормозить, и мы остановились прямо за дверью. Яркий свет его руки отражался от блестящих зубьев пилы, тусклого железа тисков, сверкающей обсидиановой черноты молотов, глянцевиной поверхности столов и стульев, стоящих аккуратными

рядами. Газовые лампы превратились в крошечные синие точки. Приземистые кузнечные горны в конце каждого ряда вспыхивали сквозь решетку маленькими оранжево-зелеными огоньками. Другого света не было. Мастерская казалась переполненной, хотя в ней не было ни души. Обстановка занимала слишком много места, словно стулья умножились. Мы все ненавидели мастерскую. Даже алхимические лаборатории были лучше.

Мы простояли неподвижно целую минуту – ничего не произошло, – и наконец я нарочно наступила Ориону на пятку.

– Ой.

– Извини, – неискренне сказала я.

Он уставился на меня, явно не желая играть роль половика.

– Просто возьми то, что нужно, и пошли, – сказал он, будто это так просто – сойти с ума и начать рыться в ящиках.

Орион повернулся к стене и щелкнул выключателем. Свет, естественно, не зажегся.

– Иди за мной, – велела я и подошла к ящикам с обрезками металла.

Я взяла висящие сбоку длинные клещи и осторожно открыла крышку. Потом сунула внутрь руку, достала четыре большие плоские пластины, хорошенько их потрясла и постучала ими о край ближайшего стола. Сама я сразу бы столько не унесла, но я подумала, что заставлю Ориона помогать – и тогда мне будет чем поторговаться в следующий раз.

Забрав железо, я не пошла за проволокой, потому что это было слишком очевидно; вместо этого я приказала Ориону достать из другого ящика пригоршню винтов, гаек и шурупов. Они не особенно пригодились бы при починке двери, но стоили недешево – значит, я могла обменять их у Аадхьи на проволоку, которая у нее точно была, и еще немножко у меня бы осталось. Я сунула их в карманы брюк.

Ничего не поделаешь – нужно раздобыть плоскогубцы.

Сундуки с инструментами – громадные, приземистые, толщиной с человеческое туловище (угадайте, что находили внутри пару раз с моего поступления в школу). Нельзя забрать с собой инструменты, которыми пользуешься на уроке: если попытаешься – будет плохо. Взять что-либо для личного пользования можно только после занятий, и это один из верных способов умереть, поскольку твари, которые забираются в сундуки с инструментами, очень неглупы. Если открыть крышку неосторожно...

Пока я продолжала обдумывать стратегию, Орион протянул руку и откинул крышку. Внутри не было абсолютно ничего, кроме аккуратно разложенных молотков, разнообразных отверток, гаечных ключей, ножовок, плоскогубцев... было даже сверло. И ничто из перечисленного не выпрыгнуло, чтобы ударить Ориона по голове, оторвать ему пальцы или выбить глаз.

– Достань плоскогубцы и сверло, – сказала я, подавив бурлящую внутри зависть. Нужно извлечь из ситуации максимум пользы.

Сверло. Ни у кого в нашем коридоре сверла не было. Никто, кроме выпускников-мастеров, его даже не видел больше одного-двух раз.

Вместо этого Орион схватил два молотка, ловким движением развернулся и запустил один из них в темноту за моей спиной, прямо в лоб твари, в которую превратился обыкновенный металлический стул. Теперь это было текучее серое пятно с челюстями, полными зазубренных серебристых зубов в том месте, где сиденье стула переходило в спинку. Я нырнула Ориону под руку, захлопнула крышку сундука и заперла ее, прежде чем что-нибудь успело оттуда вылезти, а потом повернулась и увидела, как еще четыре стула выпустили ножки и устремились к нам. Их было слишком много.

Орион напевал кузнечное заклинание. Ближайший к нам мимик начал светиться алым, и Орион ударил его вторым молотком, пробив громадную дыру в боку. Из зубастой пасти вырвался скрипучий пронзительный вопль, и тварь опрокинулась. Но остальные тем временем выпустили острые как ножи конечности и бросились на меня.

– Берегись! – крикнул Орион.

Что толку кричать? Я их и так видела.

Я знала жуткое заклинание, способное расплавить кости врагов – в данных обстоятельствах оно бы идеально подошло, если бы я была готова пустить на ветер цистерну маны и если бы вместе с врагами не расплавился и Орион. Оставалось только одно. Я выкрикнула домашнее заклинание на древнеанглийском и отскочила в сторону: все четыре стула-мимика заскользили на мыльном полу и покатались мимо меня прямо к Ориону. Пока он с ними разбирался, я схватила два куска железа и побежала к двери. Проволоку буду наматывать голыми руками, если понадобится.

Не понадобилось. Орион, тяжело дыша, догнал меня на лестнице. Он держал еще два куска железа, плоскогубцы и сверло.

– Большое спасибо, – негодуя произнес он.

На предплечье у него был тонкий кровавый порез.

– Я знала, что ты справишься, – с горечью ответила я.

Подъем до нашего этажа занял целых пятнадцать минут. Мы не разговаривали, и ничто нам не докучало. По пути я постучала к Аадхье, обменяла железо на проволоку и заодно дала понять, что у меня есть дрель. Люди, которые не стали бы меняться со мной, охотно поменялись бы с ней, а если я раздобывала что-то, чего не было у Аадхьи, она обычно за небольшой процент выступала посредником. Затем я велела Ориону стоять на страже и принялась чинить дверь. Дело было нелегкое. Я аккуратно просверлила отверстия в одной железной пластине, примотала ее проволокой поверх дыры, которую оставил в двери Орион, и как следует закрепила. Потом я села, скрутила несколько рядов тонкой проволоки и, поставив на место остатки

дверной ручки и замка, закрыла дверь и проделала то же самое изнутри с помощью второго куска железа.

- Почему ты просто не используешь заклинание починки? - осторожно поинтересовался Орион на середине нестерпимо скучного процесса, когда решил посмотреть, с чем я так долго вожусь.

- Я использую заклинание починки, - проговорила я сквозь зубы.

Даже при наличии кусачек и сверла руки у меня тряслись. Орион с нарастающим смущением наблюдал за мной, пока я наконец не просунула в отверстие последний кончик проволоки и, приложив ладони к заделанной дыре, закрыла глаза. Базовую версию заклинания починки учим мы все на занятиях в мастерской. Занятия - единственный способ получить самые важные из основных заклинаний. Починка входит в их число, поскольку в школу ничего нельзя пронести извне, не считая того небольшого, что разрешается взять с собой при поступлении. Но это также и одно из самых трудных заклинаний, с десятками вариаций, в зависимости от материала, с которым ты работаешь, и сложности предмета, который пытаешься починить. Только мастера, специалисты по артефактам, могут справиться безупречно, да и то не с любым материалом.

Но это заклинание хотя бы можно читать на родном языке.

- Чинись, собирайся, моей воле подчиняйся, железо гнись, сталь стибайся, - сказала я (мы все неплохо подбираем рифмы), сопроводив свои слова шестнадцать постукиваниями (среднее число между двадцатью тремя, необходимыми для листового железа, и девятью, необходимыми для проволоки). Затем я обратилась к мане, которую собрала, занимаясь этим чертовски кропотливым ручным трудом. Материалы неохотно задвигались. Куски железа превратились в нечто вроде густой замазки, которой я заполнила зияющую дыру в двери. Когда поверхность под моими руками стала гладкой и затвердела, обе дверные ручки издали грубый звук вроде отрывки и наконец встали на место; с громким щелчком выдвинулся засов. Я опустила руки, перевела дух и обернулась.

Орион стоял посреди комнаты, глядя на меня как на экзотическое животное:

- Ты пользуешься только маной? - Он произнес это так, будто я была членом темной секты.

Я гневно взглянула на него:

- Не все умеют извлекать силу из злыдней.

- Но... почему ты не берешь ее... из воздуха, из мебели... у всех ребят ножки кровати в дырках...

Он не ошибся. Плутовать в Шоломанче очень трудно, потому что тут нет мелких животных, у которых можно черпать силу - ни муравьев, ни тараканов, ни мышей, если только ты не принес их с собой, что непросто, поскольку в школу пропускают лишь те вещи, которые физически находятся на тебе в момент входа. Но большинство учеников вытягивают малые количества маны из неодушевленных предметов - высасывают тепло из воздуха или

расщепляют деревяшки. Это гораздо проще, чем вытянуть ману из живого человека, тем более из другого чародея. Для большинства, во всяком случае.

- Если я попробую, не получится, - сказала я.

Орион смотрел на меня хмурясь.

- Э... Галадриэль, - произнес он мягко, словно решил, что я сошла с ума. Что я из тех, у кого в школе срывает крышу.

Из-за Ориона у меня и так выдался ужасный день, и это была последняя капля. Я вцепилась в него. Не руками. Я ухватила за его ману, его жизненную силу, и хорошенько дернула.

Большинству волшебников приходится трудиться, чтобы вытянуть силу у живого существа. Существуют особые ритуалы, упражнения на тренировку воли, куклы вуду, кровавые жертвоприношения. Много кровавых жертвоприношений. А мне почти не приходится прикладывать усилий. Мана Ориона отделилась от его духа, как рыба на удочке отделяется от воды. Было достаточно потянуть еще немного, и она оказалась бы в моих руках - вся эта аппетитная сила, которую он собрал. Более того, я бы, наверное, могла вытянуть ману и из его друзей по анклаву. Я могла бы высосать их всех.

Когда у Ориона глаза полезли на лоб от ужаса, я отступила, и мана хлынула в него обратно - это было все равно что до предела натянуть резинку, а потом отпустить. Он попятился, вскинул руки, словно готовясь драться. Но я, не обращая на него внимания, с размаху села на кровать и закусила губу. Каждый раз, когда я вот таким образом даю себе волю, мне кажется, что я гнию изнутри. Меня точно дразнят, показывая, как все будет просто, если я поддамся.

Орион по-прежнему стоял в углу подняв руки, и вид у него был довольно нелепый - я ведь ничего не делала.

- Ты малефицер! - сказал он, словно пытаюсь побудить меня к действиям.

- Я знаю, тебе это нелегко, - ответила я сквозь зубы, подавляя рыдания, - но перестань быть идиотом хоть на пять минут. Будь я малефицером, я бы высосала тебя досуха еще вниз и сказала бы всем, что ты погиб в мастерской. И никто бы ничего не заподозрил.

Похоже, это его не успокоило.

Я потерла лицо испачканной рукой и безутешно добавила:

- Кроме того, будь я малефицером, я бы просто высосала вас всех и получила всю школу в свое распоряжение.

- Да кому это надо? - помолчав, спросил Орион.

Я фыркнула. Как ни странно, он был прав.

- Малефицеру, конечно!

- Даже малефицеру не надо, - возразил он.

Орион опустил руки, но держался настороженно - он отступил еще на шаг, когда я встала. Я скакнула в его сторону, скрючив пальцы как когти, и выкрикнула:

- У-ух!

Орион сердито уставился на меня. А я стала наводить порядок. Остатки железа я засунула под матрас - там они точно не превратятся за ночь во что-нибудь малоприятное. Сверло и кусачки вместе с двумя ножами и моей маленькой драгоценной отверткой я прочно привязала к крышке сундука с вещами. Если держать предметы привязанными к крышке изнутри, то если они освободятся, ты заметишь болтающиеся ремни, едва приоткрыв крышку. Я регулярно их проверяю, поэтому вещи у меня уже давно не сходили с ума. Школа времени не теряет.

Потом я хорошенько вымыла руки и лицо; воды в кувшине осталось на доньшке.

- Если ждешь благодарности, ждать придется долго, - вытершись, предупредила я Ориона.

Он по-прежнему стоял в углу и смотрел на меня:

- Да, я понял. А ты не шутила насчет своей способности. Так ты кто: малефицер, который пользуется только маной?

- Не гони. Я никакой не малефицер, но лучше не провоцируй. - Я старалась выразиться как можно яснее, поскольку сложных фраз Орион, очевидно, не понимал. - Иди отсюда. В любом случае, скоро отбой.

После отбоя лучше не оказываться в чужой комнате. Иначе мы бы поселились по двое и по трое и караулили по очереди, не говоря уж о том, что выпускники выдворили бы младших с верхнего этажа и оттянули бы выпуск на год-другой. Видимо, именно так и случилось, когда ученики обнаружили, что внизу, в выпускном зале, ждет орда злыдней. Не знаю, что за фокус провернули строители школы, но комната, в которой присутствует более одного человека, превращается в настоящий магнит для злыдней. И даже не надейся, что успеешь выскочить в коридор и добежать до своей спальни, когда поймешь, во что влип. В младшем классе две девочки, жившие по соседству со мной, попытались это проделать. Одна долго вопила прямо у меня под дверь. Вторая даже не сумела выбраться из комнаты. Короче, ни один человек в здравом рассудке не станет так рисковать.

Орион, продолжая пялиться на меня, отрывисто спросил:

- Что случилось с Луизой?

Я немного растерялась... а потом до меня дошло.

- Ты думаешь, я ее убила?

- Это точно не злыдни, - сказал он. - Она жила рядом со мной - и исчезла ночью. Я бы знал. Я уже дважды защищал ее от них.

Я задумалась. Если ему сказать - он накинется на Джека. С одной стороны, Джек, возможно, перестанет быть проблемой. С другой - если Джек будет все отрицать, а он будет, - моей проблемой станут они оба. В отсутствие доказательств рисковать не стоило.

- Просто поверь, что это не я. Между прочим, в школе есть практикующие мадефицеры. В выпускном классе их минимум четверо.

Вообще-то их было шестеро, но трое практиковали открыто. Сказав «четверо», я намекнула, что обладаю неким тайным знанием - достоверным, но не таким масштабным, чтобы стоило допытываться.

- Иди подерись с ними, если тебе недостаточно спасать всякую бестолочь от злыдней.

Его лицо окаменело.

- Знаешь, учитывая, что я дважды спас тебя... - начал он.

- Трижды, - холодно перебила я.

Орион явно смутился:

- Э...

- Химера в конце прошлого семестра, - еще холоднее произнесла я.

Раз уж он меня запомнил - пусть хотя бы запомнит без ошибок.

- Целых три раза! Между прочим, ты могла бы...

- Нет, не могла.

Он замолчал и покраснел. До сих пор, кажется, я не видела, как Орион злится: он только сутулился и смущался - либо бросался в бой.

- Я не просила тебя о помощи. Я в ней не нуждаюсь. На нашем курсе осталось больше тысячи учеников, и все они перед тобой преклоняются. Если тебе нужно обожание - иди к ним.

В коридоре зазвонил колокол: пять минут до отбоя.

- А если не нужно - все равно катись!

Я схватилась за дверную ручку, шелкнула блестящим новеньким - ну, допустим, тусклым новеньким - замком и распахнула дверь.

Орион явно пытался придумать колкий ответ, но тщетно. Видимо, к нему редко обращались с такими предложениями. Поборовшись с собой, он насупился и вышел.

С восторгом сообщаю вам, что захлопнула дверь прямо у него за спиной.

Глава 3

Малефицер

Я была измучена, однако провела еще полчаса, делая приседания и собирая ману, чтобы воздвигнуть защитный барьер вокруг кровати. Я не могу позволить себе ставить его каждую ночь, но сегодня я совсем вымоталась и нуждалась в защите, чтобы не стать легкой добычей. Поставив барьер, я забралась в постель и заснула мертвым сном – не считая трех раз, когда я просыпалась от предостерегающего подергивания проволочных растяжек вокруг двери; оно и неудивительно, но войти никто всерьез не пытался.

На следующее утро ко мне постучала Аадхья и предложила вместе пойти в душ и на завтрак, что было очень любезно с ее стороны. Я задумалась, с чего бы это. Сверло не было настолько ценным. Благодаря обществу Аадхьи я смогла принять душ впервые за неделю и заново наполнить кувшин. И она даже не попыталась потребовать с меня платы – конечно, не считая того, что я тоже покараулила, пока она мылась.

Все стало ясно, когда мы зашагали в столовую.

– Так, значит, вы с Орионом вчера уединились в мастерской, – сказала она преувеличенно небрежным тоном.

Только усилием воли я не остановилась как вкопанная:

– Это не было свиданием!

– Он даже не попросил поделиться? – спросила Аадхья, метнув на меня взгляд.

Я скрипнула зубами. В моем случае этот общепринятый способ отличать свидание от сделки вряд ли бы помог.

– Он вернул долг.

– Ну ладно, – сказала Аадхья и тут же спросила: – Орион, ты идешь завтракать?

Он как раз закрывал за собой дверь комнаты, и я сразу сообразила, что, вероятно, она поутру привязала проволоку к его двери, чтобы знать, когда он пойдет чистить зубы. Она пыталась пообщаться с Орионом через меня. Это

было бы забавно, если бы не внушило мне желания дать Аадхье по башке. Чего доброго, все решат, что я нуждаюсь в помощи Ориона.

- Пойдем вместе?

Он взглянул на меня - а я на него, думая «Отвяжись! Отвяжись!» - и непонятно зачем сказал:

- Конечно.

Орион не нуждался в компании - наверняка он согласился пойти с нами просто назло мне. Он зашагал справа от Аадхьи, а я слева, одновременно обдумывая месть. Отстать от них я не могла, потому что в коридоре было пусто и я оказалась бы идеальной мишенью. Завтрак и вполночь не так опасен, как ужин, но все-таки не стоит ходить поодиночке. Надежда хорошим спутником не является.

- Вчера в мастерской было что-нибудь странное? - спросила Аадхья. - У меня сегодня утром занятие по металлообработке.

- Да нет, ничего особенного, - ответил он.

- Ты с ума сошел! - крикнула я.

Никто не обязан лезть из шкуры вон, спасая других - каждый сам о себе заботится, - но если начнешь утаивать информацию и сбивать людей с толку - жди неприятностей. По мнению большинства учеников, это еще хуже, чем быть малефицером.

- В мастерской торчали пять мимиков, прикинувшихся стульями, - сказала я Аадхье.

- Я же их убил! - возмущенно заявил Орион.

- Не факт, что там не было других, которые ждали обедков, - ответила я, с отвращением покачав головой.

Аадхью это не порадовало. Я бы тоже не обрадовалась, если бы мне пришлось идти в мастерскую, где теоретически околачивались мимики. Но, владея информацией, она хотя бы могла позаботиться о том, чтобы не стать для них первым блюдом. К примеру, закрыть спину щитом.

- Я займу стол, а вы идите за подносами, - сказала она, когда мы вошли в столовую.

По мне, Аадхья слишком хитрая. Впрочем, я ее не виню. Если уж представилась возможность подружиться с Орионом, зачем ее упускать? Родные Аадхьи живут в Нью-Джерси; если она попадет в нью-йоркский анклав, то, возможно, сумеет перетащить их всех. А я не могу позволить себе отшить одного из немногих людей, которые не отказываются иметь со мной дело. Я угрюмо встала в очередь и нагрнула поднос для нас обеих, слабо надеясь, что Орион заметит кого-нибудь из друзей по анклаву и отстанет от нас. Но вместо этого он положил на свой поднос пару яблок, а потом простер руку над моей головой и, произнеся «C'est temps dissoudre par

coup de foudre», испепелил щупальце, которое высунулось из-под подноса с необыкновенно аппетитной яичницей. Оно растворилось с тошнотворной вонью; в воздухе повисло зеленое облако, которое немедленно осело на яичницу.

– Это самое дурацкое заклинание из всех, что я слышала, и произношение у тебя ужасное! – гнусаво произнесла я, обогнула зловонный поднос и направилась к овсянке.

– «Спасибо, Орион, я и не заметила, что этот кровосос собирался мной позавтракать», – сказал Орион. – Не за что, Галадриэль, не стоит благодарности.

– Я заметила! Он высунулся всего на полсантиметра, и я бы успела положить себе яичницы, если бы ты не влез! Если я к концу старшего класса не набралась ума и не научилась проверять периметр, то даже твое внимание не поможет мне выжить! Ты что, мазохист? Зачем ты продолжаешь навязывать мне свои услуги?

Я схватила банку с изюмом, накрыла ее блюдцем и встряхнула так, что высыпалось сразу штук двадцать. Старательно потыкав их вилкой, я перешла к банке с корицей, но достаточно было раз потянуть носом, чтобы понять, что корица сегодня не вариант. Сливки тоже никуда не годились: стоило поднести их к свету – и становилась видна синеватая пленка на поверхности. Хорошо хоть тростниковый сахар не испортился.

Я быстро глянула в обе стороны, выйдя из очереди, и понесла оба подноса туда, где сидела Аадхья. Она заняла нам место за третьим столом от двери – достаточно близко, чтобы выбраться, если нас попытаются зажать в столовой, и достаточно далеко, чтобы не оказаться в первых рядах, если кто-нибудь прорвется из коридора. Аадхья зачистила периметр, наложила заклинание безопасности на столовые приборы и даже принесла чистый графин.

– Яичницы не будет – спасибо нашему супермену, – сообщила я, ставя подносы на стол.

– Это был прилипала? Один такой напал на выпускника, как раз перед нашим приходом. – Аадхья кивком указала на стол, где, привалившись к двум товарищам, почти без чувств сидел парень из выпускного класса. Вокруг его предплечья виднелись огромные кровавые следы присосок. Друзья пытались напоить беднягу, но, судя по бледному потному лицу, парень был в шоке, и одноклассники уже обменивались поверх его головы безнадежными взглядами.

Конечно, до конца привыкнуть к этому нельзя, но только самые чувствительные и нежные натуры способны рыдать над потерями накануне выпуска. В это время нужно заключать союзы и планировать стратегию: как бы ни был важен конкретный человек, придется найти ему замену – что нелегко за три недели до конца семестра.

Первый звонок прозвенел для выпускников – мы покидаем столовую через определенные промежутки времени, ученики выпускного класса первыми, и если вы подумали, что первым идти опаснее всего – вы правы. Ребята осторожно уложили пострадавшего головой на стол. За соседним столом сидели Ибрагим и Якуб – здесь, в нашем террариуме, они закадычные

приятели, хотя оба знают, что сразу же забудут друг о друге, если выживут и выберутся отсюда. Один из выпускников повернулся к ним и что-то сказал – наверное, попросил остаться с их приятелем до конца, не задаром, конечно. Выпускникам было пора идти в спортзал, и терять время они не могли – довольно и того, что они лишились члена команды незадолго до выпуска. Ибрагим и Якуб переглянулись, кивнули и пересели. Небезопасно прогуливать занятия накануне экзаменов, но уроки не так важны, как выпускная практика.

– Все еще жалеешь, что я его убил? – спросил меня Орион.

Лицо у него мучительно кривилось, хотя, держу пари, он был даже не знаком с этим парнем. Больше никто не смотрел в ту сторону. Сочувствие здесь приходится дозировать точно так же, как канцелярские принадлежности, – если, конечно, ты не анклавный герой с кучей маны.

– Все еще жалею, что осталась без яичницы, – холодно сказала я и принялась за овсянку.

Ибрагим не прогадал: выпускник умер прежде, чем прозвенел наш звонок. Ибрагим и Якуб оставили его тело прямо там – руки и голова на столе, как будто он просто прилег вздремнуть. Когда мы придем обедать, его уже не будет. Главное – не садиться за тот же стол, и за соседние тоже. Твари, которые в таких случаях приходят за поживой, обычно задерживаются, рассчитывая получить еще порцию.

По утрам у меня занятия по иностранным языкам: я изучаю пять. Не думайте, что я какой-то безумный полиглот. В школе всего три специальности – заклинания, алхимия и мастерство. И заклинания – единственное, что можно практиковать прямо у себя в комнате, не ходя в лабораторию и в мастерскую чаще необходимого. Алхимия и мастерство имеют стратегический смысл, если ты человек вроде Аадхьи – с близкой способностью. Тогда ты получаешь двойную выгоду: во-первых, действуешь в своих интересах, а во-вторых, работаешь в сфере с относительно небольшой конкуренцией. Если она выберется отсюда живой – умный и образованный мастер со способностью к необычным материалам и кучей полезных связей, возможно, сумеет устроиться даже в Нью-Йорке. Если не в Нью-Йорке, то в Новом Орлеане или Атланте. Чем лучше анклав, в который тыходишь, тем больше запас силы, которой можно пользоваться. У нью-йоркских и лондонских мастеров хватит мощи, чтобы построить трансатлантический портал, – иными словами, если я все-таки попаду в Нью-Йорк, то смогу в мгновение ока оказаться в Бирмингеме, откуда на поезде до дома рукой подать.

Конечно, если я не придумаю что-нибудь уникальное, о Нью-Йорке не стоит и мечтать. Скорее всего, этот анклав мне вообще не светит, учитывая, что я регулярно размышляю об убийстве их суперзвезды. Но в Европе уйма хороших анклавов. Впрочем, меня и они не примут, если я не выйду отсюда с хорошей репутацией и внушительным списком заклинаний. Если занимаешься заклинаниями, нужно либо учить языки, чтобы собрать коллекцию побольше, либо заняться творчеством и изобрести что-нибудь свое. Я пробовала сочинять, но тяга слишком сильна. Если я пишу умеренно полезное заклинание, оно не работает. Чаще всего оно небезопасным образом взрывается мне в лицо. Единственный раз, когда я, следуя маминому примеру, дала волю своему потоку сознания, получилось высокоэффективное

заклинание, способное вызвать взрыв супервулкана. Я тут же его сожгла. Но если ты придумал заклинание, оно остается в мире, и кто знает – может быть, однажды им воспользуются. Надеюсь, в школе нет такого урода, которому понадобится заклинание, способное взорвать супервулкан. Но все-таки сочинительством я больше не занимаюсь.

Иными словами, мой основной источник уникальных заклинаний – пустота. Теоретически я могу безостановочно просить заклинаний, но если ты не прочитываешь то, что получаешь, к моменту использования они либо становятся чепухой, либо оказываются не тем, что нужно, либо исчезают. А если просто пробегаешь слишком много заклинаний, не изучив их, они начинают мешаться в голове, и тогда тебя точно разорвет на кусочки. Да, если надо, я могу выучить сотню близкородственных заклинаний уборки подряд, но мой лимит полезных чар – девять-десять в день.

Зато у меня нет ограничений на заклинания, касающиеся массового уничтожения. Я могу запомнить штук сто с одного взгляда и никогда их не забываю. Наверное, это и к лучшему: если мне понадобится одно полезное, придется разгрести целую сотню.

Если ты собираешь заклинания, а не пишешь собственные, знание языков критично. Школа выдает заклинания только на тех языках, которые ты хотя бы теоретически знаешь, но, как вы уже поняли, она не особо старается соответствовать твоим нуждам. Ученик, который знает десяток языков и предоставляет выбор школе, с большей вероятностью получит то, что хочет. Кроме того, чем больше языков ты знаешь, тем проще меряться с другими ребятами, чтобы получить заклинания, которые не удалось добыть из пустоты.

Основные языки – конечно английский и китайский; тот, кто не знает хотя бы одного из них, вообще сюда не попадет, поскольку основные уроки ведутся только на них. Если тебе повезло и ты знаешь оба, то сможешь пользоваться половиной заклинаний, имеющих хождение в школе, и, соответственно, составлять расписание остальных занятий. Лю слушает историю и математику по-английски (это сходит за занятия иностранным языком), а «окна» в расписании использует для того, чтобы учиться сочинять на обоих языках. Как вы догадываетесь, большинство магов с колыбели приглашают к детям частного преподавателя. А мама, ясное дело, вместо этого учила меня языку маратхи – из-за папы. Еще бы только ребята из Мумбая, до которых дошли слухи о пророчестве моей прабабки, не смотрели на меня как на прокаженную.

Надо отдать маме должное: учить меня маратхи она начала, когда мне было два года – тогда она еще надеялась переехать к папиным родным. Сама она круглая сирота. Незадолго до поступления в школу – мы это не обсуждали, но я абсолютно уверена, что именно так она и попала в Шоломанчу, – мама обзавелась злым отчимом, в буквальном смысле. Это был осторожный профессиональный малефицер, на грани распада. Он почти наверняка отравил маминого отца – доказательств нет, но совпадений уж слишком много, – чтобы сойтись с ее матерью, которая, несмотря на горе, не утратила целительского дара. Бабушка до конца жизни заботилась о нем (она внезапно умерла от сердечного приступа, когда мне еще не исполнилось трех лет).

Отчим до сих пор, насколько мне известно, живет и здоровствует – правда, наши отношения не назовешь близкими. Он несколько раз присылал тоскливые письма, вложенные в самые обыкновенные конверты, пытаюсь добраться и до мамы. Когда мне было лет шесть, я случайно вскрыла одно такое письмо, почувствовала попытку залезть ко мне в голову и инстинктивно дала сдачи. Ощущение от этого – словно тебе в глаз воткнули щепку. Больше он не рисковал.

После того как с папиной семьей не сложилось, мама продолжала цепляться за идею, что язык даст мне своего рода связь с ним – в каком-то неопределенном будущем. Но в те годы это была просто еще одна странность, а я даже в детстве инстинктивно сознавала, что хватит с меня неординарности. Мы жили в глуши, и мои одноклассники не отличались терпимостью. Одна девочка как-то сказала, что у меня кожа чайного цвета – это неправда, но выкинуть ее слова из головы я уже не могла. И в коммуне было ничуть не лучше. Никто там не шептал мне оскорблений на детской площадке, зато взрослые намекали, чтобы, с одной стороны, я перестала заниматься вместе с ними йогой, а с другой – помогала им переводить с хинди (которого, кстати, я не знала).

Конечно, я должна быть благодарна – тогда-то я и сообразила, что хинди популярнее. Когда до меня дошло, что языки позволят мне выжить, я перестала жаловаться по поводу школы и потребовала уроков хинди – как раз вовремя, чтобы бегло овладеть им перед поступлением. Хинди дает не так много возможностей, поскольку большинство ребят, говорящих на нем, также владеют и английским; поэтому обычно они просят заклинания на английском, чтобы было чем махнуть. Но лучше знать самые разные, не похожие друг на друга языки. В случае с редкими или мертвыми языками гораздо труднее найти человека, с которым можно обменяться заклинаниями – зато с большей вероятностью получишь какие-нибудь уникальные чары, ну или то, что будет лучше соответствовать запросу (как вышло с моими дурацкими заклинаниями на древнеанглийском). Хинди достаточно распространен, так что можно найти уйму желающих для сделок, а поскольку это все-таки не английский и не китайский, никто обычно не просит специально заклинаний на хинди – их, как правило, получают при обмене, поэтому они бывают лучше среднестатистических. Так я и познакомилась с Аадхьей.

Сейчас я учу санскрит, латынь, немецкий, средне- и древнеанглийский. Последние три похожи, что приятно. В прошлом году я учила французский и испанский – теперь мне их хватает, чтобы разобраться с имеющимися заклинаниями, и они популярны примерно так же, как хинди. Поэтому я взялась за латынь, которая охватывает огромную вневременную сферу. Подумываю, не взяться ли и за древнескандинавский – вдруг попадется что-нибудь совсем неожиданное. И хорошо, что еще не взялась – иначе, скорее всего, вчера на меня свалилась бы книга древних заклинаний викингов, и тогда я бы застряла, пока хоть как-то бы не разобралась. У школы достаточно вольное представление о том, что такое «знание языка». Безопасней приступить к новому языку в начале четверти, чтобы не затормозить накануне экзаменов.

Орион проводил меня в класс. Я поначалу этого не заметила, потому что была слишком занята – наблюдала за группой, с которой обычно хожу по утрам. Это Нкойо и ее друзья Джовани и Кора. Они тоже учат сложные языки, поэтому расписание у нас практически совпадает. Нас не назовешь

приятелями, но они позволяют мне ходить на уроки вместе с ними, просто чтобы народу было побольше, – если я не опаздываю. Меня это устраивает.

Они уже наполовину съели завтрак, и мне пришлось глотать не жуя, чтобы за ними угнаться. Потом я предупредила Аадхью:

– Я пошла.

Она помахала мне поверх голов двух своих друзей-мастеров, которые как раз подошли с подносами; учитывая мои приключения в мастерской, она явно не торопилась на занятия первой.

Кора неохотно замедлила шаг, позволяя мне нагнать ее – очень великодушно, – и мы уже стояли за дверью, когда Нкойо удивленно оглянулась и я обнаружила, что прямо за моей спиной стоит Орион.

– Мы идем на иностранный язык! – прошипела я.

Он специализируется по алхимии. Надо сказать, алхимиков в этом году оказалось вдвое больше обычного: даже те ребята, у которых были другие способности, старались держаться поближе к Ориону. По моему мнению, это не стоило дополнительных занятий в лаборатории. Ориону приходится иногда являться на уроки иностранных языков, точно так же как нам всем иногда приходится заниматься алхимией, – расписание меняется в первый день нового учебного года, но если попросить слишком много легких предметов или выстроить для себя чересчур своеобразный курс, школа отправит тебя на занятия, которых избегают остальные. Но только те, кто прицельно учит языки, утром в понедельник идут в лингафонный кабинет. Находиться на верхнем этаже, если ты в старшем или выпускном классе, – очень большой плюс.

Орион упрямо посмотрел на меня:

– Я иду на склад.

Мы получаем строительные материалы внизу, в мастерской, а алхимические принадлежности – в лабораториях, но все остальное, менее экзотическое, например ручки и тетради, нужно добывать на большом складе, на том же ярусе, где и лингафонные кабинеты.

– Можно нам с тобой? – тут же спросила Нкойо.

Кора и Джовани оба стояли разинув рот, а она зевать не стала. В класс лучше явиться ближе к началу занятий, и сходить большой компанией на склад тоже очень хорошо, даже если вынести за скобки Ориона (если бы я только могла вынести его за скобки!). Поэтому я, кипя, отправилась с ними. На складе я взяла бумагу, чернила, немного ртути для обмена, дырокол, а еще толстую тетрадь для записи все возрастающего количества заклинаний. Я заметила три глаза, наблюдающих за нами из трещины на потолке – но, скорее всего, это был просто прыгун, и нападать на целую компанию он не рискнул.

Потом Орион проводил нас до ближайшего лингвистического класса, хотя в этом не было никакой необходимости. Узкая лестница возле склада иногда

исчезает сама собой – ее нет на чертежах, строители озаботились ею впоследствии, когда поняли, что неудобно тащиться четверть мили в обход, – но сегодня она была на месте, и дверь аудитории стояла широко открытой, и внутри горел свет.

– Что ты делаешь? – спросила я, рискнув задержаться в коридоре, в то время как остальные бросились в класс, чтобы занять удобные места. – Я надеюсь, ты не пытаешься за мной ухаживать?

Это было маловероятно: никто никогда и не пытался. Я не уродина, даже наоборот – с возрастом я стала пугающе красивой, как и подобает страшной темной колдунье (во всяком случае, пока она не дошла до стадии сказочной карги). Секунд десять мальчики думают, что можно пригласить меня на свидание, затем заглядывают мне в глаза или заговаривают со мной – и, очевидно, убеждаются, что я пожру их душу. А Ориона я вообще чуть не бросила на поживу мимикам.

Он фыркнул:

– Ухаживать за малефицером?

На секунду меня охватило негодование, я снова хотела заявить, что я не малефицер, а потом задумалась.

– Ты следишь за мной? На тот случай, если я вдруг начну творить зло? И тогда тебе придется меня убить?

Он скрестил руки на груди и взглянул на меня с холодной самоуверенностью. Это было очень красноречиво. Мне страшно захотелось врезать ему по яйцам. Обитатели нашей коммуны, помимо прочего, верят в семнадцать видов боевых искусств: они нагромождают вокруг них массу чуши о внутреннем равновесии и духовной энергии, но все-таки учат бить и пинать. Я не профи, но могла бы изрядно испортить Ориону Лейку настроение, учитывая его манеру стоять с широко расставленными ногами.

Но за моей спиной был полный класс учеников, которые за нами наблюдали, и большинство обрадовались бы любому подходящему предлогу, чтобы объявить мне полный бойкот. И скоро должен был прозвенеть звонок – а когда дверь захлопывается, опоздавшим приходится до перемены торчать в коридоре. Поэтому я, продолжая кипеть, отошла от Ориона и заняла одну из пустых кабинок.

В Шоломанче нет учителей. Школа до предела набита учениками; на каждое место – два претендента, и наши дортуары не больше двух метров в ширину. Тот, кто сюда попадает, не нуждается в дополнительной мотивации. Умение сварить зелье, которое залечит дыру в желудке после того, как ты случайно выпила яблочный сок, отравленный дымокурором, – само по себе награда. Даже математика оказывается необходимой для многих продвинутых чар, а изучение истории приносит массу полезных заклинаний и рецептов, которыми не разживешься на других уроках.

Поэтому на занятиях по иностранному языку ты просто идешь в одну из восьми аудиторий, расположенных на третьем этаже. Выбирай с умом; если заглянешь в аудиторию, которая ближе всех к уборной, или вон в ту,

реально хорошую, рядом с лестницей (это позволит добежать до столовой за десять минут), тебе вряд ли удастся захватить в ней приличную кабинку. Или вообще хоть какую-нибудь. Но предположим, ты ее нашла. Теперь ты сидишь в звуконепроницаемом коконе, надеясь, что не пропустишь шаги за спиной, и читаешь учебники или выполняешь упражнения, в то время как бесплотные голоса что-нибудь нашептывают тебе на том языке, которым ты сегодня занимаешься. Мне они обычно рассказывают жуткие кровавые истории или любовно, в подробностях описывают мою смерть. Сегодня я решила заняться древнеанглийским, чтобы извлечь максимум пользы из заклинаний, которые обнаружила в книгах с хозяйственными чарами, но прогресс был невелик. Я сидела над одной-единственной страницей, кипя от негодования, в то время как голос нежно декламировал мне на ухо эпическую аллитерационную поэму об Орионе Лейке, «герое пыльных подземелий», который собирался укокошить меня во сне.

Иными словами, я убью его просто ради самозащиты; и я в очередной раз об этом задумываюсь. Похоже, мне придется это сделать. Люди с легкостью, особо не доискиваясь причин, убеждают себя, что я зла и опасна. Конечно, я могу убить Ориона, чтобы высосать его ману, но я не хочу в самом деле стать малефицером и вырваться из школы, как чудовищная бабочка из гигантского кокона рока, чтобы согласно пророчеству сеять смерть и опустошение.

Я вдруг поняла, что проблема в Луизе. Орион не поверил моим словам. У меня чутье на тех, кто пользуется малией, а у Ориона – на... даже не знаю... справедливость? Милосердие? Жалких и уязвимых?

Он понял, что я соврала ему насчет Луизы, но, не зная точно, в чем именно, Орион, вероятно, решил, что на самом деле я ее убила. Я сочла его вопрос пустяком, а он был абсолютно серьезен. Я почти ничего не знала про Луизу кроме того, что ей сильно не повезло – у нее родители не волшебники. Способность удерживать ману время от времени появляется у заурядов, но обычно они сюда не попадают – их пожирают раньше. Возможно, какого-нибудь мага-подростка, который жил по соседству, записали в школу, но он погиб до поступления, и Луизу всосало вместо него, потому что ее родители пальцем о палец не ударили (интересно, почему?). В некотором смысле ей повезло – но, с другой стороны, Луизу вырвало из привычной жизни и без предупреждения втянуло в черную дыру волшебной школы, где она оказалась среди чужих людей, без возможности связаться с родными, без выхода и в окружении орды злыдней, пытающихся ее убить. Не сомневаюсь, история бедняжки была просто обязана затронуть чувствительное сердце Ориона.

А благодаря моей вспышке накануне он обнаружил, что я потенциальная темная ведьма апокалиптических пропорций. И теперь инстинкты Ориона наверняка бушевали, требуя положить конец моему будущему царству террора.

Естественно, от этого мне захотелось пойти и устроить упомянутое царство террора немедленно, но сначала пришлось посвятить два часа иностранному языку и час – изучению злыдней. Этот предмет любят все. Он проходит в огромной аудитории, на том же этаже, где столовая. Мы толпой вваливаемся туда, вне зависимости от языка, поскольку лекции тут не читают. Огромные росписи на стенах в подробностях изображают выпуск; здесь представлены разнообразные восхитительные создания, которые ждут кормежки. У каждого

из нас есть учебник на родном языке, и мы его читаем, параграф за параграфом. Твари, которых мы изучаем, сходят со стены и ползают по возвышению, демонстрируя все способы, какими они могут нас убить. Время от времени иллюзия пытается превратиться в настоящее чудовище, напасть на кого-нибудь в переднем ряду и пожрать его ману.

Мне почти всегда приходится сидеть впереди. Нужно держать ухо востро.

Сегодня, впрочем, мне удалось найти место в середине зала, и никто из соседей не сказал «Ой, извини, здесь занято». К обеду мой гнев превратился в мрачное раздражение. Вред уже был причинен – вся школа полагала, что Орион меня спас, – поэтому настало время перевести дух и подумать, как выйти из положения. Как только я пошевелила мозгами, ответ пришел сам.

За обедом я села рядом с Аадхьей и шепнула ей:

– Он проводил меня на урок! Я ему что, правда нравлюсь? Быть того не может, – добавила я в ту самую секунду, когда Орион вышел из очереди, осмотрелся, подошел к нашему столу и сел напротив, глядя на меня прищуренными глазами.

Орион ни с кем не встречался – во всяком случае, я никогда об этом не слышала. И поэтому известие о том, что, кажется, он обратил внимание на меня, облетело всю школу со скоростью света – даже быстрее, чем история о моем спасении. Когда после обеда я пришла в алхимическую лабораторию, оказалось, что парень по имени Мика, с которым мы даже никогда не разговаривали – он, кажется, финн, – занял в классе два места за лучшим столом. Когда я вошла, он окликнул меня и указал на стул рядом с собой.

Это было что-то новенькое. Я всегда стараюсь прийти в лабораторию пораньше, хотя и рискую оказаться почти в полном одиночестве в пустом классе. Но если задержаться – все удобные столы расхватывают и займут места для друзей. Тогда придется сидеть за одним из плохих столов, прямо под вентиляционной решеткой или возле двери. Я не могу лестью добыть себе местечко – подхалимство меня бесит; от угроз мне тоже погано, только на другой лад. Поэтому было очень приятно войти в почти полный класс и не торгуясь получить место за лучшим столом.

Ясно, это счастливое положение вещей зависело от того, как Орион сыграет свою роль. Он вошел незадолго до звонка, обвел глазами класс и сел рядом со мной. Мика вытянул шею, чтобы взглянуть на него, и с надеждой улыбнулся. Жаль, что Орион этого не заметил – он внимательно изучал мои ингредиенты и реакцию, над которой я трудилась.

Большинство учеников создают противоядия и предохраняющие эликсиры или занимаются классическим превращением дешевых элементов в золото. Я никогда не получаю таких полезных рецептов – мне приходится за них торговаться. На этой неделе я уже отвергла несколько заданий – превращение свинца в радиоактивный палладий, создание смертельного контактного яда, превращение плоти в камень, – прежде чем получила задание произвести выброс раскаленной плазмы: при некоторых обстоятельствах это хотя бы могло быть полезно. Например, чтобы превратить кости в пепел. Вы, наверное, подумаете, что вряд ли это придет

человеку в голову первым делом, однако Орион взглянул на меня с подозрением:

- Эта штука может испепелить кость.

- О, ты уже это делал? - притворно удивилась я. - Тогда не говори ничего, я хочу сама научиться.

Большую часть урока он наблюдал за мной, вместо того чтобы заниматься своим делом. Меня это злило, но злость обычно помогает мне в работе. Моими ингредиентами были железо, золото, вода, кусок полированной ляпис-лазури и пол-ложки соли - все это следовало разложить на расстоянии, пропорциональном их относительной величине. И не стоило ошибаться даже на миллиметр. Но с этим я справилась сразу. Прибегнуть к привычным физическим упражнениям среди класса было нельзя, поэтому я тихонько спела три длинные и сложные песни, чтобы собрать ману, - две на английском, одну на маратхи. Искристое пламя вспыхнуло в моих сложенных чашечкой ладонях; я придвинула ритуальный поднос чуть ближе к Ориону, бросила туда искру и отскочила. Тонкое синее пламя вмиг поглотило ингредиенты и мощно взвилось вверх; по классу прокатилась волна жара. Из вентиляции донеслись испуганные взвизги, над головой послышалось царпанье.

Все инстинктивно нырнули под парты, кроме Ориона. Бумажные жгутики, которыми он держал собственные ингредиенты, загорелись просто от близости к моему огню, и он отчаянно пытался потушить пламя. У меня немного отлегло от сердца.

После урока Нкойо предложила мне вместе пойти на ужин.

- Обычно мы встречаемся в тринадцать минут шестого, - сказала она.

Я даже не стала повышать голос, чтобы донести это до Ориона, подумав, что Нкойо и сама справится:

- Только я возьму с собой Лю.

Я надеялась, что Орион утомится, не обнаружив с моей стороны никаких злобных замыслов, и не без основания полагала, что новые друзья бросят меня, как только это произойдет. Но Лю была рада завести новые знакомства - она не отпугивала людей, как я, но и не пользовалась особой популярностью: нужно дойти до конца, чтобы получить полный эффект от малии. И она запомнит, что я оказала ей услугу.

Я нашла Лю в нашем коридоре - она возвращалась из мастерской - и позвала ее с нами. Она кивнула, задумчиво взглянула на меня и сказала:

- Орион спрашивал про Луизу.

Я поморщилась. Ну конечно. Джек обязательно обвинит в этом меня, поскольку Орион повсюду за мной таскается.

- Спасибо. Встретимся в тринадцать минут шестого.

Джека я пока нигде не видела, но все равно проверила, нет ли на двери моей комнаты зловредных заклинаний, и осторожно заглянула внутрь, прежде чем войти, – вдруг он решил проявить инициативу? Но все было спокойно, поэтому до ужина я занималась упражнениями и собирала ману.

Вот какой у меня был план: в течение года копить ману – разве что возникнет чрезвычайная ситуация или представится редкий шанс (например, убить пожирателя душ!) – а затем продуманно использовать несколько кристаллов в самом конце семестра, чтобы упрочить свою репутацию. Тогда я обзаведусь союзниками к выпуску. Все, даже ребята из анклавов, копят ману как могут в промежутках между нападениями злыдней. Ее нельзя пронести с собой, даже если она аккуратно запечатана в хранилище, наподобие маминих кристаллов. То есть, конечно, можно, но все хранилища будут досуха высосаны на входе, потому что входное заклинание съедает очень много маны. Зато взамен тебе дадут дополнительный объем багажа. Не очень большой, поэтому оно того не стоит – если только ты не член анклава, который может спокойно выбросить тридцать полных хранилищ ради дополнительных двухсот пятидесяти граммов. Но на моей памяти у мамы никогда не было больше десяти полных кристаллов, а в последние годы и того меньше. Я пришла в школу с маленьким рюкзаком и запасом пустых кристаллов.

Ни у кого столько нет. Большинство хранилищ гораздо объемнее и тяжелее, чем маминих кристаллы, поэтому мало кто может позволить себе принести их в школу; а если их соорудил в мастерской четырнадцатилетний подросток, они еще и плохо работают. У меня приличное положение, но очень сложно наращивать запас, если на тебя постоянно бросаются злыдни. И становится все труднее наполнять кристаллы с помощью физических упражнений: чем старше и сильнее я становлюсь, тем проще даются приседания и отжимания. В этом смысле мана бесит. Физический труд сам по себе не считается. В ману превращается количество усилий, которых человеку это стоит.

В следующем году мне отчаянно понадобятся товарищи, которые будут меня прикрывать и помогут наполнить еще сколько-то хранилищ. Если я дойду до выпуска с пятьюдесятью полными кристаллами, то сумею в одиночку расчистить путь к воротам для себя и своих союзников. Никакой более хитрой стратегии не потребуется. Это одна из немногих ситуаций, когда есть польза от стены смертоносного огня: ведь именно таким образом школа прибирает в столовой и дважды в год дезинфицирует классы. Но ничего не выйдет, если я не буду придерживаться графика. А значит – та-дам! – двести отжиманий до ужина.

Хотелось бы мне сказать, что я совсем не думала об Орионе, но на самом деле массу времени я потратила, неведь зачем гадая, каковы шансы, что он пойдет со мной на ужин. Я остановилась на шестидесяти процентах вероятности, но признаюсь, что была бы разочарована, если бы, выйдя, не увидела его серебристой макушки. Орион ждал меня в назначенном месте. Нкойо и Кора тоже ждали, тщетно стараясь не пялиться на него. Кору, судя по всему, обуревали ревность и смущение, а лицо Нкойо превратилось в деревянную маску. В коридоре ко мне присоединилась Лю; Джовани выбежал из своей комнаты и в последнюю минуту нагнал нас.

– Кто-нибудь тут учит древнеанглийский? – спросила я, когда мы зашагали в столовую.

- Есть один парень, годом младше нас, - ответила Нкойо. - Не помню, как зовут. А что?

- Девяносто девять заклинаний для уборки, - сказала я, и все сочувственно засопели.

Кроме меня, наверное, в школе больше нет ни одного человека, готового обменять серьезные боевые заклинания на вызов воды. И никто не сможет наложить боевые чары, которые я получаю.

- Джефф Линдс, - неожиданно произнес Орион. - Из Нью-Йорка, - добавил он, когда мы взглянули на него.

- Если ему нужны девяносто девять способов прибраться в комнате на древнеанглийском языке, пошли его ко мне, - сказала я любезно.

Орион нахмурился.

Он хмурился и во время ужина, а я была исключительно мила с ним. Я даже предложила ему пирог с патокой, который мне удалось ухватить. Невелика потеря - я ненавижу патоку. Орион, судя по всему, хотел отказаться. Но он - шестнадцатилетний мальчишка, которому приходится исследовать все съестное на предмет потенциальной заразы. Никакой героизм не спасет тебя от дизентерии или пикантной капельки стрихнина в соусе; к тому же Орион не обменивал свои услуги на что-нибудь полезное, типа добавки за обедом. Поэтому он мрачно сказал «спасибо», взял пирог и съел его, не глядя на меня.

Он увязался за мной, когда я, прихватив поднос, отправилась к конвейеру, снабженному громадной надписью «Сдавайте посуду» (безумная, совершенно бессмысленная фраза). Впрочем, это не такая проблема, как сам процесс сдачи - нужно запихнуть поднос в темную прорезь в массивной металлической стойке, которая медленно вращается от движения конвейера. Поскольку тарелки и подносы очищаются с помощью струй смертоносного пламени, которое отгоняет злыдней, безопаснее всего - у дальнего конца, но там почти невозможно найти свободное место. Лишняя минута, проведенная возле конвейера в поисках свободного пространства, того не стоит. Я обычно ставлю посуду где-нибудь посерединке - там короче очередь.

Орион решил, что это самое подходящее время для личной беседы.

- Ты ловко притворяешься, - сказал он мне на ухо. - Но поздно. Думаешь, я обо всем забуду, потому что ты вдруг стала вежливой? Ну-ка, расскажи еще разок, что на самом деле случилось с Луизой.

Он убедил всю школу, что мы встречаемся, и даже не понял этого. Я закатила глаза - образно выражаясь, конечно: я не настолько глупа, чтобы отводить взгляд от стойки с посудой хотя бы на секунду.

- Да-да. Ты такой благоразумный и справедливый, что мне просто не терпится с тобой поделиться.

- Что? - переспросил Орион - и тут шестирукая тварь, похожая на помесь осьминога с игуаной, выскочила из пустой посудной стойки, совершившей очередной оборот, и прыгнула, целясь в голову какой-то грустной младшеклассницы. Орион развернулся и бросился в бой: он схватил с подноса девочки нож и одновременно выкрикнул заклинание обжорства. Я успела приткнуть поднос на пустое место и пригнуться - в ту самую секунду, когда тварь вздулась, как несвежий труп, и лопнула.

Я вернулась в свою комнату незапятнанной. Назавтра в свою компанию меня пригласили ребята из лондонского анклава, которые до сих пор в мою сторону даже смотреть не желали. А еще Нкойо предложила махнуть латинскими заклинаниями на занятиях по языку. Орион, испускающий едкую вонь, ушел в душ. Я еще не сполна с ним посчиталась, но текущий результат меня удовлетворил. Поэтому, когда десять минут спустя из коридора повеяло знакомым ароматом и раздался стук, я великодушно распахнула дверь, собираясь сказать: «Так, ну и что ты мне дашь в обмен за информацию?»

Правда, ничего кроме «так» я произнести не успела, потому что это был не Орион, а Джек, вымазавшийся кишками осьминога. Очень умно. Он ткнул меня кухонным ножом в живот, толкнул на пол и закрыл за собой дверь, улыбаясь своей белозубой улыбкой, пока я в ужасе хватала воздух, мысленно крича себе «Дура, дура, дура!». Поскольку я уже собиралась спать, то повесила кристаллы с маной над кроватью - там я могла достать их ночью, но сейчас они были вне досягаемости.

Джек наклонился надо мной, обеими руками отвел мне волосы с лица и коснулся щек.

- Галадриэль, - проникновенно сказал он.

Обеими руками я инстинктивно вцепилась в рукоятку ножа, чтобы он не двигался в ране, но все-таки заставила себя разжать одну руку и попыталась нащупать полупустой кристалл с маной, который как раз наполняла сегодня. Он висел на стуле, там, где находилась моя голова, когда я делала отжимания, над самым полом. Если бы я сумела до него дотянуться, то получила бы доступ ко всему запасу маны и без всякого сожаления превратила бы кости Джека в жидкость.

Но тщетно. Я отчаянно напрягала пальцы. Я попыталась чуть-чуть подвинуться, но было слишком больно, и вдобавок Джек продолжал кончиками пальцев гладить мое лицо. Меня это бесило не меньше воткнутого в живот ножа.

- Перестань, ты, придурок, - прошептала я срывающимся голосом.

- Почему ты меня не любишь? - спросил он. - Ну же, Галадриэль. Ты такая красивая. Ты можешь стать еще прекраснее. Я тебе помогу. Я что угодно для тебя сделаю. Будет так весело...

И я почувствовала, как мое лицо сминается, словно лист фольги. Это было невыносимо.

Я не хотела думать о том, что придется ему отказать. Не хотела думать, что я скажу «нет» этому мешку гнили, который как раз провел своими

пальцами по моим ребрам и взялся за рукоятку ножа, чтобы разделать меня как свиную тушу.

Я твердила себе, что логика очень проста: стать малефицером – значит умереть рано и некрасиво. Но всё лучше, чем умереть прямо сейчас... а я не могла уступить. Не могла – и знала, что если мне противно сейчас, значит, будет противно всегда, и даже если я убью Джека, то не переживу следующего раза. Я всегда цеплялась за эту мысль как за соломинку: «Если других вариантов не будет, то...» И вот варианты закончились, а я все равно не собиралась прибегать к магии.

– Сволочь ты, прабабка, – шепнула я, разозлившись чуть не до слез, и приготовилась насадиться на нож, чтобы дотянуться до кристалла с маной.

И тут я услышала стук в дверь. Кто-то стучался ко мне в то время, когда все остальные давно сидели по комнатам или зубрили, собравшись по несколько человек...

Говорить было трудно. Я указала на дверь пальцем и подумала: «Сезам, откройся». Глупое детское заклинание, но это была моя дверь, и я еще не заперла ее на ночь, поэтому она открылась. На пороге стоял Орион. Джек развернулся – его руки были в моей крови. В качестве финального штриха он даже вытер себе рукой рот.

Я сползла на пол и не стала мешать могучему герою.

Глава 4

То, что стучит по ночам

Тошнотворно аппетитный запах жареной плоти наполнил комнату. Орион рухнул на колени рядом со мной.

– Ты... – начал он и замолчал, потому что ответ явно был отрицательный.

– Ящик с инструментами, – сказала я. – Слева. Пакет.

Он откинул крышку, порылся в ящике, не удосужившись хотя бы взглядом проверить содержимое, и достал белый конверт. Разорвав его, Орион извлек кусок тонкой льняной ткани. Мама сделала ее для меня своими руками, от начала до конца – вскопала делянку, собрала урожай, спряла нитки и соткала ткань, все время напевая исцеляющие заклинания.

– Вытри кровь одной стороной, – прошептала я.

Лицо Ориона закаменело от страха. Он с сомнением взглянул на пол.

- Ничего страшного, если испачкается. Вынь нож и приложи другую сторону к ране.

К счастью, я ненадолго вырубилась, когда он вытащил нож, и следующие десять минут прошли незаметно, а когда я очнулась, лоскут уже лежал на ране. Лезвие оказалось не настолько длинным, чтобы проткнуть меня насквозь – рана была поверхностная и не очень широкая. Исцеляющий лоскут светился слабым белым светом, и я чувствовала, как он трудится над моими пострадавшими внутренностями. Еще через десять минут я позволила Ориону проводить меня до кровати.

Орион помог мне лечь, вытащил обугленный труп Джека в коридор, потом смыл с пола кровь. Когда он вновь присел на край кровати, руки у него дрожали.

- Кто... кто это был? – Он, кажется, испугался больше, чем я.

- Ты никого не удосуживаешься запоминать по именам? Это Джек Уэстинг. Именно он сожрал Луизу. Можешь заглянуть к нему в комнату, если не веришь. Скорее всего, найдешь то, что от нее осталось. Ну что, стало легче?

Орион вскинул голову:

- Что?! Почему ты мне сразу не сказала?!

- Боялась, что меня прикончит чокнутый малефицер. Очевидно же. Кстати, спасибо, что шлялся по школе и расспрашивал про Луизу. Это, похоже, его совершенно не спровоцировало.

- Знаешь, я впечатлен, – произнес Орион. Его голос перестал дрожать. – Ты чуть не погибла – и по-прежнему хамишь. Не стоит благодарности. Еще раз.

- Поскольку ты отчасти сам виноват, я отказываюсь тебя благодарить, – парировала я.

На мгновение я закрыла глаза – и тут зазвенел звонок, предупреждающий об отбое. Неужели прошло столько времени? Я осторожно пощупала лоскут. Сидеть будет больно еще несколько недель. Кровь восстановилась, и голова перестала кружиться, но даже мамин шедевр не заставил бы ножевую рану мгновенно исчезнуть.

Я достала кристалл и повесила его на шею. Сегодня о сне можно забыть. Мне наверняка предстоит сражение. Я не поддалась, а Джек погиб. Чистый убыток. Злыдни обязаны разбушеваться.

Орион по-прежнему сидел на краю кровати, не двигаясь с места.

- Ты что? – с раздражением спросила я.

- А что?

- Ты не слышал звонка?

- Я тебя не брошу, - сказал он таким тоном, словно это было само собой разумеющимся.

Я покосилась на него:

- Ты совсем не понимаешь, как действует принцип равновесия?

- Во-первых, это просто гипотеза. А во-вторых, я не желаю жить по этому правилу!

- А, ты из таких, - сказала я с искренним отвращением.

- О, прости. Ты не против, если я останусь - или мне уйти и бросить тебя с раной в животе и за несколько минут до ночной атаки?

Видимо, я так его достала, что он научился сарказму.

- Конечно не против.

В конце концов, вряд ли ситуация может стать намного хуже. В комнату зараз способно проникнуть лишь ограниченное количество злыдней, а в сегодняшнем меню я и так уже значилась как специальное предложение. Присутствие Ориона не помешало бы. Примерно по той же логике для подростка пребывание в школе безопаснее, чем за ее стенами.

Звонок к отбою прозвенел через несколько минут. Что бы ни мешало злыдням атаковать Ориона в обычное время, они вряд ли устояли бы перед запахом крови, который от меня исходил, не говоря уж о соблазнительном присутствии двух учеников в одной комнате. За дверью кто-то завозился над телом Джека - пиршество началось. Какие-то твари боролись и чавкали. Орион стоял посреди комнаты, беспокойно сжимая и разжимая кулаки, и прислушивался.

- Зачем ты тратишь силы? Отдохни, пока они не полезли, - пробормотала я.

- Все нормально.

Возня снаружи наконец затихла. Вскоре кто-то постучал. Потом под дверь начала сочиться блестящая черная жидкость, густая как смола. Орион позволил ей втечь до половины, а затем поднял руки, сомкнув пальцы ромбом, произнес однострочное заклинание на французском и со свистом дунул в ромб. Как из пожарного шланга хлынула вода: она растворила жижу, превратив ее в черное пятно, которое сбегало в трещины между половицами и с хлюпаньем стекло в отверстие посреди пола.

- Если бы ты ее заморозил, то перекрыл бы им проход, - заметила я.

Орион с раздражением взглянул на меня, но не успел ответить: что-то большое пробралось сквозь вентиляционное отверстие. Орион встал перед моей кроватью и накрыл нас защитным заклинанием - и в ту же секунду в темном углу комнаты рядом с пустотой вспыхнуло самое настоящее, не иллюзорное пламя. Оно опрокинуло стол и принялось бешено стегать по щиту огромными, похожими на кнут щупальцами. Огненные брызги расплескивались по поверхности щита.

Когда Орион провел ладонью по изголовью, собирая пыль, чтобы призвать пыльного демона, я схватила его за руку, а он заорал:

- Я тебя сейчас сам убью!

- Заткнись, это важно! Его нельзя задуть - только сжечь!

- Ты это уже видела?

- У меня есть заклинание, которое призывает сразу штук десять, - призналась я. - Его использовали, чтобы сжечь Александрийскую библиотеку.

- Зачем оно вообще тебе понадобилось?!

- Я всего-то хотела осветить комнату, придурок, - и вот что получила!

Честно говоря, воплощенное пламя прекрасно справилось с освещением. После прошлогоднего переселения моя комната стала вдвое выше - в конце семестра школа избавляется от дортуаров, которыми больше не пользуются, - и до сих пор я не могла толком разглядеть угол над своей кроватью. Целая куча мелких гадов слепо забегала кругами по потолку, прячась от света; они с синими вспышками испарялись на липучке, которую я прикрепила к стене, насколько сумела дотянуться в прошлый раз.

- Ты будешь со мной спорить, пока оно не вломится?

Орион зарычал и врезал по воплощению великолепным испепеляющим заклинанием, всего в четыре слова - все его чары были короткими. Идеальный вариант для битвы. Тварь взвизгнула и превратилась в столб пламени, которое потухло к концу заклинания. Потом Орион, тяжело дыша, сел на кровать. Слышалось потрескивание статического электричества: он был переполнен маной.

Не останавливаясь, он убил еще пять разновидностей тварей, включая бесплотного призрака, влетевшего в отверстие под дверь, и орду пискливых толстеньких гадин, похожих на голых кротов, которые появились из-под кровати, надеясь нас загрызть. Когда Орион расправился с ними, он уже почти светился.

- Если у тебя столько маны, что льется через край, можешь поделиться, - сказала я, с трудом преодолевая желание расцарапать ему - и себе - лицо от зависти.

Он взял полупустой кристалл, свисающий с моей кровати, внимательно посмотрел на него, потом уставился на тот, что висел у меня на шее...

- Погоди... я думал... Из какого ты анклава?

- Ни из какого.

- Тогда как тебе достались кристаллы «Радужного сознания»? У тебя аж две штуки!

Я сжала губы, жалея, что вообще заговорила об этом. Мама иногда дарит свои кристаллы другим волшебникам, если они ей нравятся; а поскольку мамино суждение о людях безошибочно, ее кристаллы приобрели дополнительную репутацию, вне зависимости от того, сколько маны они вмещают.

– У меня их пятьдесят, – коротко сказала я. Именно кристаллы я взяла с собой в школу вместо лишней одежды, канцелярских принадлежностей, инструментов – всего, без чего я могу обойтись. – Это мамины.

Орион разинул рот:

– Гвен Хиггинс – твоя мать?!

– Да, и ты имеешь полное право мне не поверить. Вот почему я охотно об этом рассказываю.

Моя мама – типичная англичанка: невысокая, розовенькая, светловолосая, слегка склонная к полноте. А папа (бабушка отдала маме его фотографию, сделанную накануне поступления в школу) уже в четырнадцать лет был ростом метр восемьдесят, худой, с угольно-черными волосами, серьезными темными глазами и носом, который пикантно загибался – совсем чуть-чуть. Мама постоянно твердила, как это здорово, что я похожа на отца – она, мол, видит его во мне. Но в итоге никто не понимает, что я как-то связана с Гвен Хиггинс, если не сказать об этом напрямую. Один человек, посетивший нашу юрту, целый час намекал мне, чтобы я ушла и перестала приставать к великой целительнице.

Но Орион удивился не поэтому. Волшебники разных национальностей часто образуют пары, поскольку мы живем здесь все вместе, кучей, а гормоны бурлят. Самое существенное различие пролегает между членами анклавов и остальными, то есть нищевородами. Ориона просто потрясло, что известная светлая целительница породила потенциального малефициера, то есть меня, – здесь это любого бы удивило, вот почему я предпочитаю не распространяться.

– А-а, – смущенно произнес Орион, а потом вскочил и машинально уничтожил какую-то тень, которая даже не успела обрести форму – я так и не узнала, к какому роду она принадлежит. Но он таки влил немного маны в мой кристалл, возможно в качестве извинения – ну или просто потому, что иначе бы лопнул по швам. Орион наполнил кристалл доверху одним заходом и тихонько выдохнул от облегчения. Не давая волю чувствам, я убрала кристалл в шкатулку, к остальным, и выудила новый, пустой.

Мне удалось немного поспать ближе к утру. То ли злыдни утратили кураж, то ли Орион истребил всех в пределах моей комнаты – иногда к нам по полчаса никто не лез. Орион наполнил еще два кристалла. Я неохотно подарила ему один. Меня, как ни досадно, начала мучить совесть, хотя Орион (в отличие от любого нормального человека) ничего не попросил взамен.

В последний раз я проснулась, когда сработал будильник. Мы дожили до утра. Орион вообще не спал, и вид у него был никакой. Стиснув зубы, я села и отодвинулась к стенке:

- Ложись, я помогу.

- Поможешь в чем? – спросил он и широко зевнул.

- Вот в этом самом.

Сон нельзя заменить по-настоящему, но у моей мамы есть техника, которую она применяет при сильной бессоннице, заставляя третий глаз закрыться – да-да, знаю, это звучит ненаучно, зато действует. Большинство маминых чар у меня получаются плохо, но это заклинание достаточно простое, и оно мне вполне под силу. Орион лег на кровать, взяв в руки мой кристалл, я накрыла ему глаза ладонями, положив большие пальцы между бровей, и семь раз подряд спела мамину «колыбельную для третьего глаза». Это сработало – как работают все мамы нелепые штучки. Орион мгновенно заснул.

Я не мешала ему минут двадцать, пока не раздался звонок на завтрак. Тогда Орион очнулся и сел. Вид у него стал часов на пять лучше.

- Помоги мне встать, – попросила я.

В школе невозможно взять отгул по болезни. Если сидеть весь день в комнате, любая тварь, которая пробирается снизу, по пути перекусит тобой. Если ты остался – значит, ты уже мертв. Как вы догадываетесь, мы без конца болеем простудами и гриппами. В школе больше четырех тысяч учеников, и в начале каждого года новички приносят с собой восхитительный ассортимент вирусов со всего света. А когда мы наконец ими переболеем, необъяснимо возникает какая-нибудь новая хворь. Возможно, это малая разновидность злыдней. Какая приятная мысль.

От усталости и потрясения я не учла, какой эффект произведет наш совместный выход с Орионом из моей комнаты – одинаково измученных и потрясенных. Одновременно с нами вышли еще двое, и к тому моменту, когда мы добрались до столовой, слух, понятное дело, разошелся по всей школе. Атмосфера так накалилась, что после завтрака одна из нью-йоркских девчонок оттащила Ориона в сторонку и поинтересовалась, о чем он думает.

- Орион, она малефицер, – донеслось до меня. – Джек Уэстинг пропал вчера вечером, и остатки его ботинок нашли возле ее двери. Наверное, она его убила.

- Нет, Хлоя, это я, – ответил Орион. – Джек и был малефицером. Он убил Луизу.

Она так удивилась, что перестала читать ему нотацию. К концу дня Орион был единственным человеком в школе, который не знал, что мы пара, причем безумная, проводящая вместе ночь. Наблюдать за происходящим было даже забавно. Все ребята из нью-йоркского анклава сразу же встревожились; за обедом мои однокашники сходили сообщить об этом выпускникам. Тем временем лондонцы начали говорить мне любезности, и стало ясно: с их стороны идет какая-то слаженная работа.

Вот в чем наверняка была их цель: если Орион действительно в меня влюбился – почему бы его не переманить? И я уже давала понять лондонской тусовке, что заинтересована в приглашении. Я, конечно, не просила

напрямую, поскольку не хотела презрительного отказа, который бы непременно последовал, – просто сказала, что моя мать живет вблизи Лондона, и намекнула, что сама подумываю вступить в анклав. Достаточно, чтобы заронить семя на будущее, поскольку впереди маячит выпуск и я уже продемонстрировала некоторую огневую мощь. Люди всегда охотнее делают предложение, если рассчитывают, что оно будет принято.

Естественно, было просто нелепо паниковать или обхаживать меня из-за романа, который, предположительно, длится всего два дня, но в присутствии Ориона люди просто дурели. Я бы повеселилась, если бы постоянно не вспоминала о том, как мало ценят меня саму. И если бы едва зажившая рана в живот не портила мне настроение.

Но я не отказывалась, когда мне на протяжении всего дня предлагали удобные места и мелкие услуги. Я нуждалась в этом, чтобы выжить. В течение семестра я немножко опередила программу, надеясь использовать сэкономленное время на подготовку к экзаменам, но вместо этого пришлось залечь на дно, чтобы не стать притягательной мишенью. Я даже не пыталась делать домашнее задание – просто берегла энергию. В тот вечер я потратила немного маны из кристалла на мощный щит, а потом рухнула в постель и заснула сном человека, чью дверь охраняет Заклинание Эгиды.

На следующее утро целительный бинт отпал, и остались только еле заметный шрам, боль и мысли о предстоящем дедлайне в мастерской. Если не выполнишь задание в срок, незаконченная работа оживет и явится к тебе – со всей той силой, которую ты в нее вложил. А если попытаешься схитрить и ничего в нее не вложишь или сделаешь неправильно, материалы, которые ты использовал, оживут по отдельности, да – и явятся к тебе. Очень эффективная метода. Новое задание мы получаем каждые шесть недель. В прошлый раз мне достался выбор между: 1) гипнотическим шаром, с помощью которого можно превратить группу людей в бешеных безумцев, рвущих друг друга на части; 2) симпатичным механическим червем, который внедряется в чужое сознание и каждую ночь показывает кошмары, пока человек не сойдет с ума; и 3) волшебным зеркалом, которое дает советы и позволяет заглянуть в будущее.

Полагаю, ясно, какой совет может дать мне такое зеркало. Кроме того, сделать его раз в десять сложнее, чем два других артефакта. Но если я сделаю шар или червя – ими непременно воспользуются. Не я, так кто-нибудь другой.

Я уже выковала для зеркала раму из простого железа и сделала заднюю стенку, на которую ляжет зачарованное серебро, – но была готова поручиться, что при первых десяти попытках оно выльется совершенно не так, как надо. Помимо мастерства в таких случаях нужны алхимия и заклинания; соединить две-три дисциплины очень сложно – если, конечно, ты не можешь позвать на помощь специалистов. Как вы понимаете, я этого сделать не могла.

Но сегодня Аадхья добровольно пошла после завтрака со мной в мастерскую и села рядом на длинной скамье.

– Я слишком устала, чтобы работать, но у меня горят сроки, – призналась я и показала ей свое задание.

- Ого. Ты это выбрала? - удивилась она. - Волшебные зеркала делают выпускники, которые специализируются по мастерству...

- Другие задания были еще хуже, - сказала я, не уточняя. Смастерить гипнотический шар я могла бы за один урок, используя пригоршню битого стекла. Да, вероятно, для этого мне понадобилась бы человеческая кровь, но тут уж привередничать не приходится. - А ты что делаешь?

Аадхье достался держатель щита - личный амулет, который носят на шее или на запястье. Цепляешь на него магический щит - и обе руки у тебя свободны, чтобы колдовать. Очень полезная штука, и ее довольно легко сделать: заглянув в рабочий ящик Аадхьи, я обнаружила, что она смастерила уже полдесятка - запасные она наверняка собиралась обменять с максимальной выгодой. Конечно, ей проще, поскольку она специализируется по мастерству, но тем не менее.

Аадхья пристально взглянула на меня и сказала:

- Сплав гораздо проще сделать, если рядом есть мастер и алхимик.

- Терпеть не могу просить о помощи, - сказала я - и не соврала. - До конца семестра три недели, все заняты.

- Я уделю тебе немножко времени, если найдешь алхимика, - пообещала Аадхья, явно надеясь, что ей выпадет шанс поработать с Орионом. - И если разрешишь мне пользоваться этой штукой.

- Сколько угодно!

Сделка была превосходная. Я подумала, что, наверное, придется заплатить ей каким-нибудь другим способом: скорее всего, после первой попытки она не захочет больше пользоваться зеркалом. Хотя, конечно, бывают и такие зеркала, которые внушают тебе, что твои замыслы просто гениальны, ты чертовски умна, красива и так далее - пока все у тебя не полетит вверх тормашками.

Ну вот, а теперь предстояло просить о помощи Ориона, что я неохотно и сделала за обедом. Я подумала, что надо воспользоваться всем спектром возможностей, прежде чем он сообразит, что мы, по мнению однокашников, встречаемся, и начнет избегать меня, вместо того чтобы и дальше изображать рыцаря в белом плаще. Вчера он за каждой трапезой шепотом справлялся, как я себя чувствую, и терпел обхаживания Аадхьи и Ибрагима. Знаки внимания от Ориона бесили меня так, что я позволила Ибрагиму докучать ему за ужином («Ого, неужели ты в одиночку убил пожирателя душ?!»), «Посоветуй, какой агонист лучше: серебро или золото» и так далее). Но культ Ориона раздражал еще сильнее, поэтому в конце концов я сорвалась и велела Ибрагиму заткнуться или пересесть за другой стол. Он как будто смутился, замолчал и попытался гневно взглянуть на меня, но я просто посмотрела на него в ответ. Не сомневаюсь, Ибрагим понял, какая чудовищная, ужасная судьба ждет тех, кто пробудит мой гнев. Он поежился и сделал вид, что смотрит в пустоту.

За обедом я, стоя в очереди, демонстративно потрогала свой живот и поморщилась. Орион тут же пробился ко мне – ну, образно выражаясь. На самом деле девочки, стоящие позади меня, немедленно его пропустили, бодро щебеча: «Конечно, Орион, иди-иди».

– Ты в порядке? – спросил он.

– Уже лучше, – ответила я. Это было правдой, и в то же время для любителей подслушивать сошло бы за флирт. – К сожалению, я отстала с заданием по мастерству. Аадхья обещала помочь, но нам нужен алхимик. Проект на стыке трех дисциплин.

Если вам кажется, что я нагло набивалась, я с вами соглашусь. Но тонкость здесь была излишней.

– Я помогу, – мгновенно ответил Орион.

– Отлично, – сказала я. – Сегодня после обеда?

Он кивнул – и снова ни о чем не попросил взамен. Воплощенная услужливость. Я одновременно ощутила раздражение и признательность, а потому добавила:

– Кстати, рисовый пудинг испорчен.

И он, резко повернувшись, немедленно отправился истреблять клейких личинок на подносе – если сунуть к ним ложку, они шустро взберутся по ней и обгложут тебе пальцы до костей. Впрочем, если ложку поскорей отбросить, они обычно падают на других стоящих в очереди и тут же принимаются пожирать их плоть и размножаться.

Орион появился через десять минут после того, как я вышла из очереди; за ним тянулся слабый серо-голубой дымок, а его поднос был наполовину пуст. Все, кто стоял за Орионом, тоже выходили с минимальным набором блюд – уничтожение личинок, похоже, погубило половину меню. И запас пополнился бы не раньше, чем настала очередь следующего класса. Я со вздохом передала Ориону запасной пакетик молока и булочку. Шум и замешательство позволили мне в кои-то веки схватить добавку.

Сара и Элфи позвали меня за свой стол, к ребятам из лондонского анклава. Я была не настолько глупа, чтобы ради них бросать Лю и Аадхью, поэтому они быстренько посоветовались и пересели ко мне – огромная уступка, в результате которой я внезапно оказалась за удивительно мощным столом. Нкойо, Кора и Джовани явились с компанией учеников из Западной и Восточной Африки, а у Аадхьи было немало приятелей, которые тоже специализировались по мастерству. Репутация у них обычно не намного хуже, чем у ребят из анклавов, – и вот они заинтересовались мной.

И тогда Орион снова сел рядом (Аадхья предусмотрительно оставила себе достаточно места на скамье, чтобы спешно отодвинуться, как только он подошел с очевидными намерениями), и ситуация перешла на совершенно иной уровень. Никто из зрителей уже не сомневался, что я подцепила Ориона – и пользовалась этим, чтобы заручиться поддержкой людей, которые раньше меня максимум терпели; моей конечной целью, видимо, было втащить нас всех в

какой-нибудь могучий анклав. И Лондон явственно выражал интерес. Несомненно, это входило в мои гипотетические коварные планы.

Через минуту к нам присоединились Хлоя и Магнус – оба из Нью-Йорка. Их окружали полдюжина обычных прихлебателей, и еще четверо держали им места за лучшим столом, но они срочно передумали, когда увидели, что Орион сидит со мной. Ньюйоркцы поговорили шепотом, а потом заняли четыре оставшихся места за нашим столом – двое прихлебателей оказались с внешнего края, а остальным пришлось в беспорядке рассаживаться где попало.

– Сара, передай, пожалуйста, соль, – очень любезно произнесла Хлоя, подразумевая «Сдохни, стерва, мы не отдадим лондонцам Ориона», а затем обратилась ко мне: – Галадриэль, тебе уже лучше? Орион сказал, что Джек тебя чуть не убил.

Сбывались мои мечты. Правда, на самом деле мне хотелось шарахнуть ни в чем не повинного Ориона подносом по голове, покрыть матом Сару, Элфи, Хлою и Магнуса и как вариант сжечь их всех. Они собрались не ради моих прекрасных глаз. Хлоя, скорее всего, до сих пор даже имени моего не знала. Даже Аадхья, Нкойо и Лю.. они, по крайней мере, не прогонят меня из-за своих столов: я продемонстрировала им, что умею платить долги. Все они ценили испытанную надежность. Но как только Орион найдет себе цветочек посвежее – менее склонный превратиться в темную ведьму, – они снова будут не более чем терпеть меня. А члены анклавов ясно дадут понять, что я просто грязь и мне исключительно повезло, что я хоть на минутку смогла представить себя чем-то большим.

– Все прекрасно, большое спасибо, – ледяным тоном ответила я. – Ты ведь Хлоя? Прости, мы, кажется, не знакомы.

Нкойо бросила на меня изумленный взгляд: имена ребят из анклавов известны всей школе. Но тут Орион поднял голову и сказал – таким тоном, словно искренне полагал, что нас нужно представить друг другу:

– Это Хлоя Расмуссен и Магнус Тибоу, они оба из Нью-Йорка. А это Галадриэль.

– Очень рада, – сказала я.

Элфи, видимо, сочла это намеком на то, что я предпочитаю Лондон Нью-Йорку, и с улыбкой спросила:

– Ты, кажется, живешь где-то возле Лондона, Эль? Мы, случайно, не знакомы с твоими родными?

– Да нет, это такая глухомань, – сказала я с деревянным выражением лица.

Уверена, имя моей матери знали все. Но пользоваться ее репутацией мне хотелось еще меньше, чем статусом мнимой подружки Ориона. Те, кто жаждал дружить с дочерью Гвен Хиггинс, не хотели дружить со мной.

Поэтому до конца обеда я игнорировала самых популярных и влиятельных учеников, обсуждая будущее зеркало с Аадхьей и Орионом и болтая на латыни

с Нкойо. Некогда мы с ней удачно обменялись заклинаниями. Я дала ей заклинание смертельного пламени. Вы, наверное, думаете, что я неосторожна, но это ведь просто способ вызвать магический огонь. Большинству людей нравятся такие заклинания: буквально кто угодно может с успехом применять их, получая разные результаты – в зависимости от своего дара и количества вложенной маны. Даже неопытный ребенок в состоянии ими пользоваться, постепенно совершенствуясь. Лично я могла бы вытянуть жизненную силу из десятка учеников, а затем испепелить полшколы, включая себя. Очень практично.

Но для Нкойо, скорее всего, это была невероятно полезная штука, и она не стала преуменьшать ее ценность (я не возражала). Взамен Нкойо предложила мне два заклинания на выбор. Я выбрала малые чары, которые почти не требовали маны: одно для очистки воды (чтобы не приходилось слишком часто ходить в душевую) и второе, извлекающее свободные электроны прямо из воздуха для создания мощного электрического разряда. Едва взглянув на первую строчку, я поняла, что это заклинание отлично сочетается с моей способностью (несомненно, оно пригодилось бы для пыток). С его помощью я могла получить передышку в бою, чтобы убежать или ударить чем-нибудь посерьезнее.

Я, наверное, единственный человек в школе, который меняет большие заклинания на малые. Разделение приблизительное – нас не учат этому на занятиях, мы сами решаем, что сильнее. Можно до синевы спорить, является ли какое-нибудь умеренно могучее заклинание большим или малым. И многие спорят! Но стена огня – это уж точно большое заклинание, а очистка воды и электрический разряд – малые, и когда я их выбрала, Нкойо великодушно добавила в подарок несколько простых чар для ухода за собой: заплетание волос, немножко блеска, ну и дезодорант (подозреваю, это был вежливый намек, что мне нужно мыться почаще). Я не нуждалась в намеке, поскольку и так это знала, но если приходится выбирать между вонью и выживанием, я предпочту вонять. В школе я моюсь не чаще раза в неделю, а зачастую еще реже.

Если вы думаете, что друзей у меня нет потому, что я неряха – отчасти вы правы. Это сродни загадке про яйцо и курицу: человек, у которого нет друзей, чтобы его защитить, не может позволить себе полноценный уход за собой; в результате окружающие понимают, что у него нет друзей, способных его защитить, и не желают с ним связываться. Впрочем, никто не проводит слишком много времени в душе; а если очень нужно помыться – зовешь с собой того, кому это тоже необходимо, и в конце концов выходит то на то. Но меня никто не приглашает. Поэтому я не жалела, что получила несколько способов привести себя в приличный вид. Хотя испробовать заклинание блеска я не решусь – боюсь, в результате за мной будет таскаться десяток слабоумных с безнадежными глазами и проситься ко мне в личные рабы.

Сделка нас обеих удовлетворила, и мы договорились при случае повторить. Но Нкойо не желала злить лондонцев и ньюйоркцев, и Аадхья тоже. Когда я, игнорируя остальных, беседовала с ними, они то и дело бросали беспокойные взгляды на ребят из анклавов. Которые и сами, похоже, не понимали, почему я перед ними не заискиваю. Понятно, что им это не нравилось, но рядом со мной сидел Орион. Наклонив лохматую голову над тарелкой, он торопливо пожирал то, чем я с ним поделилась.

Сара и Элфи вспомнили, что они британки и аристократки, и самокритично признались, как трудно им успевать по всем предметам и как они отчаялись (на самом деле обе – из лучших учениц, что неудивительно, поскольку их с колыбели растили в одном из сильнейших мировых анклавов). Хлоя тем временем решила перейти в оборону – она упорно пыталась завязать разговор с Орионом, напоминая ему про всякие нью-йоркские приключения. Он рассеянно отвечал, продолжая жевать.

Магнус вообще молчал. Видимо, ему недоставало умения держать лицо в присутствии человека, который ведет себя неправильно; а еще – я уверена – Магнусу не нравилось вечно играть вторую скрипку в своей тусовке. Если бы не Орион, он в нашем классе был бы основным претендентом на лидерство. Я заметила, что он кипит, но была слишком занята – я сама кипела. Мама говорит, что мой гнев – как невежливый гость: приходит без предупреждения и остается надолго. Я начала глубоко дышать, напоминая себе, что надо быть благоразумнее и сказать что-нибудь любезное всем присутствующим членам анклавов... И тут Магнус не выдержал. Наклонившись ко мне, он сказал:

– Слушай, Галадриэль, мне прямо не терпится узнать, как вы всю ночь отгоняли злыдней. – Он намекал, что я с помощью какого-то защитного заклинания превратила свою комнату в безопасную гавань и предложила Ориону секс в обмен на расточаемые им знаки внимания.

Это было абсолютно логичное предположение. Но любви к Магнусу оно мне не прибавило, тем более что его реплику было слышно за соседними столами. Я опять вспыхнула и, глядя ему в лицо, прошипела – когда я злюсь, то шиплю, вне зависимости от звукового состава слов:

– Никак.

Я не солгала ни на грамм, но прозвучало это так, как если бы мы с Орионом развлекались черной магией. Не исключаю, впрочем, что Орион как раз и делал нечто подобное, поэтому я абсолютно не покривила душой. Все инстинктивно отодвинулись. Магнус, получив заряд моего гнева прямо в лоб, смертельно побледнел.

Это был прекрасный обед.

Глава 5

Сиренопауки

После моего выступления за обедом стало ясно, что приятели в ближайшее время отведут Ориона в сторонку и подробно объяснят, почему он должен меня бросить, – тогда, возможно, до него дойдет, что нас считают парой.

Невзирая на раздражение, я сообразила, что мои шансы сокращаются. Поэтому, поставив поднос на стойку, я подошла к Аадхье и спросила:

- Мы можем заняться серебром прямо сейчас?

Пожалуй, главным образом она согласилась потому, что решила не спорить с сумасшедшей. А Орион просто пожал плечами и сказал:

- Да, конечно.

И мы тут же отправились вниз, в мастерскую, прежде чем ньюйоркцы успели его перехватить.

Ходить в мастерскую в середине учебного дня гораздо безопаснее. Большинство учеников стараются избегать мастерской под конец семестра. Зато лестницы и коридоры по пути освещены. И в мастерской мы оказались не единственными: трое выпускников, пропустив обед, лихорадочно трудились над каким-то оружием, которое наверняка готовили к выпуску. Мы устроились за столом перед ними, и Орион пошел со мной к шкафчику. Я вручила ему ключ и позволила отпереть замок – это всегда опасный момент. Но никто на нас не набросился, и я достала из шкафчика раму для зеркала, и мы перенесли все необходимые материалы на стол. Тем временем Аадхья разожгла маленькую газовую горелку – у меня этот процесс обычно занимал минут десять.

Она никогда не старалась выпендриться передо мной, но присутствие Ориона служило катализатором, и стало ясно, что Аадхья круче, чем я думала. Она не собиралась накладывать настоящие заклинания – для этого потребовалось бы потратить ману из собственных запасов, чего не станешь делать просто так, – зато вызвалась держать периметр, что во время заливки непросто. Аадхья поставила барьер вокруг нас, а Орион смешал состав. Действовал он уверенно, хоть и работал с большим количеством труднодобываемых дорогих ингредиентов, которые я несколько недель старательно собирала по шкафам в алхимических лабораториях (это примерно так же весело, как поход в мастерскую). А Орион обращался с этими ингредиентами так, словно банку пижмы, выросшей при лунном свете, и пакет платиновой стружки мог раздобыть в любой момент.

- Так, Орион, лей прямо в середину, держа как можно выше, – велела Аадхья и добавила учительским тоном, который я предпочла проигнорировать: – Эль, следи, чтобы наклон был не больше двадцати градусов. Орион будет лить серебро, а ты осторожно его распускай. Я скажу, когда можно начинать заклинание.

Наложить заклинание на материал, который удержит магию, – это для большинства самый сложный элемент, поскольку физическая реальность материала сопротивляется попыткам что-то с ней сделать, и приходится тратить много сил. Для меня это не проблема, но дьявол в деталях. Как только мои чары касаются серебра, оно начинает бурлить. А если серебро застынет с пузырями, зеркала не получится. Придется отскрести раму дочиста, найти новые материалы и попытаться еще разок, но уже без посторонней помощи. Надо органично ввести заклинание в материал: так делают лучшие мастера. Но у мага должно быть чутье на реакцию компонентов – и умение убеждать. Убеждение – не самая сильная моя сторона.

Поэтому я намеревалась решить проблему силовым методом – а именно: с помощью отличного заклинания, которое придумал некий римский маг, чтобы превратить полную яму живых жертв в месиво. Думаю, добывать ману из людей ему было еще труднее, чем мне. При этом его заклинание отлично подходило для того, чтобы создать что-то вроде локальной камеры давления. Оно было длинное – целых сто двадцать строк на архаической латыни – и требовало чудовищного количества маны, но ради зеркала я бы в лепешку расшиблась. А еще – в том числе из-за Аадхьи – я хотела сделать вид, что работа далась мне без особых усилий.

После неизбежного разрыва с Орионом я предпочла бы остаться с репутацией не только шлюхи. Например, я бы не отказалась заключить союз с Аадхьей. У нее множество знакомств по всей школе – хаотическая смесь американцев, индусов, бенгальцев, – и эти знакомства она превратила в постоянно расширяющуюся сеть людей, которые охотно с ней сотрудничают как с мастером и как с посредником. В прошлом году она устроила крупную сделку между алхимиками, компанией знакомых мастеров и ребятами-техниками – вот почему потолок в большой алхимической лаборатории починили меньше чем через год после того, как Орион и химера его обрушили. Если я докажу Аадхье, что во время выпуска от меня будет толк, и она станет моим союзником, к ее решению отнесутся с вниманием: все знают, что она не дура и не обманщица. И тогда нас наверняка пригласят в какую-нибудь большую команду.

Когда Орион начал лить серебро, я стала кругообразными движениями наклонять раму, чтобы оно растекалось ровно. Аадхья надежно удерживала периметр – ни капли не пролилось мимо. Как только последний миллиметр красной краски исчез под слоем серебра (я покрасила поверхность в красный цвет, чтобы было виднее), она сказала:

– Готово!

Я прочитала зеркальное заклинание (на это понадобилось аж полкристалла), взялась за раму обеими руками, прикидывая расстояние, и откашлялась, готовясь произнести заклинание давления.

И в ту же секунду послышалось негромкое звяканье, похожее на меланхоличный перебор колокольчиков: на одну из скамей вскочил сиренопаук. Выпускники, возившиеся в дальнем углу, увидели его первыми – они уже устремились к двери, прихватив с собой артефакт. Нежно люблю тех, кто не предупреждает ближних об опасности. Аадхья втянула воздух сквозь зубы и сказала: «Вот гадство» – и тут же звон послышался снова, уже с другой стороны. Два сиренопаука. Это просто феерическое невезение: во второй половине года, после того как у них завершалась третья или четвертая линька, они нам, как правило, не попадались. К настоящему моменту им уже полагалось находиться в выпускном зале – плести паутину и пожирать злыдней поменьше в ожидании пиршества.

Я уже собиралась развернуться – лучше запороть зеркало, чем впасть в окаменелый ужас от пения сирены, которая затем медленно и осторожно высосет из меня кровь. Но тут Орион схватил кувалду, которую кто-то оставил на соседней скамье, перепрыгнул через стол и атаковал пауков. Ну конечно. Аадхья взвизгнула и нырнула под стол, зажав уши. А я стиснула

зубы и принялась читать заклинание, пока Орион и сиренопауки звенели и лязгали у меня за спиной как чудовищный оркестр.

Поверхность зеркала блестела как горячее масло, и я довела ее до абсолютно гладкого состояния, не прервавшись ни на секунду, даже когда над моей головой пролетела громадная нога сиренопаука. Она врезалась в стену, отскочила и упала на стол рядом со мной, подергиваясь и вызванивая несвязные обрывки песни, полной хтонического ужаса. Когда Орион, пошатываясь и тяжело дыша, подошел к нам и спросил: «Девчонки, вы целы?» – процесс уже завершился. Серебро застыло без единого пузырька, превратившись в блестящую зеленовато-черную гладь, которой буквально не терпелось десятками извергать мрачные пророчества.

Аадхья, дрожа, выбралась из-под стола и рассыпалась в искренних похвалах Ориону, в то время как я заворачивала свое дурацкое, никому не нужное зеркало. Если она не повисла у него руке, когда мы вышли из мастерской, то вовсе не потому, что ей не хотелось. Впрочем, надо отдать Аадхье должное – на полпути она успокоилась и спросила меня:

– Ну, тебе зачтут задание? Сильно покоробилось?

Я развернула ткань и показала ей зеркало. Нетрудно было догадаться, что произойдет дальше. Аадхья с обожанием выдохнула:

– Просто не верится! Орион, что ты сделал с серебром, чтобы оно легло так гладко?

Я отнесла зеркало к себе и повесила поверх уродливого обгорелого пятна, которое оставило на стене воплощенное пламя. Ткань свалилась, и прежде чем я успела опять завернуть зеркало, из его бурлящих недр, как из кипящей смолы, выплыло призрачное светящееся лицо. Оно произнесло замогильным голосом:

– Привет тебе, Галадриэль, несущая смерть! Ты будешь сеять ярость и пожинать разрушение, низвергать анклав и обрушивать стены убежищ, вырывать детей из рук матерей...

– Да-да, знаю, – сказала я и набросила на зеркало ткань.

Оно всю ночь что-то бормотало, а время от времени издавало жуткое завывание, ярко вспыхивая то фиолетовым, то синим светом. И рана вдобавок ныла, мешая спать. Я смотрела на крошечных суетливых злыдней на потолке и чувствовала себя обманутой. К утру я так раскалилась, что почистила зубы, позавтракала и сходила на урок иностранных языков, прежде чем рывкнуть на Ориона, который что-то мне сказал, и заметить, что он еще здесь. Я прервала процесс головомойки и с сомнением покосилась на него. Неужели друзья еще не пристали к нему с просьбой одуматься? Что он творит?!

– Для тебя есть один плюс, – раздраженно сказала я по пути в столовую – Орион не отстал от меня даже после занятий. – Если я когда-нибудь стану мадемуазелью, обещаю: ты узнаешь об этом первым.

- Если тебе было суждено стать maleficером, ты бы это уже сделала только для того, чтобы отделаться от моей помощи, - сказал он, усмехнувшись, и я почти против воли рассмеялась.

Хлоя и Магнус, которые тоже шли в столовую, посмотрели на меня мрачно и сердито. Такого выражения лица обычно удостоивается сложный вопрос на экзамене.

- Орион, ты мне нужен, - сказала Хлоя. - У меня некоторые проблемы с зельем сосредоточения. Можешь взглянуть на рецепт?

- Конечно, - ответил Орион.

Очень изящно. Я оказалась перед выбором - тащиться вслед за ним к их столу как неременное приложение к Ориону или сесть в одиночку (как я и поступила). Он так меня отвлек, что я обо всем забыла и оказалась в столовой рано; не было никого, к кому я могла бы осторожно присоединиться. Я поставила поднос на пустой стол - место было неплохое, - заглянула вниз, проверила стулья, быстренько очистила поверхность заклинанием (на столе обнаружилось несколько подозрительных пятен, возможно оставшихся от обеда предыдущего класса, но они вполне могли быть и признаком чего-то похуже) и сожгла немножко благовоний, которые не понравились бы нечисти, сидящей на потолке. Когда я закончила и уселась, начали подходить другие ученики. И все они видели Ориона за столом нью-йоркского анклава, а меня - в одиночестве.

Я сидела спиной к очереди. Если у тебя нет друзей, это безопаснее всего, поскольку рядом с тобой целая толпа народу и в то же время тебе хорошо видно дверь. Я решительно принялась за еду, положив перед собой раскрытый учебник латинского языка. Я не собиралась ждать тех, кто в последнее время сидел со мной и с Орионом. Они сами решат, как поступить. Хорошо, что сегодня он сел со своей компанией. Вот я и выясню, каково мое положение. Замечательно.

Я почти убедила себя. Почти. Я не нуждалась в помощи Ориона и не хотела сидеть с ним и его ненадежными прихвостнями, но... умирать мне тоже не хотелось. Я не хотела, чтобы на меня прыгнула прилипала, или чтобы из-под пола брызнули семена аноксиенты, или чтобы какая-нибудь ползучая масса свалилась мне на голову с потолка - а именно это и случается с теми, кто сидит один. В течение последних трех лет я непрерывно думала, планировала, вырабатывала стратегию, чтобы пережить очередной завтрак, обед и ужин, и страшно устала от этого. А еще я устала от людей, которые ненавидели меня без всякой причины - ведь я не сделала ничего плохого. Я никому не причинила вреда. Я лезла из шкуры вон и трудилась до изнеможения, чтобы никому не навредить. Жить в школе трудно, очень трудно, и я искренне радовалась, что три раза в день по полчаса могла отдохнуть и притвориться, что я такая же, как все: пускай не королева самая популярная - но, по крайней мере, человек, который сидит за приличным столом, не боясь нападения со спины, и к которому ребята охотно подсаживаются, вместо того чтобы резко поворачивать в противоположную сторону.

Сегодня я не подготовилась к обеду, потому что со мной пошел Орион и я предположила, что меня ждет еще один сеанс притворства. Очень глупо. Я

напрашивалась на неприятности. Если бы я не торопилась и подождала, то села бы вместе с Лю, Аадхьей или Нкойо. Возможно. Ну или они поступили бы так, как всегда поступали люди, когда видели, что я приближаюсь к их столу: приглашали кого попало – просто чтобы занять все пустые места, прежде чем я успею подойти. И на это я тоже напросилась, поссорившись вчера с ребятами из анклавов. Я решила, что ничуть не хуже их, – и ошиблась. Мы вместе оказались в этой дыре, но они-то выберутся. Они запасаются мощными артефактами и лучшими заклинаниями, они помогают друг другу и делятся силой; они выживут – разве что им сильно не повезет. Потом они отправятся домой, в свои прекрасные анклавы, окруженные полными надежд прихлебателями, которые играют роль стражей. Там можно просто пойти к себе в комнату и лечь спать, не тратя каждый вечер по часу на установление защитного барьера вокруг юрты, чтобы не прорвалась какая-нибудь тварь.

Мне едва исполнилось девять, когда это произошло в первый раз. Злыдни обычно не нападают на волшебников в расцвете сил, вроде мамы, и на маленьких детей тоже, потому что у них еще мало маны. Но мама тогда болела, у нее был сильный жар, и когда она начала бредить, кто-то отвез ее в больницу, а я осталась одна. Я поужинала холодными остатками и легла, пытаясь убаюкать себя колыбельными, которые мама пела мне каждую ночь. Я притворилась, что она рядом. Когда снаружи послышалось какое-то царпанье и посыпались искры, словно кто-то скреб ножом по железу, я достала кристалл, который мама носила той осенью, и крепко сжала его в руках, а цапун тем временем стал пробираться внутрь.

Сначала показались пальцы, длинные, многосуставчатые, с когтями, похожими на кривые ножи. Я завизжала, когда увидела их. Тогда еще я в глубине души верила, что кто-нибудь придет, если закричать. Я была наивным ребенком, и меня интересовали только мои симпатии и (чаще) антипатии. Поэтому, как правило, я не замечала, что не нравлюсь людям, и не понимала, что означает их нелюбовь. А она означала, что никто не сядет рядом со мной даже за самый удобный стол, и не приласкает, если я останусь голодной и без мамы, и не придет, если я закричу ночью, как закричал бы любой ребенок, на которого нападает тварь с когтями-ножами. Никто не пришел, даже когда я завопила во второй раз (цапун просунул другую руку и прорвал защитную стену, совсем как мышь прогрызает мешок). И соседи меня слышали – точно знаю, что слышали, – потому что в дверной проем мне были видны другие юрты и люди еще не спали и сидели вокруг костра.

Но столь же ясно я видела, что они не спешат на помощь. И когда я замолчала, а когтистая тварь забралась внутрь, я поняла, что никто меня не спасет, потому что всем плевать. Они сами не знали, как это глупо с их стороны. Им повезло, что у меня в руках был мамин кристалл, иначе я бы воспользовалась их силой.

Цапуна не так трудно убить – любой плюс-минус опытный младшеклассник способен его одолеть с помощью базового заклинания грубой силы, которое мы все проходим на второй месяц изучения злых чар. Но мне было девять лет, и я знала только мамино кулинарное заклинание, которое запомнила, поскольку часто его слышала. Возможно, оно бы сработало со злыднем класса бестий, но цапуны непригодны для готовки – они почти полностью состоят из железа. Такие штуки – работа какого-то мастера, который сознательно или случайно снабдил свое творение мозгами (и, следовательно, жадой жизни).

Дальше цапун ползает сам по себе, охотясь на ману и в процессе создавая себе доспехи и оружие. Среднестатистическая девятилетняя колдунья, в панике обрушивающая на цапуна кулинарное заклинание, его просто раскалит, после чего погибнет от горячих лезвий, а не от холодных. Я собрала всю оставшуюся в кристалле силу до капли и испарила тварь.

Мама скоро вернулась. Она не любит лечиться ни магией, ни обычными таблетками, поскольку полагает, что болезни – это часть жизни и нужно просто отдыхать, есть здоровую пищу и с уважением относиться к природному циклу. Но в больнице ее положили под капельницу с антибиотиками; она очнулась посреди ночи – и вспомнила, что я осталась совсем одна. Когда мама примчалась к нашей юрте, я стояла снаружи, в кольце чадающих огоньков. Металл, из которого состоял цапун, почти мгновенно превратился в жидкость и вытек из юрты тремя ручьями, устремившимися вниз с холма; от раскаленного металла загорелся папоротник. Я орала на людей, которые наконец-то пришли и стали тушить огонь, и приказывала им всем убираться. Плевать, если они сторят, и лучше бы они сторели, все до единого, а если кто-нибудь ко мне подойдет – я его сама сожгу!

Мама пробралась сквозь толпу и отвела меня в юрту, точнее оттащила: я была уже одного роста с ней. Она долго плакала и крепко сжимала меня в своих горячих влажных объятиях, а я брыкалась, боролась и вырывалась. Наконец я сдалась, и сама расплакалась, и прижалась к ней. А когда я в изнеможении рухнула на постель, мама заварила чай, и вылечилась, и убаюкала меня заклинанием, которое превратило все пережитое в сон.

Но возле нашей юрты осталась дорожка из расплавленного цапуна. Он был настоящий, это произошло на самом деле, и не перестало происходить, потому что даже в девять лет я была аппетитным кусочком для голодных злыдней, а к тому времени, когда мне исполнилось четырнадцать, они стали являться по пять штук за ночь. Мама перестала быть пухленькой и розовой; дотошные соседки твердили ей, что она слишком мало отдыхает, и ругали меня за то, что я доставляю столько неприятностей. Они понятия не имели, в чем дело.

Если бы мама не отдала меня в школу, мне, прежде чем самой быть съеденной, предстояло бы увидеть ее смерть.

Я никогда не буду в безопасности. Не смогу перевести дух. Незачем лгать себе, что все наладится, когда я отсюда выберусь. Не наладится. И маме будет только хуже, если я останусь с ней, поскольку злыдни не перестанут за мной являться. А люди меня не любят и пальцем не шевельнут, даже если я буду звать на помощь. Поэтому я и не зову. Но в ту минуту, в столовой, мне хотелось влезть на стол и закричать точно так же, как я кричала на тех сволочей в коммуне; мне хотелось сообщить всем, что я их ненавижу, что я охотно сожгла бы их ради пяти минут покоя, и непонятно, что меня удерживает – ведь сами они преспокойно пожертвовали бы мной. Я носила эту ненависть в себе с девяти лет, и только мамина любовь не давала ей вырваться наружу, но мамы было мало. Она не могла спасти меня – даже она не могла. Несколько дней, благодаря дурацкому притворству, я провела среди других людей – необходимых, чтобы выжить, – и забыла, что это все не всерьез.

Я сидела, согнувшись над подносом и сдерживая крик, и краем глаза заметила, как подошедший Ибрагим взглянул на меня. Его губы растянулись в улыбке. Он был рад, что Орион бросил меня, и на это я тоже напросилась, верно? Я заслужила эту усмешку, потому что поругалась с ним. Но к черту Ибрагима: Сара и Элфи сидели за лондонским столом, старательно не глядя на меня. Как будто я внезапно стала невидимкой.

И тут Аадхья поставила поднос на мой стол и села. До меня не сразу дошло; я тупо уставилась на нее, а она спросила:

– Обменяешь на молоко? Тот поднос выглядел как-то странно, я его обошла.

У меня на мгновение перехватило горло, точно в нем застрял большой кусок черствого хлеба. Потом я сказала:

– На, держи, – и протянула ей запасной пакетик молока.

– Спасибо, – ответила Аадхья и дала мне булочку.

Потом за наш стол села Лю, и с ней ее подруга. Двое ребят-техников, англоговорящие индийцы из Дели, устроились рядом с Аадхьей и поздоровались – и в их тоне не было и намека, что я тут лишняя. Я тоже сказала «привет», и это прозвучало вполне естественно, сама не знаю почему. Еще двое умеренно популярных ребят, с которыми я даже не была знакома, но сидела вместе за столом на прошлой неделе (всего лишь на прошлой неделе!), помедлили, потом нерешительно приблизились и спросили: «Тут занято?» Когда я покачала головой, они не стали придвигаться вплотную, а сели на некотором расстоянии, но все-таки мы сидели вместе. Нкойо сказала «привет», проходя мимо с Корой и другими девочками по пути к свободному столу...

Я старалась сдерживаться, чтобы руки не тряслись, пока я ела булочку, аккуратно ломая ее и намазывая каждый кусочек тонким слоем сливочного сыра. Я прекрасно понимала, что происходит. Именно на это я и рассчитывала, когда приглашала Лю сесть со мной и предлагала Аадхье вместе делать зеркало. Они убедились, что я достойна доверия и готова поделиться своей удачей с теми, кто мной не пренебрегал. Теперь они давали понять, что оценили мои усилия. Очень разумно, даже если не знать, что у меня в рукаве есть козырь-другой. Никакого чуда в этом не было, и не стоило полагать, что они меня внезапно полюбили. Я всё понимала. Но теперь мне хотелось не кричать, а плакать, как младшеклассница, которая роняет слезы и сопли в тарелку, а окружающие делают вид, что ничего не замечают.

Я кое-как доела свою порцию, не опозорившись. Аадхья спросила, можно ли ей прийти и взглянуть на зеркало. Я позволила, но предупредила, что, скорее всего, оно получилось проклятым.

– Серьезно?

– Да. Извини. Всю ночь оно пыталось что-то мне сказать, хотя я и не просила.

Когда артефакт что-то пытается сделать самостоятельно, это верный знак, что он не принимает твои интересы близко к сердцу. Аадхья явно расстроилась – неудивительно, поскольку она чуть не погибла, помогая мне смастерить ненужный хлам.

– Зато я прихватила ногу сиренопаука. – Я забрала ее именно на такой случай. – Может, она тебе пригодится?

– Да, здорово, – смягчившись, ответила Аадхья.

Панцири сиренопауков отлично подходят для изготовления магических инструментов, если знать, как с ними управляться. Аадхья, с ее способностью, уж точно знала. Мы немного поговорили о том, что можно сделать из этой добычи, и я предложила Аадхье помочь заклинаниями, чтобы мы были в расчете. Потом мы с Лю обсудили наши контрольные работы по истории, поскольку мы обе в сильной группе (никто не хочет в сильную группу, разве что предполагает выпуститься с отличием, но школа помещает тебя туда против воли), и каждой нужно написать двадцать страниц по истории древней магической цивилизации. Причем – о злая ирония судьбы! – нам достались незнакомые языки. Мы договорились поменяться: она напишет о двух анклавах династии Чжоу, а я – про анклав Пратиштхана, и мы переведем друг другу основные источники.

Мы доели и забрали посуду. Никто не остался за столом в одиночестве. Мне по-прежнему было неуютно и зябко внутри, когда я понесла свой поднос на конвейер. Я была рада, что впереди шел Ибрагим: я вспоминала о его ухмылке и пыталась воскресить в себе недавний гнев. Но Ибрагим взглянул на меня, отходя от конвейера, и не ухмыльнулся – он словно приуныл. Я в замешательстве посмотрела на него – и тут Орион поставил свой поднос на стойку следом и спросил с легким раздражением:

– Слушай, в чем дело? Ты поссорилась с Хлоей и Магнусом?

Неужели он ждал, что я пойду и сяду с ними?

Да, наверное. Кто отказался бы сесть за нью-йоркский стол, если бы ему выпала такая возможность! Каким дураком надо быть, чтобы вместо этого сидеть одному, гадая, присоединится ли к нему еще кто-нибудь!

– Что, я должна была тащиться за тобой? – отрызнулась я. – Прости, я не поняла, что у меня теперь статус прихлебателя. Я думала, для этого сперва нужно совершить ритуальное коленопреклонение. Заведи специальный значок или что-нибудь такое, чтобы выдавать фанатам. А ты будешь смотреть, как они дерутся за знаки твоего внимания... – Я сказала это очень ядовито – неудивительно, раз я вся кипела.

Орион отступил на шаг; он как будто разозлился и удивился одновременно, и на его щеках, покрытых зеленоватыми точками после занятия в лаборатории, пятнами выступил румянец.

– Да иди ты к черту! – сказал он хрипло и быстро отошел.

Между нами и дверью находились примерно пять разных компаний, и все повернулись к Ориону, когда он проходил мимо. Лица учеников были полны

надежды. Каждый решал в уме то самое уравнение, над которым я ломала голову каждый день, каждый час, – и поскольку остальные не были упрямыми идиотами, они не отказались бы подольститься к Ориону Лейку, чтобы выжить. Уж они-то дрались бы за право стать его лакеями. И он это знал – но тратил время на меня; а раз Орион больше не боялся, что я обращусь в малефициера, значит, он хотел... пообщаться с кем-то, кто не лебезит перед ним.

От этой мысли мне стало тошно: значит, Орион все-таки приличный человек. Но какое право он имеет быть приличным человеком?! Ему что, мало супергеройства?

Однако другого ответа я не находила.

Остаться одной в столовой – плохая идея, но почти целую минуту я стояла как столб, глядя вслед Ориону, потому что все еще была вне себя. Я злилась на Ориона, на Хлою, на остальных, даже на Аадхью и Лю, которые меня чуть не довели до слез, соизволив сесть со мной.

А потом я пошла за ним. Орион, как и все, направился к лестнице, но, вместо того чтобы пойти наверх, в библиотеку, зашагал вниз, в полном одиночестве, как безумный. Или как человек, который предпочтет злыдней восхищенным поклонникам. Я стиснула зубы... но делать было нечего. Я нагнала Ориона на середине первого пролета.

– Позволь тебе напомнить: всего четыре дня назад ты думал, что я убийца, – сказала я. – Я имела право не догадаться, что могу сесть вместе с тобой.

Орион, не глядя на меня, вскинул рюкзак повыше на плечо:

– Садись где хочешь.

– И сяду, – сказала я. – Но раз уж тебя это так волнует, предупреждаю заранее: я не желаю сидеть с твоими приятелями по анклаву.

И тогда он наконец поднял голову:

– Почему?

– Потому что они-то как раз хотят, чтобы им кланялись.

Орион медленно начал расправлять плечи.

– Это называется «сидеть вместе в столовой», – произнес он, преувеличенно растягивая слова. – За столом. На стульях. Большинство людей способны пережить обед, не превращая его в поле боя.

– Я не «большинство», – заявила я. – И да, столовая – это поле боя, если ты не в курсе. Думаешь, все вечно пытаются сесть рядом с тобой просто потому, что ты хороший парень?

– Наверное, у тебя иммунитет, – заметил Орион.

- Блин, да, - кивнула я, но он улыбнулся из-под отросших волос - чуть заметно, неуверенно, - так что, наверное, я соврала.

Глава 6

Материализация

Я понятия не имела, как ведут себя друзья, потому что никогда раньше ни с кем не дружила. Впрочем, Орион разбирался в этом не лучше меня. Поэтому, в отсутствие других вариантов, мы просто продолжали друг другу хамить, что для меня было несложно, а для него, видимо, представляло приятное разнообразие: похоже, в Ориона с раннего детства вбили, что с простыми смертными нужно быть любезным.

- Я бы тебе ответил, но мама привила мне хорошие манеры, - многозначительно сказал он на следующий день после ужина, когда я не пустила его вниз, заявив, что он просто кретин, если попытается снова спрятаться в лаборатории.

- Моя тоже старалась, но ничего не вышло, - сказала я, толкая Ориона на лестницу, ведущую в библиотеку. - И мне плевать, что ты любишь в одиночку, как упырь, торчать за лабораторным столом. Я тут и так регулярно оказываюсь на волосок от смерти.

Если тебе не нужно выполнять очередное задание - под прикрытием нескольких друзей, - то лучше всего пойти в библиотеку. Это самое безопасное место в школе. Книжные шкафы тянутся вверх и вверх, пока не исчезают в той же самой темноте, которая царит за пределами наших комнат (а значит, злыдни оттуда не придут). И никаких труб в библиотеке нет: если нужно в туалет - придется спуститься к столовой. Даже вентиляционные отверстия здесь меньше. В библиотеке слегка пахнет плесенью и старой бумагой, но мы совсем не против. Мы проводили бы здесь каждую свободную минуту, но, к сожалению, в читальный зал все не влезут. Никто в Шоломанче не ссорится всерьез - это просто глупо, - но ребята из анклавов будут биться насмерть за удобный стол или одну из читальных зон с такими большими мягкими кушетками, что на них можно вздремнуть.

Наверху, в мезонине, есть еще несколько читален поменьше, но на каждую претендует союз из двух-трех небольших анклавов. У них недостаточно огневой мощи, чтобы занять часть главной читальни, но при этом вполне хватает сил, чтобы не пускать чужаков. Нкойо частенько приглашают к себе ребята из Занзибара и Йоханнесбурга. Но незваному не стоит и соваться наверх; даже если там никого нет, первый, кто придет - почти наверняка не в одиночку, - выгонит тебя взащей. Причем выгонят не только меня; члены анклавов выдворят любого: библиотека слишком важный ресурс, чтобы его не контролировать.

Еще одно хорошее место для работы – индивидуальные кабинеты, точнее ниши, втиснутые между стеллажей. Иногда они сами собой меняют место. Замечаешь между полок нишу, освещенную зеленым маяком настольной лампы, а стоит выйти в проход между шкафами – и она уже исчезла. А если, наконец найдя ее, примешься за работу и задремлешь над книгами – рискуешь проснуться неизвестно где, среди потрескивающих старых свитков и фолиантов на незнакомых языках. Если повезет – сумеешь выбраться, прежде чем кто-нибудь тебя найдет. Библиотека безопаснее, а не безопасна.

Мне удалось занять один из столов – поцарапанное древнее чудовище, которое, вероятно, стоит здесь с основания школы. Он задвинут в нишу, которую можно обнаружить, только миновав разделы санскрита и древнеанглийского языка. Почти никто сюда не забирается – и неудивительно. Шкафы набиты старыми свитками и каменными табличками на каком-то праязыке, таком древнем, что его уже никто не знает. Если по пути случайно бросить слишком внимательный взгляд на обрывок папируса, школа может решить, что теперь ты изучаешь этот язык. Тогда придется разбираться с заклинаниями, которые она тебе выдаст. Они могут тебя буквально завалить: получаешь десяток заклинаний подряд, которые не можешь толком выучить и освоить – и вдруг оказывается, что тебе не удастся двинуться дальше, даже если ты добудешь новые заклинания. До конца жизни останешься с тем, что успел выучить, – и вряд ли эта жизнь будет долгой, если ты застрянешь на уровне среднеклассника. В довершение всего путь к моей нише проходит под коридором, который соединяет разные секции мезонина – иными словами, по большей части нужно идти в темноте.

Тут я и нашла свой стол. В прошлом году я рискнула сюда заглянуть, потому что готовила особый проект: анализировала сходства между заклинаниями связывания и принуждения на санскрите, хинди, маратхи, древнеанглийском и среднеанглийском языках. Очаровательная тема, понимаю, зато идеально связанная с моей способностью – и это задание избавило меня от экзамена по иностранным языкам. В противном случае пришлось бы провести пять часов в аудитории, полной милых и любезных одноклассников, которые уж постарались бы усадить меня на худшее место. Эта тема практически гарантировала мне участие в протоиндоевропейском семинаре на следующий год, в котором всегда минимум десять учеников – идеальное число для языкового семинара в выпускном классе. Но чтобы такой проект зачли, нужно штук пятьдесят ссылок. Одно лишь составление списка литературы должно было занять у меня несколько часов.

Оставить библиотечные книги за собой нельзя. То есть теоретически я могу спрятать их в темном уголке, отнести к себе в комнату или даже сжечь – никто не остановит меня у двери и не потребует штраф. Но если ты позволишь себе хотя бы маленькую небрежность по отношению к библиотечной книге, то не найдешь ее в следующий раз, когда она тебе понадобится, – повезет, если она вообще тебе когда-нибудь попадет. Поэтому я каждый раз расставляю книги по местам. А еще у меня есть записная книжка, которую я завела в младшем классе: помимо названий и кодов я заносу в нее описание раздела, в котором находится книга (номер шкафа, номер полки, количество книг по обе стороны, а также названия соседних). Корешки самых ценных книг я даже зарисовываю цветным карандашом. Благодаря этому я могу отыскать почти любую книгу – и на следующий год накануне выпуска наверняка сумею продать свою записную книжку кому-нибудь из младших,

изучающих иностранные языки, в обмен на некоторое количество маны. Такова ценность проделанной работы.

Но прежде чем я нашла удобный стол – то есть каждый раз, когда мне нужно было писать контрольную работу, – я, торопливо проглотив обед, неслась сюда, находила книги, тащила их в пустой класс, сорок минут работала, потом несла их обратно и расставляла на места, а после ужина проделывала все то же самое. В совокупности выходило часа два работы. Я даже ценой собственной жизни не нашла бы свободное место в читальном зале, даже за паршивыми столами в темных углах, где приходится тратить собственную ману, чтобы осветить страницы.

Это непросто даже при работе над проектом по одному предмету, когда все книги стоят в одном разделе или даже на одной полке. Дойти до отдела санскрита, миновать современные индийские языки, выйти в основной отдел заклинаний, добраться до конца древнеанглийского отдела – и так каждый раз... это слишком трудоемко. Однажды я рискнула и пошла коротким путем. И в награду отыскала свой стол. Да, он находится не в самом удобном месте, зато там есть светильник, который зажигается от крошечной капельки маны. А еще он чистый. Массивное дерево, широкая плоская столешница, тяжелые резные ножки – ни ящиков, ни укромных уголков, где могут таиться злыдни. И места более чем достаточно для двоих. Просто мне некого было пригласить.

Орион всегда избегал библиотеки как чумы, но по другой причине. Как только мы вошли в читальный зал, половина присутствующих повернулись (вторая половина и так сидели лицом к двери) и начали зазывно улыбаться. Все стали окидывать взглядом свои компании, мысленно выбирая самых непопулярных, чтобы освободить два места. Орион тут же ссутулился. Я не сердилась на него за то, что ему неловко, но тем не менее пихнула Ориона в спину – нельзя же быть тряпкой:

– Перестань делать такой несчастный вид. Я не дам тебя в обиду.

Я-то думала, что пошутила, но когда мы подошли к шкафам, сразу трое учеников как бы случайно увязались за нами. Мне пришлось повернуться и сказать, чтобы они отвалили. Сам Орион не произнес ни слова.

– Я не собираюсь быть твоим личным вышибалой, – заметила я, когда мы наконец избавились от третьего прилипалы – девицы, которая пыталась намекнуть, что в темных закоулках библиотеки будет гораздо веселее с двумя девушками вместо одной (видимо, она искренне не понимала, зачем еще Ориону тусоваться в библиотеке со мной). Не договорила она лишь потому, что я ее вовремя заткнула.

– Сам отшивай своих фанаток.

– У тебя это так хорошо получается, – сказал он и тут же добавил: – Извини, я просто... – Орион помолчал – и вдруг брякнул: – Луиза пригласила меня на свидание в обмен на помощь. За три дня до... – Он опять замолк.

– До того, как Джек ее убил, – подсказала я, и он кивнул. – И с тех пор ты решил, что обязан великодушно помогать всем подряд? Тебе что, время девать некуда?

- Нет! - воскликнул он и гневно взглянул на меня. - Я рассердился и оттолкнул ее, а потом она погибла, и я даже не знал, что произошло. И я подумал - может быть, в ту минуту она решила, что я ей не помог, потому что злился. Наверное, это глупо, - добавил он.

Конечно глупо, в основном потому, что он беспричинно винил себя. Я сразу так и подумала, и Орион это явно заметил.

- Что? - воинственно спросил он.

Я могла бы не говорить. Наверное, стоило проявить деликатность. Но все-таки я не удержалась:

- Она погибла потому, что после твоего отказа стала искать того, кто согласится. И Джек принял ее предложение.

Орион в шоке уставился на меня.

- Чтобы высосать силу из другого волшебника, большинству мадефицеров нужно хотя бы подобие согласия, - продолжала я.

Ориона словно замутило. Вск дорогу до моего стола он молчал.

Больше никто нас не беспокоил, и путь показался гораздо короче обычного. Обычно мне приходится останавливаться через каждые три полки и читать названия книг - просто чтобы понять, что я двигаюсь в нужном направлении. Кроме того, нужно проверять свет. Это еще одна шуточка школы. Никакого потолка, чтобы повесить лампу, в библиотеке нет, и проходы освещаются хрупкими огоньками маны, которые летают вокруг. Они кое-как позволяют прочесть название на корешке книги и даже сопутствуют тебе, если ты взлетаешь к верхней полке - ну или лезешь, поскольку не все могут тратить ману на дурацкие фокусы. Но если ты ими не пользуешься, они тихонько меркнут, мало-помалу, поэтому ты ничего не замечаешь, пока они не потускнеют окончательно; и тогда нужно зажечь собственный свет, поскольку они непременно погаснут, если ты двинешься дальше - и даже если развернешься и пойдешь обратно. Но в присутствии Ориона они все ярко светились вокруг нас - и достаточно было просто время от времени бросать взгляд на полки, чтобы убедиться, что мы не сбились с пути.

У моего стола нас ожидали аж два стула. Орион сел, не проверив свой стул - и тем более не перепроверив, - и тут же полез в рюкзак. Я толкнула его и заставила вместе со мной осмотреть полки у нас за спиной, осветить стены, отодвинуть стол и задвинуть обратно...

- Слушай, мы же в библиотеке, - сказал он с раздражением.

- Прости, я что, наскучила тебе элементарными предосторожностями? - уточнила я. - Мы не бессмертные герои.

- Да, но не стоит быть и чокнутым параноиком, - отозвался он. - Сколько раз на тебя вообще нападали?

– За прошлую неделю? Считая малефициера, которого ты на меня науськал? – спросила я, складывая руки на груди.

Орион закатил глаза:

– Ты до конца времен будешь мне это припоминать?! Сколько раз на тебя нападали до этого? Пять? Шесть?

Я уставилась на него:

– За неделю? Ну, типа того.

Он тоже вылупился на меня:

– Что?!

– На меня нападают дважды в неделю, потому что я осторожна, – объяснила я. – Если бы я не была осторожна, злыдни являлись бы раз в пять чаще. Я лакомый кусочек, балда. Неудачница, которая вынуждена все время проводить одна. Да и на большинство ребят нападают минимум раз в месяц.

– Неправда, – решительно сказал он.

– Правда.

Орион засучил рукав и показал мне артефакт на запястье – круглый медальон на кожаном ремешке, похожий на часы, по крайней мере с первого взгляда. Он мог бы продемонстрировать его на людной улице, полной заурядов, и никто бы даже глазом не моргнул. Орион открыл крышку – и это действительно оказались часы, но сквозь крохотные круглые окошки в циферблате виднелось несколько слоев малюсеньких шестеренок из разных металлов; они вращались, переливаясь зеленым, синим и фиолетовым.

– Я услышу, если кто-нибудь из нашего анклава попадет в беду. Прямо сейчас, например, здесь одиннадцать ребят из Нью-Йорка.

– Допускаю, что на ребят из анклавов нападают реже раза в месяц, – согласилась я. – Сила и власть имеют свои плюсы. Я потрясена. И вы все пользуетесь такими штуками?

Я снова взглянула на медальон; на крышке была затейливая гравировка – кованая парковая ограда, за ней звезда с расходящимися лучами, а по бокам, каллиграфическим шрифтом, буквы N и Y.

– Думаешь, злыдни разбирают? – спросил Орион. – Думаешь, им не все равно?

– Лично я думаю, что они выбирают добычу полегче, и это не вы. У Хлои есть друзья, которые пробуют ее еду и ходят вместо нее на склад. Когда она работает над проектом, то может попросить помощи у лучших учеников школы, и ей не придется им платить. Скорее всего, вечером, когда она наконец покинет свое навечно зарезервированное место на кушетке, – я указала подбородком в сторону читальни, – до комнаты Хлою проводят двое. Вы делитесь силой и... – Я слегка задрала ему футболку, чтобы было видно пряжку ремня, на которой красовался – ну разумеется – новенький держатель

для щита, совершенно такой же, какие делала Аадхья, только по сравнению с этой штукой ее артефакты напоминали поделки пятилетнего ребенка.

Орион вскрикнул, дернулся и схватил меня за руку, видимо решив, что я его совращаю. Но я уже отпустила футболку, фыркнула и шелкнула пальцами у него перед носом, заставив попятиться.

- Даже не мечтай, мажор. Я не одна из твоих фанаток.

- Да, я заметил, - буркнул он и покраснел.

Я принялась за переводы, которые обещала Лю. Я мало на что обращаю внимание, когда работаю, поэтому я перестала смотреть на Ориона, как только взялась за дело. Тем более что даже сократить количество обычных проверок было нельзя. Он-то не делал вообще ничего. Я остановилась, закончив черновик, и встала, чтобы размяться; засидеться в кресле - плохая идея. И тогда я заметила, что Орион просто сидит и смотрит на страницу лабораторного задания.

- Эй!

- Ты правда считаешь, что на других ребят нападают гораздо чаще? - отрывисто спросил он. Похоже, он все время над этим думал.

- А ты, кажется, не такой уж умный, - отозвалась я из позы собаки. - А по-твоему, почему люди вообще рвутся в анклав?

- Это за стенами школы, - заметил он. - А здесь мы все заодно. И у всех равные шансы...

В середине фразы он взглянул на меня, и выражение моего лица, перевернутого вверх ногами, заставило его замолчать. Он обдумал тошнотворную чушь, которую нес, и снова приуныл. Очень хорошо.

Перевернувшись и встав в планку, я отозвалась:

- Правильно. Значит, у Луизы были такие же шансы, как и у Хлои.

- Луизе не повезло! - воскликнул Орион. - Она ничего не знала и не была к этому готова. Вот почему я ей помогал. Луиза не аргумент!

- Прекрасно. Значит, у меня столько же шансов, сколько у Хлои?

Орион даже себя не сумел в этом убедить и, похоже, разозлился. Он отвел глаза и буркнул:

- Ты сама ставишь себе палки в колеса.

Я встала.

- Тогда катись отсюда и больше не ходи за мной. - При этих словах у меня сжалось горло.

Орион хмыкнул, как будто полагал, что я шучу:

- Да, вот так, например. Ты мне хамишь, а я пять раз спас тебе жизнь.

- Шесть.

- Не важно. Между прочим, последние три дня буквально все мне твердили, что с тобой надо быть поосторожнее, потому что ты малефицер. Ты именно так себя и ведешь!

- Неправда! - возразила я. - Вот Джек - он вел себя как малефицер. Малефицеры очень обаятельны.

- Да уж, в этом тебя никто не обвинит. - Орион согнулся над учебниками, продолжая хмуриться; он даже не понял, что я готова врезать ему в ухо.

И я действительно хотела его ударить - и крикнуть, что мне даже необязательно что-то делать, чтобы люди сочли меня воплощением зла... правда, Орион так не считал. Он решил, что я малефицер, когда я дала ему очень серьезный повод; а теперь он сидел за моим столом и разговаривал со мной как с нормальным человеком, и я боялась, что это закончится. Поэтому, вместо того чтобы дать Ориону в ухо, я села на место и принялась за контрольную.

Когда зазвенел звонок, предупреждающий об отбое, и мы стали собираться, Орион осторожно спросил:

- Посидим здесь завтра утром?

- Между прочим, мне некому перепоручить ремонтные смены, - сказала я, но гнев уже остыл. - А за тебя кто работает?

- У меня нет смен, - с полной искренностью ответил Орион и удивился, поймав мой пристальный взгляд.

У всех у нас есть график дежурств, по смене в неделю; даже сын будущей нью-йоркской Госпожи не избавлен от работы. Правда, он не обязан работать сам. Члены анклавов обычно собираются в группы человек по десять и перепоручают все ремонтные работы кому-нибудь одному в обмен на обещание включить его в команду. Неофициально это называется технической специализацией - и это один из надежнейших способов войти в анклав после выпуска. Анклавы охотно принимают тех, кто соглашается буквально выгрести дерьмо; вдобавок ребята-техники выходят из школы имея практический опыт обращения с такой же инфраструктурой, какой пользуются большие анклавы.

Но в то же время это отличный способ умереть. Техники, вечно занятые ремонтом, пропускают половину уроков, поэтому они всегда на грани провала; кроме того, они пропускают и уйму теории, и множество продвинутых заклинаний. К тому же именно они вынуждены заходить в комнаты с таинственными дырами в стенах, протекающими трубами, перегоревшими лампами - в те места, где защита зыбка и куда пробираются злыдни. А еще - нельзя подписаться на ремонт, а потом валять дурака. Если не завершишь порученную тебе работу в пределах недели, школа не пустит тебя в столовую, пока не закончишь.

А если ты обещал отработать чужую смену, но забил, в столовую тебя не пустят члены анклавов, которые зорко присматривают за своими помощниками. Большинство, во всяком случае.

- Кто-то из ньюйоркцев трудится вместо тебя, а ты даже не в курсе, - сказала я. - Очень грустно, Лейк. Хоть иногда говори бедняжке спасибо.

Бедняжке, ха-ха. Я бы сама охотно стала техником, раз уж у меня на спине буквально нарисована огромная мишень. Но конкуренция в этой сфере довольно жесткая, и мне пришлось сдать в первую же неделю: никто не нуждался в моих услугах. Члены анклавов со мной даже не разговаривали, а потому у меня не было возможности к ним присосаться. Впрочем, отсутствие возможностей не единственная моя проблема в школе.

Орион покраснел:

- А ты что будешь делать?

- Убирать в лаборатории, - сказала я.

Уборка алхимических лабораторий - дело грязное (все технические работы малоприятны), но это гораздо лучше, чем чинить дыру в стене или подновлять заклинания защиты. Однажды мне пришлось латать прохудившуюся защиту в вентиляционной трубе в одном из конференц-залов, неподалеку от мастерской. Защита так истрепалась, что целая пачка бегунчиков только и ждала возможности прорваться. Переднего буквально притиснули к решетке; несколько пар круглых, как у лемура, глаз, полных голодной тоски, смотрели на меня, а из пастей, полных острых зубов, капала слюна. Мне надоело, и я потратила немножко маны, чтобы загнать бегунчиков подальше в трубу и не видеть их в процессе.

Уборка, даже в лабораториях, далеко не так опасна. Конечно, там может остаться кислота, или контактный яд, или какая-нибудь подозрительная алхимическая субстанция, но ее нетрудно заметить. Большинство ребят себя не затрудняют - они просто наливают в ведро мыльную воду, накладывают на тряпку и швабру оживляющее заклинание, оставляют их в помещении и следят за процессом с порога. Но я все делаю вручную - если только вконец не умоталась. В коммуне мы дежурили по очереди, и мама не позволяла мне пользоваться магией, поэтому я умею обращаться с ведром и шваброй. В детстве я обижалась, а теперь понимаю, что получу некоторое количество маны, а не потрачу и вдобавок, может быть, найду что-нибудь полезное. Хотя приятным времяпрепровождением это не назовешь.

- Я с тобой, - сказал Орион.

- Что? - спросила я и рассмеялась, хотя он не шутил; чего доброго, все решат, что он по уши влюблен. - Ну, отказываться я точно не буду.

Вдвоем мы справились быстро и остаток выходного провели в библиотеке вместе. Признаюсь, я испытывала глупое, мелочное удовлетворение, видя, как ньюйоркцы с тревогой поглядывают на меня каждый раз, когда мы с Орионом проходим мимо их уголка в читальном зале. Мне следовало быть умнее и подружиться с ними. Я не питала к Ориону романтических чувств, но

он был моим другом – тут уж я не заблуждалась. Я зацепилась за Нью-Йорк. Если бы ньюйоркцы меня приняли, можно было бы уже не думать о поисках союзников. Я надела бы на себя артефакт, помогающий обмениваться маной, и выкатилась за ворота как на коньках. Наверное, мне бы даже унижаться не пришлось – всего лишь быть вежливой.

Но я упорствовала. Я не поощряла ребят из анклавов, которые упорно пытались со мной заговорить: я всех их демонстративно избегала. Причем без особой деликатности. Вечером в субботу, когда мы пошли чистить зубы, Аадхья осторожно спросила:

– Эль, у тебя что, какой-то план?

Я сразу же поняла, что она имеет в виду. Но ничего не сказала. Я не желала выслушивать нотацию. Помолчав, Аадхья продолжила:

– Я понимаю. Я была очень популярна в своей старой школе. Футбол, гимнастика, куча друзей. Но за год до поступления мама, усадив меня перед собой, сказала, что здесь я буду изгоем. Она не сказала – типа, не огорчайся, если это произойдет. Она предупредила прямо.

– Какой же ты изгой?

– Если мне приходится постоянно думать о том, как я отсюда выберусь – значит, я изгой! У нас остался год, Эль. Ты знаешь, что такое выпуск. Ребята из анклавов выберут лучших среди нас. Они возьмут щиты и обменники, и будут метать копья и огненные шары, и вырвутся за ворота, а злыдни набросятся на остальных. В этой истории мы не хотим быть «костальными». И потом, что ты собираешься делать после выпуска? Жить в хижине в Скалистых горах?

– В юрте в Уэльсе, – буркнула я, но Аадхья была права. Я все это обдумала – за одним критически важным исключением. – Им не нужна я, Аадхья. Им нужен Орион.

– И что? Пользуйся, пока можешь, – сказала Аадхья. – Я все это говорю только потому, что ты оказала мне услугу – и потому, что тебе хватит ума меня выслушать. Не надо злиться. Ты сама знаешь, что отпугиваешь людей.

– Но не тебя? – уточнила я, стараясь говорить спокойно, хотя никакого спокойствия не чувствовала.

– Меня это тоже задевало, – призналась Аадхья. – Но мама велела мне быть вежливой с отщепенцами, потому что от них может быть толк, и не доверять тем, кто слишком любезен, потому что они себе на уме. И она не ошиблась. Красавчик Джек оказался людоедом, а ты из чистого упрямства готова наплевать на Нью-Йорк и Лондон и остаться со мной только потому, что я не до конца тебя раздела, когда торговалась. – Она пожала плечами.

К тому времени мы добрались до душевой, поэтому разговор прекратился. Я кипела все время, пока чистила зубы, умывалась и сторожила Аадхью. Но на обратном пути я выпалила:

– Но... почему? Чем я провинилась, что все от меня шарахаются?

Я ожидала, что она выдаст обычный перечень: «Ты грубая, холодная, вредная, злая» – все, что обычно говорили люди, оправдывая свою жестокость. Но Аадхья посмотрела на меня и задумчиво нахмурилась, а потом убежденно сказала:

– От тебя такое ощущение, что вот-вот пойдет дождь.

– Что?!

Аадхья, жестикулируя, принялась объяснять:

– Знаешь, вот так иногда уходишь далеко от дома, не взяв с собой зонт, потому что было солнечно, когда ты выходила, и на тебе новые замшевые туфли – и вдруг темнеет, и ты понимаешь, что сейчас ливанет, и думаешь: «Вот блин!» – Она покивала самой себе, удовлетворенная своей гениальной аналогией. – Вот примерно так себя и чувствуешь в твоём присутствии. – Аадхья замолчала, оглянулась, чтобы убедиться, что никого нет в пределах слышимости, и продолжила: – Если много врать, это портит ауру. Я знаю одного парня, алхимика, у которого есть отличное заклинание для очищения души...

– Я не вру, – ответила я сквозь зубы.

Аадхья с сомнением взглянула на меня:

– Серьезно?

Все это было очень полезно. А как же иначе – Аадхья на сто процентов права, и мне следовало прислушаться к ней и по итогам недели типа свиданий с Орионом добиться прямого приглашения минимум в три анклага. Я могла его получить, если попросить прямо сейчас, и обеспечивать себе по полдесятка союзов в неделю в течение всего времени, пока мы будем типа встречаться. Потому что я как дождь.

Но вместо этого я буквально на следующее утро холодно сказала «Извини, я занята», когда Сара предложила мне поменяться заклинаниями с ее воскресной группой валлийского языка. Там полно ребят из британских анклавов, и у каждого – унаследованная книга заклинаний, полная лучших, проверенных чар, которые тем более ценны, поскольку язык полностью фонетический. Всякий, кто способен прочесть название «Лланвайр-Пуллгвингилл», может усвоить большинство заклинаний, даже если не понимает значения всех слов; а значит, к его услугам все выгоды редкого языка и большой группы обмена. Лично я на валлийском читаю довольно уверенно благодаря Истол Иухрад Абертейви, то есть двуязычной средней школе города Кардиган, хотя мне никогда не приходилось пользоваться этим языком вне ее стен. Каждый раз, когда я заходила в магазин или в паб, со мной немедленно заговаривали на английском и продолжали на нем говорить, даже если я отвечала по-валлийски. Сара с некоторым сомнением сказала:

– Я слышала, ты выросла в Уэльсе – вот я и подумала: может быть...

А еще она хотела заняться этим за их столом в библиотеке, после завтрака, и, конечно, я имела полное право прийти не одна.

- Я не против, - заявил Орион, когда мы взялись за еду; он подслушивал.

- А я против, - злобно прорычала я.

Если бы он сказал что-нибудь еще в том же духе, я бы, вероятно, вывалила овсянку ему на голову, но Орион весь покраснел, уставился на свой поднос и слотнул. Чувствовал он себя, вероятно, примерно так же, как я в ту минуту, когда Аадхья села со мной. Похоже, он переживал совершенно новый опыт - общение с человеком, который не желает его использовать. Мне все равно хотелось вывернуть на Ориона овсянку, но вместо этого сжала зубы и протянула ему наполовину полный сливочник.

В конечном итоге я впуталась по уши, хуже, чем неделю назад, когда он, этакий рыцарь в белом плаще, влетел в мою комнату. Я не собиралась всерьез использовать Ориона, чтобы куда-нибудь пролезть, а сам он как помощник был совершенно бесполезен: я абсолютно не сомневалась, что в день выпуска он выйдет из ворот последним. Тем временем я усиленно добивалась общей ненависти всех анклавов, взамен прежней умеренной неприязни, и такими темпами могла этого достичь к концу семестра. И хотя Аадхья, Лю и Нкойо перестали активно меня избегать, выживание было дороже. В следующем году начнут складываться союзы, и их, всех трех, несомненно пригласят в тот или иной анклав. Что бы Аадхья ни говорила о своей отверженности, у нее отличная репутация. Моя же школьная жизнь началась не лучшим образом, а теперь я заполировывала свою репутацию толстым слоем идиотской гордости.

Ну и пусть. Раз уж мне не хватило выдержки проглотить унижение и превратиться в подлизу ради спасения собственной шкуры, ответ был очевиден: надо поделиться с другими силой, которой я обладала. Тогда я буду нужна людям и, не исключено, перестану саботировать все возможные предложения союзничества.

Таков был мой план с самого начала - пожертвовать несколько кристаллов и утвердить свою репутацию, - и теперь настало подходящее время, поскольку активность злыдней немного слабеет после выпуска. Многих убивают спасающиеся выпускники, или они сами пожирают друг друга; уцелевшие, насытившись, ищут укромные уголки, чтобы произвести на свет многочисленное потомство. А большинство угнездившихся у нас гадов истребляет дезинфекция. Строители предвидели, что некоторое количество злыдней проберется наверх, поэтому дважды в год школа подвергается чистке. После предупреждающего звонка мы разбегаемся по комнатам, запираемся и хорошенько баррикадируем двери. После этого по всем этажам весело проносятся огромные стены смертельного пламени, пожирая орды отчаянно разбегающихся злыдней. Еще это помогает разогреть механизм, опускающий дортуары ярусом ниже.

Если вы желаете знать, отчего эту замечательную систему не включают в выпускном зале, прежде чем запустить туда учеников, я скажу вам, что так и было задумано, но механизм сломался примерно через пять минут после открытия школы. Никто не пойдет его чинить.

Вот почему новички прибывают буквально на следующий вечер после выпуска - это самый безопасный день в году, и в школе еще пару месяцев царит

относительная тишина. Поэтому, если я не найду случай истратить большое количество силы (какой отличной возможностью мог стать пожиратель душ!), мне не удастся поправить свою репутацию до конца первой четверти, а к тому времени большинство союзов уже будет создано.

Утром я почти ничего не сделала. Анклавы Чжоу, истребившие друг друга три тысячи лет назад, упорно соперничали в моей голове с важным вопросом: как проявить себя? Я могла бы просто устроить сцену в столовой и уничтожить несколько столов – но корчилась при мысли впустую потратить ману; если я выброшу ее просто так, то покажусь, мягко говоря, неумной. Или еще хуже: все решат, что я обладаю огромным количеством силы, раз могу ею швыряться – а это неправда, поскольку я (как вы догадались) не малефицер. И не стоило разубеждать в этом остальных.

Я оставила собственную работу и принялась за перевод для Лю. Единственный словарь санскрита, лежащий на полке, представлял собой шестикилограммовое чудовище, но я перебирала страницы машинально, и значительная часть моего мозга продолжала трудиться. Я решила подождать до конца следующей недели. Если ничего не подвернется – тогда я просто притворюсь, будто меня что-то напугало: например, в мастерской, чтобы Аадхья видела...

Мои мысли прервались, когда Орион оглянулся, и я осознала, что он делает это уже в третий раз. Я не обращала на него внимания, поскольку это нормально: я сама автоматически оглядываюсь каждые пять минут. Но Орион не из тех, кто озирается. Прежде чем я успела спросить, в чем дело, он вскочил, оставив книжки и тетради, и побежал по направлению к читальному залу.

– Лейк, какого черта! – крикнула я вслед, но он уже скрылся.

Я могла побежать следом и догнать его – правда, для этого пришлось бы со всех ног броситься навстречу неведомому и наверняка очень опасному. А если Орион успел убежать далеко вперед, проходы уже точно бы вытянулись, чтобы мне помешать, и я неслась бы по темным коридорам в полном одиночестве. Просто супер.

Я могла остаться за столом – правда, я по-прежнему не знала, что случилось, и если в библиотеку пробралось что-нибудь по-настоящему скверное, оно могло удрать от Ориона и явиться ко мне.

Так или иначе я хотела показать себя: чего же я жду? Уничтожить большую тварь в читальне – отличный шанс, если, конечно, Орион не убьет ее раньше, чем я добегу. Может быть, я даже спасу его!

Грезя о славе, я встала и последовала за Орионом, хотя и осторожно. Оказавшись в разделе санскрита, я услышала сладкую музыку, которая так его манила, – отдаленные крики, доносящиеся из читальни. Я понятия не имела, что послужило их причиной, но количество голосов наводило на мысль, что это нечто впечатляющее. Я поступила разумно, решив не торопиться: я едва успела миновать ведический раздел, а Орион уже исчез за следующим поворотом, и свет померк у него за спиной, так что передо мной тянулся длинный отрезок темного коридора.

Я сосредоточилась на корешках книг и слегка замедлила шаг – это лучший способ не дать библиотеке отточить с тобой какой-нибудь фокус. Но коридор и без того неохотно позволял мне идти вперед, а теперь стало еще хуже: в качестве примет я искала знакомые книги – и обнаружила, что они рассеяны гораздо дальше, чем следует. Пришлось читать название последней книги в каждом ряду вслух и касаться пальцами края каждой полки, чтобы библиотека меня не удерживала.

И это было очень странно, потому что вопли в читальне становились все громче. В дальнем конце коридора виднелись алые и фиолетовые вспышки – пошла в ход боевая магия Ориона, которую я распознала по ритму заклинаний. Кажется, там началась настоящая битва. Как правило, школа охотно позволяет тебе ввязываться в неприятности, раз уж ты настолько глуп, что сам лезешь в пасть к злым. Или – подумала я, – может быть, дело как раз в том, что явившаяся тварь имеет реальный шанс расправиться с Орионом. Я шла к читальне с намерением помочь ему, а в магии намерение имеет значение. Безусловно, школа хотела избавиться от Ориона, поскольку он нарушал баланс и не давал ей кормиться.

Мне эта мысль совсем не понравилась – и еще больше не понравился сам факт появления этой мысли. Привязываться к кому-нибудь в школе кроме как из практических соображений – просто лезть на рожон, даже если предмет твоих симпатий не идиот, который сам постоянно лезет в огонь. Но было уже слишком поздно, происходящее не нравилось мне настолько, что пришлось сделать над собой усилие, чтобы не перейти на бег. Я заставила себя замедлить ход еще больше и стала внимательно рассматривать все, что стояло на полках. Это противоречит инстинкту, но иначе библиотека не отвяжется. Если человек идет по проходу медленно – значит, его интересует конкретная тема, и библиотеке придется извлечь из пустоты много книг. Если на ходу он успевает смотреть на корешки, то почти обязательно найдет какую-нибудь ценную и редкую книгу. Поэтому школа предпочтет, чтобы он не задерживался.

Вокруг меня на полках начали появляться кучи незнакомых книг и манускриптов. Многие были с незнакомыми номерами – даже несмотря на то что в последние два года я провела много времени в отделе санскрита. Некоторые номера намекали, что эти книги внесены в каталог очень давно и с тех пор ярлычок не меняли. Школа всерьез пыталась меня задержать. Я прищурилась и стала смотреть внимательнее – и в трех полках впереди заметила золотистый блеск корешка небольшой книжки, почти скрытой между двумя стопками пальмовых листьев. Она стояла на высокой полке вне моей досягаемости и была без всякого ярлычка.

Отсутствие ярлычка означало, что книжку только что извлекли из пустоты; раньше она никогда не появлялась на полке, а следовательно, была достаточно ценной и склонной активно прятаться. Если она лежит меж пальмовых манускриптов – значит, содержит интересные заклинания, раз кто-то переписал их несколько столетий спустя и даже озаботился позолотить обложку. В первый раз книжка выглянула, когда я была в двух шагах от нее; не сводя глаз с добычи, я приблизилась, уцепилась за край полки одной рукой, подпрыгнула и схватила ее. Весь шкаф возмущенно накренился, когда я спрыгнула. Мне хватило ума не заглядывать в книгу сразу – тогда она бы исчезла; я засунула ее в сумку, даже не сбившись с шага. Ощущение подсказывало, что это очень хорошая книга. Неведомый мастер позолотил не

только корешок – она вся была покрыта чем-то вроде оттисков и снабжена застежкой, чтобы не раскрывалась.

После этого проход словно стал короче. Я позволила себе минутку самодовольства: я победила библиотеку и заставила ее дать мне что-то ценное. Теперь она старалась меня выпихнуть, поскольку не хотела, чтобы я забрала что-нибудь еще. Конечно, не хотела, но я забыла главное: здесь ничего нельзя получить даром. Никогда.

При свете следующей вспышки я быстро миновала отделы современных языков; библиотека позволила мне мельком оценить расстояние между мной и отделом основных заклинаний, и я припустила бегом. Конец коридора теперь был виден даже без вспышки. Мне понадобилось почти вдвое больше времени, чем Ориону, чтобы добраться до места. Вопли стали громче, и другие звуки тоже: пронзительный визг, отдаленно напоминающий птичьи крики, и низкое рычание, которое я услышала, свернув в главный отдел. Еще несколько осторожных шагов – и добавился третий звук, что-то вроде свиста зимнего ветра в сухой листве.

Первые два звука, возможно, издавала одна тварь. Среди бестий и гибридов встречаются самые нелепые скрещения, возникшие оттого, что какой-нибудь не в меру умный алхимик соединил два несочетаемых существа ради забавы или выгоды (если можно считать выгодой то, что тебя в конце концов сожрут собственные создания – почти каждого малефициера, который шутит с биологией, ожидает такая участь). Думаете, нельзя скрестить волка со стаей воробьев? Да ладно.

Но вот третий звук меня смутил. Он отчасти походил на материализацию, которую мама однажды летом победила на острове Бардси, когда потащила меня пешком через весь Уэльс по старому паломническому маршруту. Та штука на слух больше напоминала звон колокола, но все же...

Библиотека – подходящее место для возникновения материализации. Но я удивилась, что она прорвалась в читальный зал. Почему бы не остаться среди уютных темных шкафов, где можно много лет кормиться заблудившимися учениками? И почему одновременно с кем-то еще? (Визг и рычание, как я теперь поняла, доносились из разных частей читального зала – слишком далеко друг от друга, чтобы их могло издавать одно существо.) Я окончательно растерялась, когда услышала крик Ориона:

– Магнус, давай гладкий щит!

Такие щиты используют только против слизней, которые вообще не издают звуков, не считая хлюпанья. Значит, в библиотеке оказались четыре твари сразу. Возможно, решили устроить вечеринку перед выпуском.

И если Магнус оставался там и выбрасывал защитные заклинания, вместо того чтобы удирать со всех ног, это значило, что одна из тварей заблокировала нью-йоркский анклав и не давала уйти куче народу. О лучшей возможности показать себя я не могла и мечтать. Главный проход был освещен до самого читального зала, как трап самолета.

Я не стала бросаться в драку очертя голову. Я слегка замешкалась с книгой, но вообще-то я не тормоз. Библиотека старалась удержать меня в

отделе санскрита, а теперь она хотела, чтобы я отправилась в читальный зал. Она не пыталась погубить Ориона – она просто не желала, чтобы я торчала здесь. Библиотека так хотела, чтобы я отсюда ушла, что предложила мне дорогой подарок.

Поэтому я остановилась, а потом повернулась и посмотрела в темноту у себя за спиной.

Библиотечная вентиляция проходит в коридоре – старые тусклые медные решетки, вделанные в пол. Они отражают свет: тонкие блестящие линии посверкивают, даже когда огоньки горят тускло. Но я не видела той решетки, которая должна была находиться позади меня. Я не слышала раздражающего скрипа старых грязных вентиляторов и даже вечного шелеста страниц – книги на полках затихли, как воробьи, завидевшие ястреба. Звуки библиотеки не просто были заглушены шумом боя в читальном зале. Я замерла, прислушиваясь, и различила слабое дыхание многих людей – тихое, мрачное, тяжелое. Свет не горел, но вот-вот должно было вспыхнуть следующее заклинание Ориона. Все мое тело напряглось в ожидании – и при взблеске алого огня я увидела десяток человеческих глаз. Они смотрели на меня, разбросанные среди толстых переливающихся складок прозрачной массы, которая вываливалась из вентиляционного отверстия.

Поскольку на занятиях по злым чарам я обычно сижу в первых рядах, мне хорошо видно картину, изображающую выпускной зал, с двумя гигантскими чреворотами, занимающими почетные места по обе стороны ворот. Это единственные злыдни, которые имеют имена – давным-давно какие-то ньюйоркцы прозвали их Терпением и Стойкостью, так оно и осталось. Впрочем, они остаются чисто декоративными: мы не изучаем чреворотов. В этом нет смысла. От чреворота нет защиты. Если проскочишь мимо него быстро – выживешь. Если, конечно, тебя не убьет что-то другое. Касательно чреворотов учебник дает один практический совет: при наличии выбора предпочти что-то другое. Если чреворот до тебя добрался, если хотя бы чуть-чуть обернул щупальце вокруг твоей лодыжки – ты уже не спасешься. По крайней мере, своими силами.

Ослепительный свет боевой магии Ориона за моей спиной погас, и я стояла, глядя в темноту, пока он не вспыхнул снова, похожий на яркий сине-зеленый фейерверк. Чреворот был на прежнем месте. Он поморгал, глядя на меня заимствованными глазами всех оттенков и форм; они скользили туда-сюда по гладкой поверхности, которая продолжала вываливаться из люка, и то ныряли вглубь, то шурились на свет. Одни были широко распахнуты, другие быстро моргали, третьи казались остекленевшими и тусклыми. Главка о чревороте в учебнике суровой прозой сообщала нам, что никто не знает, какова судьба тех, кого пожирает чреворот. Некоторые ученые полагают, что сознание так и не покидает их и они просто постепенно истощаются. Подробнее смотри в программной статье Абернати, Кордина и Ли в журнале «Изучение черных чар»: упомянутые авторы обнаружили, что можно наложить заклинание общения на давно пожранную чреворотом жертву и получить ответ – правда, лишь в виде бессвязного вопля.

Когда мне было девять, я заставила маму рассказать, как погиб папа. Она не хотела. До этого она коротко отвечала: «Прости, милая, нет. Не могу об этом говорить». Но наутро после визита цапуна, когда я сидела в постели, обхватив руками костлявые колени и глядя на дорожку из расплавленного

металла, которая осталась от голодной твари, явившейся за мной из тьмы, я сказала:

- Только не говори, что не можешь. Я хочу знать.

И мама рассказала мне все, а потом до вечера плакала, пока совершала обычные ритуалы, прибиралась и готовила – как всегда босиком. Я видела маленькие, похожие на оспины шрамы у нее на лодыжке – знакомое кольцо отметин. Мне оно нравилось, прямо завораживало. Я дотрагивалась до него, когда была маленькой, и спрашивала маму о нем гораздо чаще, чем о том, что случилось с папой. Мама отмахивалась и от этого вопроса, а я не понимала, что это один и тот же вопрос.

Единственный способ остановить чреворота – вызвать у него несварение. Если броситься на чреворота с достаточно мощным щитом, может быть, успеешь проникнуть внутрь прежде, чем он начнет тебя есть. Теоретически, его можно взорвать изнутри, если добраться до середины. Но большинству это не удается; известны лишь три удачные попытки, да и те производились не в одиночку. Для одинокого волшебника единственный вариант – отвлечь тварь.

Так поступил папа. Он схватил щупальце и оторвал его от мамы, успев сказать, что любит ее и меня – ребенка, про которого они только что узнали, – а потом чреворот пробился через его щит и проглотил папу.

Может быть, именно этот и выбрался в библиотеку. Я точно знала, что это не Терпение или Стойкость. Те оба такие большие, что почти не двигаются с места, и редко едят учеников, разве что случайно. Выпускной они проводят пожирая других чреворотов и крупных злыдней, которые оказываются в пределах досягаемости их щупалец. Несомненно, это питательней. В школьных коридорах никогда раньше не встречали чреворота. Насколько мне известно, конечно. Но чреворот не из тех тварей, от которых никто не успевает убежать. Ты узнаешь о случившемся, потому что люди вопят и бьются, пока их глотают. Но чревороты, обитающие в школе, всегда довольствовались тем, что ждали внизу ежегодного пира.

В следующий раз огонь в читальне вспыхнул, когда чреворот окончательно вывалился из вентиляционного отверстия; некоторое время его туша сохраняла квадратную форму люка, через который протиснулась, а затем вновь расплылась. Тварь просто сидела в коридоре, и ее рты беззвучно двигались, делая глубокие вдохи, как будто чреворот приходил в себя после непростого пути наверх. Я не бежала – в этом не было нужды. Даже маленькие чревороты не едят по одной жертве зараз. Если бы он проглотил меня, ему пришлось бы сидеть здесь и переваривать добычу, прежде чем двинуться дальше, а прочие бы тем временем разбежались. Вот почему библиотека пыталась меня удержать – чтобы я не предупредила ребят. Она хотела дать чревороту отличный шанс сожрать не только Ориона, но и всех остальных в читальном зале. Не говоря уж о тех четырех мощных злыднях, которые явились сюда, спасаясь от чреворота.

Я медленно и осторожно сделала шаг назад, в темноту, по направлению к читальному залу. И еще один – после того как за моей спиной померкла очередная вспышка. Вдруг чреворот испустил всеми своими ртами тяжелый вздох и двинулся... прочь. Я застыла, гадая, не мерещится ли мне, но тут

Орион выбросил что-то вроде купола, и неоновро-розовое сияние озарило глянцевиые складки чудовищной туши, которая катилась прочь с пугающей скоростью: многочисленные глаза и шепчущие рты то появлялись, то исчезали.

Тварь направлялась не в читальный зал. Она двигалась в другую сторону, к лестнице в конце коридора – той самой, которая вела из библиотеки на этаж младшекласников. Где младшие ребята – те, кому не досталось места за безопасным столом в читальне, – сейчас сидели, забившись в свои комнаты по двое и по трое, и делали домашнюю работу. Чреворот вытянется вдоль коридора, заблокирует все двери, до которых сумеет дотянуться, а потом начнет совать щупальца внутрь и выковыривать нежные устрицы из раковин.

И я ничем не могла им помочь. Чтобы добраться самым коротким путем на этаж младшекласников, нужно миновать читальню и отдел заклинаний; поднявшись по лестнице, я бы оказалась в противоположном конце коридора. Но когда я туда доберусь, никаких предупреждений уже не понадобится. Кричать будут громко.

Но это был мой единственный выход – единственное, что вообще можно сделать, поскольку чреворота нельзя убить. Даже анклавь в таких случаях прибегают к глухой обороне – прячутся, закрывают все входы, гонят прочь стадо злыдней, отвлекая чреворота. Сильнейшие волшебники не в состоянии его убить – они даже не станут пытаться, потому что если рискнешь и потерпишь неудачу, он не просто тебя съест, а будет есть вечно. Это хуже, чем погибнуть от пожирателя душ, хуже, чем попасться гарпии, которая относит жертву в гнездо на растерзание птенцам, хуже, чем оказаться в когтях квенлика. Никто в здравом уме не бросит вызов чревороту, никто никогда – только если твоя девушка, с которой ты начал встречаться несколько месяцев назад, сейчас погибнет, а вместе с ней тот, кого ты никогда не видел, не человек даже, а сгусток клеток, которые едва начали делиться, но ты так глуп, что готов принять миллион лет мучений в обмен на их жизни...

Этот чреворот не грозил моим близким. С младшекласниками я даже не была знакома. Слопав несколько десятков человек, он остановится, чтобы переварить добычу и передохнуть после долгого подъема. Возможно, он так и останется в их коридоре, опускаясь год за годом все ниже. Когда он опять проголодается, то проползет немного дальше по коридору и сожрет еще нескольких младшекласников, которым некуда деваться. Во всяком случае, они не останутся в неведении. Ребята, которых чреворот съест сегодня, будут еще долго умолять, плакать и шептать – ну, по крайней мере, их рты.

И тут до меня дошло: если мне удастся каким-то чудом остановить чреворота, никто об этом не узнает. В библиотеке не осталось ни души – все дрались и орали в читальном зале. А младшекласники не высунутся из своих дортуаров, если услышат в коридоре что-то подозрительное. Те, кто дожид до конца года, уже поняли, что самый разумный поступок в данном случае – забаррикадировать дверь. Никто даже не узнает, что здесь был чреворот, и никто не поверит, если я скажу, что справилась с ним одна. К тому же придется истратить неведомо сколько маны, добытой тяжким трудом. Репутация станет наименьшей из моих забот. Весь следующий год я проведу, отчаянно наскребая крохи маны, просто чтобы как-нибудь пережить выпуск.

Я не хотела все это понимать. Не хотела признавать, потому что для меня это слишком много значило. Здесь ничего не получают задаром. Но мне только что дали невероятно ценную книжку, и прямо за моей спиной, в читальном зале, было все, на что я надеялась, – мой основной шанс на выживание и приличное будущее. Я уже знала, что школа предложила мне это не просто так... и на другой чаше весов лежит что-то противоположное. Двойная приманка. Но зачем подкупать человека без необходимости? Школа не стала бы оттаскивать меня от чревороота – если только она не считала, что у меня есть шанс и что колдунья, с колыбели предназначенная для убийства и разрушения, возможно, сумеет уничтожить чудовище, с которым не справится больше никто.

Я огляделась – как раз вовремя, чтобы заметить Ориона, который мелькнул перед входом в читальню; белый блеск его прекрасного щита померк, когда он врезал им невидимому противнику. За Орионом тучей летели рильки – их крылья, из-под которых дождем капала кровь, издавали пронзительный визг. Я могла бы вбежать в читальный зал, героически заслонить выбившегося из сил Ориона и на глазах у толпы уничтожить всю стаю, потратив единственный кристалл маны, совсем как в случае с цапуном – и тогда никто бы не усомнился, услышав про чревороота. Мне бы даже не пришлось притворяться, что я его не видела. Я могла сообщить всем, что я от него убежала, и все равно остаться героиней. Даже великие маги не пытаются с ним бороться.

Я повернулась и пошла за чревороотом. Мне хотелось злиться, но я ощущала лишь дурноту. Мама никогда не узнает, что со мной случилось. Никто не увидит моей гибели. Может быть, кто-нибудь услышит мои сдавленные вопли за дверью, но не будет знать, что это я. Тот, кто их услышит, скоро и сам будет кричать. Мама не узнает... нет, обязательно узнает – точно так же, как узнала бы, если бы я воспользовалась малией. Скорее всего, сейчас, теплым летним вечером, в лесу, она ведет занятия по медитации и, закрыв глаза, думает обо мне – мама всегда обо мне думает. Она все поймет. Ей придется жить с этим до конца дней, как и с папиной гибелью.

Я плакала – единственным способом, каким позволяла себе плакать в школе: с широко раскрытыми глазами, отчаянно моргая, чтобы от слез не плыло перед глазами. Они текли по щекам и капали с подбородка.

Выход на лестницу был освещен. Я видела глянцевую, радужно переливающуюся поверхность чревороота, когда он протиснулся в дверь. За ним не оставалось никакого следа, ни слизи, ни даже пыли – я шла по гладкому, чисто выметенному коридору, а потом по лестнице, до самой площадки, ведущей на этаж младшеклассников. Там свет горел ярче. Я отчетливо видела чревороота, который уже разворачивал свои щупальца вдоль коридора – жуткая пародия на раскрытые объятия. Широко растянувшись, он посмотрел на меня десятками глаз; одни рты издавали тихое хныканье, другие лишь шумно дышали. Один из них произнес что-то вроде «нъег».

Я сжала в руке кристалл, подключилась к остальным, лежащим в шкатулке в моей комнате, а затем двинулась прямо к чреворооту. Я боялась, что не сумею заставить себя коснуться его, но мне и не пришлось. Когда я приблизилась, он вытянул щупальце, обвил меня за талию и потянул к себе – ужасное ощущение даже сквозь магический щит. Словно меня облапил огромный потный мужик с липкими ручищами. Ближайшие рты начали нашептывать

неразборчивые, невнятные, влажные слова, похожие на пьяное дыхание, только сразу с двух сторон. Я не могла избавиться от этой твари, которая желала меня – и рвалась внутрь. Я боролась. Конечно боролась. У меня не было выбора. Я пыталась вырваться, сопротивлялась и извивалась, но ничего не получалось. Я беспомощно висела в его хватке.

От щита была единственная польза: чреворот пока никак не мог за него проникнуть. Образно говоря – ни впихнуть язык меж моих сжатых губ, ни раздвинуть мне ноги. Но рано или поздно я должна была устать и сдаться. Я не сумела бы одолеть его. И только ужас и ярость при мысли о том, что я не смогу держаться вечно, заставили меня сделать хоть что-то еще. Я немного протиснулась вглубь, а потом с головой погрузилась в плоть чреворота, и это совсем перестало походить на чужие мерзкие объятия. Рта, глаз и рук не было – были внутренние органы; и тварь по-прежнему пыталась в меня проникнуть. Я должна была раскрыться, стать ее частью, слиться с ней, точнее, с отвратительной, ужасной, мокрой внутренностью умирающих существ, которые так и не умирали до конца, но вечно гнили и истекали кровью. Я начала вопить от одного ощущения всего этого вокруг себя.

Но я знала, что никто не придет на мой крик, и продолжала двигаться. Я втягивалась все глубже в чреворота, хватаясь за что попало как за веревки, которые хлюпали и выскальзывали из кулаков; я словно плыла сквозь плоть чудовища. Но на ходу я чувствовала свою ману – поток, который тек сквозь меня, помогая удерживать заклинание щита и оттеснять жадную тварь. Я понятия не имела, сколько силы использовала и сколько еще осталось – и хватит ли оставшегося, чтобы уничтожить чреворота, когда я доберусь до цели; и я вопила, и плакала, и слепо лезла вперед, не зная зачем... это было невыносимо. Учебник прав – выберите любой другой вариант, любую другую смерть – потому что я бы предпочла умереть, чем идти дальше.

И тогда я остановилась. Я остановилась и использовала лучшее из девятнадцати заклинаний, способных уничтожить целую толпу – самое короткое, всего три слова на французском языке, «à la mort» (но его нужно произнести небрежно, сделав жест запястьем, который большинство окружающих истолкуют неверно, а если ошибешься хоть чуть-чуть, заклинание убьет тебя). Если держать в голове столько условий сразу, трудно говорить небрежно. Но меня это не волновало. Смогу ли я здесь как следует шевельнуть рукой? Я не знала. И это тоже было не важно. Я делала то, что давалось мне естественно, – заклинание скользнуло с моих губ легко, как дыхание, и я шевельнула рукой – или просто подумала, что шевельнула. Мерзкая гадость вокруг стала полужидкой и гнилой, но само произнесение заклинания оказалось необыкновенно легким и приятным, поэтому я повторила, и еще раз, и еще, и еще, можно сказать, от облегчения. Я добавила и другие смертоносные заклинания, все, какие знала, на тот случай, если одного окажется мало. Но процесс не прекращался: гниение распространялось все шире, внутренние органы плавали в хлюпающей массе, глаза вылезали из орбит, прижимались к моему щиту и смотрели на меня, но при этом они стекленели и съеживались, а я продолжала убивать – и убивала, пока внезапно, в один прекрасный момент, чреворот не разорвался над моей головой как мешок и не сполз на пол, распадаясь на части. Последние несколько глаз были уже мертвы и пусты, когда тварь наконец превратилась в ошметки.

Мне казалось, что я пробиралась по нему целую вечность, но на самом деле я сделала не больше двух шагов от того места, где чреворот меня схватил. Он остался лежать на полу – чудовищный комок, похожий на обглоданный куриный скелет, только в позе эмбриона. Затем он тоже распался на куски плоти и комки слизи; весь коридор был покрыт кровью, желчью и гнилью.

Все это уже стекало в отверстия в полу – тщательно продуманные, грамотно расположенные, сделанные именно для того, чтобы эффективно убирать все следы несчастных случаев. Трубы начали хрипеть и давиться, и я подумала, что они не выдержат, – но тут же автоматически включились пульверизаторы на потолке и успешно смыли остатки чреворота.

Я не знала, скольких людей убила. Я понятия не имела, сколько раз произнесла смертоносные заклинания. Не сомневаюсь: жертвы были бы мне благодарны. Они бы предпочли меня чревороту.

Нужно было опустить щит – я в нем больше не нуждалась, и не стоило тратить ману. Но снаружи он был весь облеплен гнилью. Пульверизаторы остановились, и вонючая жидкость потекла вниз, собираясь красно-желтыми лужами в нескольких сантиметрах от моих ботинок. Мне не хотелось прикасаться к этой гадости.

Поэтому я просто стояла, дрожа и плача – слезы никак не останавливались, – а когда по губам потекли теплые и липкие сопля, меня чуть не стошнило, весь живот стянулся в узел. И тут кто-то крикнул:

– Эль! Галадриэль! Ты там?

И меня отпустило. Я подняла руки, раскрыла щит и спустила его на пол, потратив на это еще несколько капель маны, чтобы не запачкаться.

Орион сбежал с лестницы и появился в коридоре, запыхавшийся и обожженный – с одной стороны у него на голове обгорели волосы. Увидев меня, он остановился и тяжело вздохнул, как человек, который волновался, что ты где-то задержалась допоздна, а теперь сердится, убедившись, что ты цела и невредима.

– Я рад, что ты выбралась, – язвительно произнес Орион. – Кстати, все уже кончилось.

Я разрыдалась и закрыла лицо руками.

Глава 7

Горе

Ориону пришлось практически отнести меня в мою комнату. Правда, на всю дорогу сил ему не хватило: несколько раз он останавливался, и я немного шла своими ногами, а потом замирала и начинала плакать, и тогда он, испугавшись, снова брал меня на руки. По пути он сообразил, что я не просто так убежала в противоположную от читальни сторону, и, добравшись до моей комнаты, попытался выведать, что произошло. Возможно, он бы мне поверил – но какой был бы толк, даже если бы он поверил и рассказал другим? Наверное, никакого. В конце концов, все считали, что он влюблен в меня по уши. У Ориона обязательно спросили бы, видел ли он чревворота – а он не видел.

Я не стала выяснять. Я вообще не хотела об этом говорить. Я не ответила ни на один из его вопросов, кроме последнего: я сказала «нет», когда он спросил, хочу ли я побыть одна. Орион осторожно сел на кровать рядом со мной и спустя несколько минут обвил рукой мои плечи – еще осторожнее. Мне стало чуть легче, что на свой лад было ужасно.

В какой-то момент я заснула. Орион оставался со мной весь вечер; он разбудил меня незадолго до ужина. Глаза у меня слипались, горло ныло. Я брела как в тумане, не предпринимая абсолютно никаких мер предосторожности. Хорошо, что Орион от меня не отходил. Из отверстия под столом, за который я села, выглянул глаз на стебельке, похожий на водянистую зеленую кляксу (стол был скверный, но я не стала выбирать). Клякса посмотрела на лодыжки Ориона и тихонько нырнула обратно, решив не вылезать. Я промолчала.

Аадхья спросила:

– Она что, получила обратку от заклинания?

– Не знаю! – нервно ответил Орион. – Сомневаюсь.

– Я слышала, ты убил материализацию в библиотеке, – сказала Лю. – Иногда они разделяются. Может быть, ее частично высосали.

Орион подцепил пальцем цепочку у меня на шее и выудил из-под футболки кристалл – он потемнел, потрескался и был пуст. Это произошло потому, что я не заслонила его, выходя из-под щита – но он бы выглядел точно так же, если бы мою защиту прорвала материализация. Однако я не стала говорить Ориону, что Лю ошиблась. Я вообще ничего не стала говорить. Весь разговор происходил словно на экране телевизора, в фильме, который я ни разу не смотрела, в исполнении незнакомых актеров.

– Ладно, – мрачно сказал Орион. – Побудьте с ней, хорошо?

Он снял с запястья проводник маны, встал, взял одну из швабр, стоящих в углу столовой, и обошел помещение, с силой тыча в потолок. Послышались возмущенные возгласы, когда сверху дождем посыпались злыдни, но в основном это были личинки, ожидающие объедков. Орион продолжал свое дело, пока наконец не обнаружил в углу гнездо прыгунов. Убив девять штук, он вернулся за стол, положил руку мне на грудь и вкачал в мое якобы опустошенное тело чуть ли не годовой запас маны.

Я хорошо умею удерживать ману, но этой дозы оказалось многовато даже для меня. На мне не было кристалла-хранилища, поэтому я не могла сбросить немного энергии. Будь я в тот момент в нормальном состоянии, я бы использовала ее для эффектного шоу, которое изначально планировала. Будь я совсем не в себе, я бы инстинктивно поступила самым естественным образом – произнесла то смертоносное заклятие, которое совсем недавно наложила столько раз подряд. Сил мне хватило ровно на то, чтобы понять, что я не желаю этого делать – и что вот-вот отравлюсь маной, если не предприму хоть что-нибудь. Поэтому я влила ее в одно совершенно бездумное заклинание, которое не предполагает массового убийства. Это небольшая медитация, и дома я проделывала ее каждое утро и каждый вечер, сразу после чистки зубов. Мама научила меня этому в раннем детстве, под «Простые дары» – гимн, по сути близкий к заклинанию, хотя и не является таковым. Для него даже слова необязательны. Ты просто решаешь привести себя в порядок – какова бы ни была причина. Иногда, когда я спрашивала маму, правда ли я чудовище, она отвечала, что всё, чем я обладаю, совершенно нормально, и заставляла меня медитировать, пока я не успокаивалась. Если вам это кажется нелепым – пожалуйста, можете отправиться в коммуну и побеседовать с ней.

Как правило, медитация не требует маны – достаточно намерения. Но я была так далека от нормального состояния, что даже не могла сформулировать намерение: силы, которую я вложила в это заклинание, хватило, чтобы привести меня в чувство, точно я сама себя изо всех сил встряхнула за шкирку да еще вlepила себе пару оплеух. Я вскочила с воплем и некоторое время стояла, молотя руками по воздуху. На это ушло десять процентов маны; остались еще девяносто, от которых я чуть не лопалась по швам – и тогда я, повинувшись инстинкту, выговорила заклинание, от которого все за столом, кроме Ориона, подскочили и ахнули. Это стоило семидесяти процентов; двое ребят, проходивших мимо, споткнулись и уронили подносы, когда заклинание их настигло и я наконец-то выдохлась.

Я с грохотом села обратно за стол. Судя по дичайшему раздражению, я полностью пришла в себя. Мои соседи оробели, но вид у них был довольный – за исключением Лю: она отчаянно тряслась, глядя на свои руки. Ногти у нее приобрели нормальный цвет. Она уставилась на Ориона и дрожащим голосом спросила:

– Что ты сделал?

– Не знаю! – ответил Орион. – Никогда раньше так не получалось!

– В следующий раз, – хрипло выговорила я, – сначала спроси.

Он с тревогой взглянул на меня, и я добавила:

– Все нормально.

Я не соврала, хотя на самом деле не очень-то этого хотела. Мне никогда не нравился мамин пунктик насчет того, что все процессы должны идти своим чередом, но я впервые оценила идею. Впрочем, Шоломанча неподходящее место для естественного хода процессов, и я была более или менее благодарна Ориону. Скорее менее, чем более.

- Перестань надо мной кудахтать, - буркнула я и отвела взгляд от Ориона, чтобы быстренько проверить, нет ли яда в еде на подносе: когда брала, я ее толком не осмотрела. Пришлось выкинуть больше половины, а я умирала от голода, потому что пропустила обед.

Аадхья отдала мне половину своего шоколадного пудинга:

- Вернешь когда сможешь.

Кора, когда Нкойо ее подтолкнула, неохотно отдала мне яблоко, которое рассчитывала отложить на потом. Орион осторожно сел рядом со мной и немного расслабился. Лю по-прежнему разглядывала собственные руки, и по ее лицу в два ручья текли слезы. Видимо, я оказалась права насчет того, что она четко дозировала малию; если бы она использовала хоть капельку сверх минимума, заклинание ей бы не помогло. Впрочем, может, Лю обрадовалась этому еще меньше, чем я. Теперь она в точности знала, что произойдет, если она снова начнет пользоваться малией: ей придется либо наплевать на побочные эффекты, либо полностью сменить стратегию.

Орион не перестал маячить передо мной. Он проводил меня в комнату после ужина и явно вознамерился зайти. Он, возможно, опять остался бы со мной на всю ночь. Вот придурок.

- Повторяю, я в порядке, - сказала я. - Ты не боишься, что кому-то где-то сейчас нужна помощь? Если скучаешь, наведайся в коридор к выпускникам.

И он наконец взглянул на меня с яростью.

- Не стоит благодарности, - сказал Орион. - Честное слово, ничего особенного, уже семь раз...

- Шесть, - процедила я сквозь зубы.

- А утром? - многозначительно спросил он.

Я чуть не сказала «Утром ты меня ни от чего не спас», но, к сожалению, не была уверена на все сто. В любом случае, я не желала это обсуждать, а потому невозмутимо развернулась, вошла в комнату и закрыла дверь.

Поскольку я действительно пришла в норму и уже не витала в приятной дымке полузабытья, нужно было собраться с духом и оценить ущерб. Кристалл, который я использовала, чтобы соединиться с основным запасом маны, тоже потрескался. Девятнадцать кристаллов полностью опустели. У меня осталось только восемь полных. И я уцелела после схватки с чреворотом, что придавало событиям несколько иную окраску. Я села на кровать, держа в руке потрескавшиеся кристаллы, и уставилась на них. Одно дело - теоретически считать, что я могу наложить любое количество необыкновенно мощных заклинаний, и совсем другое - доказать это довольно эффективным образом, хотя бы себе одной.

Что было очень кстати. Я долгое время воображала себе подробные сцены спасения - в последнее время, признаюсь, в них фигурировал благодарный и восхищенный Орион - и реакцию моих однокашников, искренне сожалеющих, что раньше они не понимали моей истинной сути. Но моя истинная суть только

что в одиночку убила чреворот, воспользовавшись одним из самых мощных и непреодолимых смертоносных заклинаний, какие только есть в учебниках. И если бы одноклассники увидели мою истинную суть, они бы не подумали, что я очень милый и приятный человек, с которым следует быть пожеливее, – нет, они бы решили, что я крайне опасный человек, с которым следует быть пожеливее. Они бы стали меня бояться. Ну естественно. Теперь я это понимала с отчетливой ясностью, несмотря на умилительные мечты, за которые цеплялась не один год. Потому что я и сама себя боялась.

Я встала и взяла учебник по злым чарам для среднего класса (предварительно проверив полки снизу и сверху и проведя тыльной стороной ладони по всем книжкам). В нем я отыскала раздел, посвященный чреворотам. Там была ссылка на журнальную статью. Я взглянула в непроглядную тьму за столом и сказала:

– Мне нужен чистый и читабельный экземпляр журнала «Изучение черных чар», номер семьсот шестнадцать. На английском языке.

Я могла позволить себе подробности, потому что этот журнал несложно достать. Название, возможно, наводит на мысль о чем-то скучном и пыльном, но это иллюзия. Волшебники страстно ждут новой информации о тех тварях, которые хотят их сожрать. Все анклавы мира финансируют исследования в обмен на пачку номеров ежемесячно, и каждый независимый волшебник, который может себе это позволить, подписывается на журнал; а те, кто не могут, объединяются и заказывают его сообща.

Этот номер вышел относительно недавно, меньше двадцати лет назад. Мать Ориона уже тогда входила в состав редакции – Офелия Рис-Лейк, Нью-Йорк, восьмое имя сверху. За минувшие годы она поднялась гораздо выше.

Статья о чреворотах занимала половину номера, и в разделе исторической справки была подробно описана одна знаменитая победа.

Во время Культурной революции власти схватили и выслали почти весь состав шанхайского анклава – не за то, что они были волшебниками, просто они непомерно разбогатели. Защитные заклинания рухнули вскоре после внезапного исчезновения столь многих магов. Чреворот прорвался в анклав и за один день съел половину оставшихся обитателей; уцелевшие разбежались, как и положено нормальным людям.

До сих пор все шло по заведенному порядку. Так и гибнут анклавы, когда приходит их время, и не всегда их уничтожает чреворот. Но ослабевший анклав – опасно соблазнительная мишень для самых жутких злыдней. Впрочем, десятью годами позже сильнейшие волшебники вернулись, собрали выживших и решили отбить анклав.

Идея была безумная, поскольку до этого попытки уничтожить чреворота заканчивались неудачей, но, с другой стороны, на кону стояло многое. Анклав – это вам не пустяки, и его нельзя просто взять и разрушить из прихоти, тем более анклав с тысячелетней историей.

Кроме того, я догадалась, что случившемуся немало способствовало честолюбие, поскольку «будущий Господин анклава, наш уважаемый соавтор Ли Фень» был одним из тех, кто организовал операцию. Вся группа провела год,

накапливая ману – в эквиваленте тысячи моих кристаллов или даже больше. Ли собрал круг из восьми очень сильных независимых волшебников – в случае успеха им были обещаны почетные места в анклаве – и сам вызвался зайти в чреворота. Он проделал это под несколькими слоями защиты, вооружившись всей собранной маной. У него ушло три дня, чтобы уничтожить чудище. Двое волшебников из круга умерли в процессе.

Статья должна была меня разуверить – а вышло наоборот. Я шестнадцатилетняя девушка с двадцатью девятью кристаллами маны, которую в основном наскребла, делая зарядку. Ежу понятно, что уничтожение чреворота для меня не раз плюнуть. Может, школа и знала, что я с ним справлюсь, но я не должна была справиться. Я бросила журнал обратно в темноту, села на постель, обхватила колени и задумалась о прабабушкином пророчестве. Если я действительно стану малефицером, если начну вытягивать магию из людей и швырять убийственные заклинания направо и налево, я буду неодолима. В буквальном смысле. Как самый большой чреворот в мире буду нести смерть и разрушение анклавам, разрывая соперников на части.

И остальные, похоже, просто ждали, когда же это случится. Кроме мамы, которая даже Гитлера не назвала бы гадом. Нет, она не считает, что он продукт непреодолимых исторических сил или типа того. Она говорит, что очень легко осудить не поступок, а человека, и это как бы оправдывает совершение плохих поступков, поскольку люди убеждают себя, что все нормально, в глубине души они по-прежнему хорошие.

Ну, допустим. Но лично я думаю, что после определенного количества плохих поступков вполне логично счесть человека плохим и лишить его возможности выкинуть что-нибудь еще. И чем он сильнее, тем меньше должно быть поблажек. Сколько шансов у меня? И сколько я уже истратила? Получила ли я плюстик в карму за то, что сегодня убила чреворота, или просто ощутила вкус силы и покатила к ужасающему неизбежному финалу, который человек, хотевший меня полюбить, предвидел более десяти лет назад?

Я несу бремя этого пророчества всю жизнь – и прекрасно помню тот день. Было жарко. В Уэльсе стояла холодная и сырая зима, а в Индии светило солнце. Во внутреннем дворике журчал фонтан, выбрасывая вверх тонкую струю, в которой играли радуги; вокруг росли в горшках деревца, покрытые лилово-розовыми цветами. Все родственники собрались вокруг нас – люди с такими же, как у меня, лицами (ребята в школе уже начали говорить, что мое какое-то неправильное). А здесь все было правильно. Мать моего отца опустила на колени и обняла меня, а потом отстранила, чтобы лучше рассмотреть; слезы покатались по ее лицу, и она сказала:

– Вылитый Арджуна.

Моя прабабушка сидела в тени. Мне очень хотелось заглянуть в фонтан и поймать радугу, но меня подвели к старушке, и она, улыбнувшись, накрыла мои мокрые руки своими ладонями. Я тоже улыбнулась ей, и ее лицо изменилось и словно обмякло, а глаза затянула белая пелена, и она начала говорить что-то на маратхи, которого я почти совсем не знала, потому что только раз в неделю общалась на нем с учителем. Поэтому я ничего не поняла, но все вокруг начали ахать, спорить и плакать, и маме пришлось отвести меня в сторонку, подальше, и заслонить своим телом и голосом от общей паники, которой сменилось радушие.

Бабушка поспешно проводила нас в дом, в маленькую прохладную тихую комнату, попросила маму оставаться там, бросила на меня исполненный муки взгляд и вышла. Больше я ее не видела. Кто-то принес нам ужин, и я, забыв про свой смутный страх, захотела пойти к фонтану, но мама убаюкала меня колыбельной. Мой дедушка был в числе людей, которые явились за мной той ночью, в темноте. Я знаю, о чем гласит пророчество, поскольку он перевел его для мамы и повторил раз десять, надеясь ее убедить. Он не знал маму и не понимал, что она никогда не согласится выбрать из двух зол меньшее. Она отвезла свое большее зло домой, растила его, любила, защищала изо всех сил... и вот я здесь – и готова в любой момент ступить на предсказанный путь.

Я могла бы потратить на эти размышления не один час, но неотложные дела напомнили о себе. Я заставила себя встать и начала превращать новый кристалл в проводник – для этого было нужно собрать ману, спев ему множество длинных прочувствованных песен об открытых дверях, текущих реках и так далее. Приходилось постоянно сосредотачиваться на том, чтобы протолкнуть в него тоненькую ниточку маны и вытянуть ее с другой стороны. Когда горло у меня разболелось так, что продолжать стало невозможно, я отложила проводник, взяла один из опустевших кристаллов и принялась наполнять его заново. Ни приседать, ни прыгать я не могла, поскольку рана на животе еще болела, и вместо этого взялась за вязание.

Словами не передать, как я ненавижу вязать. Я бы охотно сделала тысячу отжиманий вместо одного ряда петель. Я заставила себя научиться, потому что это очень удобно: все, что нужно – взять с собой крошечный, почти невесомый крючок. Стандартные школьные одеяла сделаны из шерсти, которую можно распустить и связать обратно: больше никаких материалов не требуется. Но вяжу я ужасно. В процессе я забываю, где нахожусь, сколько петель уже набрала и что вообще пытаюсь сделать... Отличный способ дойти до состояния кипящей ярости, после того как в девятый раз распускаешь последнюю сотню петель. Но в результате я все-таки собрала приличное количество маны.

Почти час мана вытекала из кристалла, прежде чем наконец неохотно начала в нем собираться. К тому времени я от гнева уже скрипела зубами; к тому же меня не покидала тревога: я что, уже начала проникаться злом? Да, я испугалась, что перейду на темную сторону, если слишком увлекусь вязанием. Глупо, но вероятно. Но нужно было продолжать и хотя бы закрыть дно – иначе завтра кристалл почти наверняка пришлось бы разрабатывать заново. И каждое из опустевших хранилищ предстояло наполнить таким образом. Я должна была решить, стоит ли вкладывать усилия в их спасение или лучше махнуть рукой на убытки и просто наполнять те, что остались. Я не могла оставить опустевшие кристаллы напоследок; если так сделать – они умрут и их вообще будет невозможно наполнить вновь.

И я все время думала, что могу попросить Ориона о помощи. Правда, если он начнет регулярно делиться силой со мной, рано или поздно остальные ньюйоркцы возмутятся. Что логично. Ориону придется брать у них взаймы. Именно общий запас силы и позволяет ему (в отличие от меня и других неудачников) расхаживать по школе и спасать людей, вместо того чтобы волноваться, хватит ли маны на сегодня. И за это придется заплатить.

Конечно, я сама могла бы вписаться к ньюйоркцам. После того как Орион бегал по столовой, демонстративно геройствуя ради меня, после выходных, когда все уверились, что мы нежничаем в библиотеке, Магнус, Хлоя и остальные, возможно, обрадовались бы, наконец договорившись со мной. И сегодня это было еще логичнее, чем вчера.

И понятно, что я не собиралась этого делать. Я собиралась провести весь следующий месяц, покрывая одеяло очаровательным, выжигающим душу узором из листьев и цветочков. И если я не остерегусь и дам волю ярости, то уничтожу свою душу в буквальном смысле. Надеюсь, за это мне дадут хоть какие-то бонусы.

Позвонили к отбою, но я продолжала работать. Днем я выспалась и могла себе позволить засидеться допоздна. Еще через час я наконец прервалась и отложила крючок – вообще-то мне хотелось зашвырнуть его в темноту, но если бы я это сделала, он бы никогда не вернулся. Поэтому я просто скрипнула зубами и осторожно пристегнула крючок к крышке сундука изнутри. А потом вознаградила себя, сев на кровати со своим главным сокровищем – книгой, которую нашла в отделе санскрита.

Когда я ее схватила, то не сомневалась: это что-то необыкновенное, но, доставая книгу из рюкзака, мысленно укрепились духом. Вся моя жизнь складывается таким образом, что книга просто обязана была превратиться в обыкновенный сборник рецептов. А может быть, страницы у нее слиплись, или их поели черви. Но темно-зеленая обложка ручной работы оказалась в прекрасном состоянии. Ее украшали замысловатые золотые узоры – даже на ленте, которая загибалась, защищая внешние края страниц. Я положила книгу на колени и медленно открыла ее. Первую страницу – точнее, последнюю, поскольку книга была переплетена справа налево, – покрывало что-то похожее на арабские письмена, и сердце у меня забило чаще.

Много самых старых и могущественных заклинаний на санскрите, оригиналы которых давным-давно утрачены, берутся из списков, сделанных багдадским анклавом тысячу лет назад. Эта книга не казалась тысячелетней, но кто знает... Книги заклинаний исчезают с полок даже в анклавах – в отсутствие хорошего каталога и опытного библиотекаря. Не знаю, куда они деваются – в пустоту, царящую за пределами наших комнат, или в какое-то другое место, – но за время отсутствия они не старятся. Чем ценнее книга, тем вероятнее, что она улизнет: как будто ими движет инстинкт самосохранения. Эта книга выглядела совсем новенькой – похоже, она скрылась из багдадской библиотеки через пару лет после того, как была создана.

Затаив дыхание, я взглянула на первую страницу; текст был на санскрите, с обильными пометками на полях. Скорее всего, мне предстояло учить арабский, но оно того стоило, потому что титульная страница гласила: «Узри мастерство мудреца из Гандхары», и, увидев это, я издала жуткий пронзительный вскрик и прижала книгу к груди, словно она могла улететь.

Сутры Золотого камня знамениты, поскольку это первые известные заклинания создателя анклава. До этого анклавы возникали только случайно. Если группа волшебников живет и работает в одном и том же месте достаточно долго, примерно на протяжении десяти поколений, место начинает уходить из мира и странным образом расширяться. Если волшебники систематично входят и выходят лишь в нескольких определенных местах – эти точки превращаются

в ворота анклага, а остальная территория может вообще оторваться от реального мира и повиснуть в пустоте точно так же, как парит в ней школа. В таком случае злыдни перестают быть опасны волшебникам – разве что сумеют пройти в ворота. Жить в анклаве гораздо проще и приятнее и колдовать намного легче.

Впрочем, естественных анклавов не так много, учитывая требования. Десять поколений и максимум исторической стабильности. Если ты волшебник, это не мешает тебе умереть, если твой город сожгут до основания или в тебя воткнут меч. Строго говоря, магия не спасет даже анклав. Если ты прячешься внутри, а входы бомбят, он тоже страдает. И никто не знает, взрывается ли анклав или улетает в пустоту вместе с тобой, – это, так сказать, область чистой теории.

С другой стороны, лучше быть членом анклага, чем просто прятаться в подвале. Лондонский анклав пережил бомбардировки Второй мировой войны, потому что открыл множество входов по всему городу на смену уничтоженным. Тогда возникла другая проблема: в Лондоне есть некоторое количество нелегалов, которые выживают, находя старые заброшенные входы. Они приоткрывают их, пробираются в своего рода подкладку анклага – я не понимаю, как это работает технически, но тем не менее – и обитают там, пока совет анклага не обнаруживает их, не прогоняет и не замуровывает отверстие заново. Я знаю эту публику: они регулярно являются к маме, если что-нибудь случается, а это бывает нередко, поскольку они ютятся в полуреальных местах, выкачивают ману из анклага странными способами и в основном едят и пьют то, что сами себе наколдуют с ее помощью.

Мама им помогает и не берет платы – правда, им приходится медитировать и выслушивать наставления, в том смысле, что не следует околачиваться вокруг анклавов и лучше жить в лесу, в единении с природой, как она. Иногда они даже соглашаются.

Но лондонский анклав, конечно, создан искусственно – как и все большие анклавы. Насколько нам известно, самыми первыми, примерно пять тысяч лет назад, были построены анклавы Золотого камня. За сто лет в Пакистане и Северной Индии возникло десять штук; три остались до сих пор. Их все якобы выстроил автор сутр Золотого камня, человек по имени Пурохана, который, по мнению некоторых историков магии, также упоминается в «Махабхарате». Предположительно, он состоял на службе у правителя Гандхары: «мудрец из Гандхары» – так его часто называют средневековые источники. В «Махабхарате» он злодей, выстроивший дом из воска, чтобы заживо сжечь врагов своего принца, и я не знаю, как это связано с тем, что он героический строитель анклага. Но в обыкновенных человеческих источниках волшебники зачастую отрицательные персонажи. А может быть, Пурохана, пытаясь выстроить свой легковоспламеняющийся дом, случайно понял, как создать анклав.

В любом случае, почти наверняка эти десять анклавов не были созданы одним человеком. Если ты выстроил себе крошечный анклав, чтобы в нем жить, ты больше никуда не пойдешь, правда? Но существовал один конкретный набор заклинаний. И на много лет он был утрачен.

Анклавы, разумеется, не перестали строиться. Как только волшебники поняли, что анклав можно создать, то живо этим заинтересовались: мастера

предлагали методы, которые позволяли делать анклавов все лучше и больше, и со временем заклинания Золотого камня затерялись, поскольку ими не пользовались. Я плохо разбираюсь в современном анклавостроении, и эти заклинания – тщательно охраняемый секрет. Но я точно знаю, что процесс не опишешь в одной-единственной книжке меньше пальца толщиной, даже с учетом пометок на полях. Есть разница между строительством бревенчатой хижины и Бурж-Халифа.

Но, несмотря на пять тысяч лет эволюции, некоторые заклинания Золотого камня по-прежнему пользуются популярностью, потому что это просто очень хорошие строительные заклинания. Их используют для манипулирования стихиями, а главное – фазами материи, что гораздо важнее, чем может показаться. Если нужен пар, можно получить его, хорошенько нагрев кастрюлю с водой. Но в смысле маны это довольно затратно. К примеру, я в девять лет истощила целый кристалл, чтобы испарить цапуна. Но если человеку повезет и он раздобудет фазовое заклинание Пуроханы, ему даже не придется делать промежуточный шаг, призывать жар, нагревать воду, кастрюлю, окружающий воздух и так далее. Берешь кастрюлю воды – и превращаешь ровно то количество, которое тебе надо, в водяной пар, причем используешь лишь минимально необходимый объем маны. Такой способ контроля силы – это очень здорово: он делает возможным строительство анклавов.

И вот мне в руки попало фазовое заклинание. Оно находилось на странице шестнадцать. Когда я его нашла, у меня затряслись руки; пришлось прерваться и вновь прижать книгу к груди. Я отчаянно сдерживала слезы, потому что поняла, что, возможно, все-таки вырвусь отсюда живой – а я уже начала в этом сомневаться, когда обнаружила, что исчерпала почти весь запас маны. Заклинание Золотого камня я собиралась продать за дорого, не говоря уж о том, чтобы самой его использовать.

Чтобы купить фазовое заклинание Золотого камня, группе из двадцати волшебников нужно целеустремленно копить ману на протяжении пяти лет. И это еще сложнее, чем кажется. Нельзя просто складывать ману на протяжении пяти лет в банк, а потом пойти и купить заклинание в ближайшем магазине. Единственный способ получить ценное заклинание – обмен. Найди какой-нибудь анклав, который готов с тобой торговать, предложи ему то, что он хочет, но не может получить (обычно это что-нибудь неприятное, или болезненное, или опасное), и затем терпи пять лет. И надейся, что анклав не отменит сделку и не выдвинет еще несколько требований, что нередко случается.

Я не стала дочитывать страницу до конца. Вместо этого я осторожно увлажнила самую чистую тряпочку и аккуратно стерла все пылинки с узора, оттиснутого на обложке. В процессе я разговаривала с книгой, объясняя ей, что я необыкновенно рада, она замечательная, и мне не терпится показать ее остальным, и однажды я отвезу ее домой, к маме, и как следует отчистю, и обработаю специальным маслом ручного изготовления, которое производят в коммуне, и так далее. И я даже не чувствовала себя глупо. Мама балует так все семь своих книг с заклинаниями, и ни одной еще не потеряла, хотя она независимая волшебница, а ее книги очень мощны. Она держит их в сундуке, где есть еще немножко места; если ей попадается новая книга, что иногда случается само собой (маме везет), она понимает, что одна из старых хочет уйти. Тогда мама выкладывает книги в круг на одеяле, разостланном в юрте, под отверстием в крыше, и благословляет их, и благодарит за помощь, и

говорит, что та из них, которая хочет, может уйти, и когда она убирает их обратно, книг, конечно же, снова оказывается семь.

- Я сделаю специальную шкатулку для тебя одной, - обещаю я. - Я собиралась прогуливать занятия в мастерской - в этом семестре у меня не осталось долгов, - но теперь я начну работу над шкатулкой. Она должна быть идеальной. Наверное, на это понадобится время.

Я заснула, прижимая книгу к груди. Рисковать я не собиралась.

- Блин, Эль, - сказала Аадхья, когда я постучалась к ней утром перед первым звонком, чтобы похвастаться. - Что ты за это отдала?

Я изо всех сил старалась забыть об этом.

- Библиотека вчера всеми силами пыталась меня удержать. Она сунула книжку на верхнюю полку, когда я шла по проходу, и мне повезло - я ее заметила.

- Невероятно. - Аадхья с тоской взглянула на книгу. - Я не знаю санскрита. Но, если хочешь, я помогу тебе устроить аукцион.

- Аукцион? - переспросила я.

Я всего лишь хотела попросить, чтобы она помогла мне обменять заклинание.

- Ты его уже выучила? - спросила Аадхья, прищурившись. - Когда? Вчера ты была просто тряпочка.

- После ужина, - угрюмо ответила я; несомненно, нужно благодарить Ориона, который подкормил меня маной.

Помолчав, Аадхья сказала:

- Ладно. Можешь дать образец? Например, в среду в мастерской. Тогда у меня будет пара дней на рекламу. Аукцион можно устроить в выходные. Выпускники обязательно захотят поучаствовать, чтобы успеть разобраться с заклинанием. Послушай, если нам повезет, все пять покупателей окажутся выпускниками, и тогда мы проведем полноценный второй аукцион в следующем семестре, когда они уйдут!

- Отличная идея, - ответила я. - Спасибо, Аадхья. Что хочешь за помощь?

Она пожевала губу, глядя на меня, а потом сказала:

- Давай решим это после аукциона. Посмотрим, что выйдет. Пусть будет по-честному. Может, мы получим столько всего, что мне уже не понадобится ничего особенного.

Мне пришлось напрячь волю, чтобы не прижать книгу к себе слишком уж крепко.

- Я не возражаю, - сказала я небрежно, чувствуя ком в горле.

Глава 8

Ползун

Мы отправились в душевую и привели себя в порядок, а потом встретились с Нкойо и Орионом, чтобы вместе пойти в столовую.

– Ой-ой-ой, – сказала Нкойо, когда я показала ей свою находку (я решила держать ее при себе до конца жизни; поэтому смастерила слинг, чтобы носить книгу на груди). – Хочешь поменяться? Несколько девочек из Сомали учат санскрит.

Я была так счастлива, что когда Хлоя буквально вырвалась из женской душевой с растрепанными волосами, явно желая догнать нас, и крикнула «Подождите секундочку!», я сказала ей «Конечно» как нормальный цивилизованный человек. В порыве великодушия я по пути показала Хлое книгу. Она должным образом восхитилась ею, хотя не преминула бросить взгляд на Ориона (и мое великодушие продлилось не более пяти секунд). Этот взгляд не нуждался в истолковании: Хлоя полагала, что книгу добыл он. Я не могла прогнать ее из-за нашего стола – точно так же, как она не могла отпихнуть меня от Ориона, это просто не принято, – но мне страшно хотелось.

Я с предвкушением ждала завтрака. Как только мы с Аадхьей запустим в очереди слух, что у меня есть кое-что очень ценное, люди будут останавливаться у нашего стола, просто чтобы быстренько взглянуть. Это хороший способ завести знакомства: если я сойду с другими ребятами, изучающими санскрит, то в будущем, вероятно, смогу еще что-нибудь обменять. Правда, когда мы пришли в столовую, я сразу поняла, что моя книга не будет главной сенсацией: какой-то выпускник сидел в одиночестве за лучшим столом. Абсолютно один, согнувшись над своим подносом.

Выпускники не сидят одни, даже если не пользуются любовью одноклассников. Младшие и даже среднеклассники жмутся к ним в поисках защиты. У выпускников есть доступ к продвинутой магии, и к концу четвертого года они буквально наполнены энергией, особенно по сравнению с обычным четырнадцатилетним подростком. Злыдни, которые не прочь поохотиться на младшаков и среднеклассников, избегают их. Но этого человека так старательно игнорировали, что выпускников не было даже за соседними столами; там густо лепились неудачники из младшего класса.

Я не узнала его, но Орион и Хлоя буквально застыли на месте.

– Он же... из Нью-Йорка? – негромко спросила Аадхья, а Хлоя недоуменно ответила:

– Это Тод. Тод Квейл.

Я совсем запуталась. Сторониться парня из анклава? Тод явно не сделался настоящим, необратимым maleficerom: выглядел он абсолютно нормально.

Какой-то средлассник торопливо возвращался от конвейера – ему удалось без проблем поставить поднос на стойку. Орион протянул руку и остановил его.

– Что он натворил? – спросил он, кивком указав на Тода.

– Захватил чужую комнату, – ответил парень, глядя в пол; бросив из-под нестриженной челки подозрительный взгляд на Ориона и Хлою, он заспешил прочь.

Орион опустил руку и болезненно побледнел. Хлоя отрицательно качала головой.

– Не может быть, – сказала она. – Блин, не может быть.

Но другого объяснения не было.

Мы получаем свои комнаты в день поступления в школу, и поменяться нельзя, даже если кто-то умирает. Пустые комнаты очищаются в конце года, когда помещения спускаются вниз, но школа сама решает, как перетасовать стены, чтобы разделить освободившееся пространство. Единственный способ сменить комнату – это занять ее, причем без убийства. Нужно войти и столкнуть прежнего жильца в пустоту.

Никто не знает, что такое пустота. Это не вакуум, не мгновенная смерть, ничего такого. Время от времени кто-нибудь в школе сходит с ума и пытается сам выйти в пустоту – то есть буквально. И не важно, что с края можно бросать разные вещи. Пустота напоминает слайм, который можно расплющить или скатать в твердый шарик: все зависит от силы давления – только давить надо не руками, а волей.

Впрочем, никому не удастся зайти достаточно далеко. Люди паникуют и бегут обратно, и никто не в состоянии объяснить, каково там. Если набраться храбрости и хорошенько разбежаться, по инерции можно пролететь довольно далеко; но когда человек возвращается, то теряет дар речи, по крайней мере членораздельной. Он словно разговаривает на каком-то языке, которого никто не знает. В большинстве случаев такие люди погибают, но некоторым удается выбраться из школы живыми. Они занимаются магией, но никто не понимает их заклинаний, а если они мастера или алхимики, их артефакты и зелья не действуют в чужих руках. Пустота как-то на них повлияла.

Своими силами в пустоту далеко не заберешься. Но можно столкнуть человека с помощью магии, и тогда он оторвется и улетит, даже если не хочет. И если прийти в чью-то комнату после отбоя и выбросить человека в темноту, как книжку, которая больше тебе не нужна – пусть даже он вопит, и умоляет, и пытается вернуться, – то потом можно провести ночь в его комнате, и злыдни не навалятся на тебя толпой, потому что лимит не превышен.

Само собой, это не прибавит тебе популярности, особенно среди тех, у кого есть комната. И скрыть случившееся тоже нельзя. Когда человека застанут выходящим поутру из новой комнаты, все поймут, что он натворил.

Орион явственно хотел сразу же подойти к Тоду, и мне пришлось толкнуть его в сторону очереди.

- Мы и так вчера пропустили обед. Если хочешь узнать, в чем дело, давай сядем к нему, когда возьмем еду. Места хватит.

- Я не стану сидеть с грабителем, - заявил Орион.

- Тогда лопайся от любопытства и терпи, - сказала я. - Кто-нибудь, наверное, поделится с тобой кровавыми подробностями еще до обеда.

- Это ошибка, - произнесла Хлоя срывающимся голосом. - Тод не грабитель. Он в этом не нуждается! Он дружит с Анабелью, Ривером и Джессами, а они выпускаются с отличием! С какой стати ему грабить?

- У нас мало времени. Звонок для выпускников прозвенит через пять минут после того, как мы сядем, - благоразумно напомнила Аадхья.

Орион сжал кулаки и стремительно направился к очереди за едой.

Я недооценила силу сплетен: большую часть кровавых подробностей мы получили еще до того, как успели наполнить свои подносы. Тод выбросил парня по имени Мика, одного из последних выпускников-одиночек, отщепенцев, которые не сумели пристроиться ни в один из союзов. Если одиночки не малефицеры, они, скорее всего, не выберутся из школы живыми, а Мика не был малефицером - просто неуклюжим растрепой, которому недоставало общительности и талантов хотя бы для того, чтобы его сочли своим соратником другие отщепенцы. Если вы полагаете, что это преступление не заслуживает смертной казни, я с вами соглашусь, поскольку сама буду в таком же положении, если вовремя не поправлю дела. Но Мика был вот таким - и он стал идеальной мишенью.

Орион вышел из очереди первым, подошел к столу, за которым сидел Тод, поставил поднос напротив и, не садясь, спокойно спросил:

- Ну зачем? У тебя есть команда, щит, проводник маны, куча сил. В прошлой четверти ты смастерил энергетическое копье! И этого было недостаточно? Тебе понадобилась еще и комната получше?

Я поставила поднос рядом, села и принялась за еду, чтобы не тратить время зря. Аадхья тоже стала есть. Хлоя не пошла с нами. Услышав в очереди новости, она направилась к столу, занятому ньюйоркцами (те устроились как можно дальше от Тода, почти в коридоре). Она приняла правильное решение; я подозревала, что Ориону не понравится ответ - если он вообще его получит.

Тод даже не отреагировал на вопрос. Согнувшись над своим подносом, он глотал через силу, и руки у него дрожали. Он не был ни малефицером, ни даже психопатом, который не прочь кого-нибудь прикончить. Я не знала, зачем он погубил Мику, но точно не ради малии. Скорее всего, от отчаяния.

- В какой комнате он жил раньше? - спросила я.

- Рядом с лестницей, - сказал Орион, не сводя глаз с Тода, словно хотел пробуравить в его черепе дырку и вынуть оттуда ответ.

Это и правда поганая комната. Лестница служит для перемещения по школе, и злыдни пользуются ею так же, как и мы. Жить в комнате у лестницы на этаже выпускников - все равно что стоять первым в очереди за едой.

Но эту ситуацию нельзя назвать безвыходной! Никто из нас в столовой не станет хватать первое, что попадется на глаза, особенно если на соседнем подносе есть что-то проще и понятнее. И у Тода тоже были варианты. Он ведь член анклава, и ему хватило бы маны, чтобы каждую ночь ставить хороший щит, и другие ньюйоркцы в знак солидарности припрягли бы на помощь Тоду соседей. Чуть более удобная комната не стоила того, чтобы ставить крест на выпускном союзе, а может, и на будущей карьере... анклавы не привлекают убийц и малефицеров слишком уж явно, а поступок Тода стал известен всей школе.

- Ответь, - потребовал Орион и потянулся к подносу Тода - не знаю, хотел ли он отодвинуть его или, наоборот, пихнуть Тоду в лицо, но тот сам схватил свой поднос, поднял, высыпал все содержимое Ориону на голову и вдобавок крепко толкнул его в грудь. В школе редко бывают драки (мы не зауряды, в конце концов), но не нужно особой практики, если ты выпускник ростом почти под два метра, который последние четыре года, не стесняясь, принимал от окружающих угощение, а твой противник - мелковатый старшеклассник. Орион, весь в молоке и яичнице, пошатнулся и чуть не рухнул на соседний стол.

- Пошел в жопу, Орион! - прорычал Тод, и голос его оборвался пронзительной истеричной нотой, которая слегка подпортила эффект. - Не зли меня! Герой школы, который всех спасает от злыдней! А знаешь что? Их не стало меньше! Они все там, внизу, - и из-за тебя они голодны! Нет больше мелочи, которой можно закусить! Поэтому они уже не ждут, когда им доставят ужин! Я каждую ночь слышу, как они пытаются подняться по лестнице! Спать невозможно! И кое-кто уже прорвался... - Тод прижал стиснутые кулаки к вискам, лицо у него сморщилось, как у ребенка, который собирается зареветь, и по щекам потекли слезы. - Вчера мимо моей комнаты прошел гребаный чреворот. Он направлялся наверх. Ты его, случайно, не видел, герой?

Вокруг послышалось бормотание и испуганное аханье; по мере того как слова Тода доносились до соседних столов, паника разрасталась. Вся столовая в напряженном внимании наблюдала за происходящим, некоторые даже встали на скамьи, чтобы было лучше видно. Тод истерически рассмеялся.

- Интересно, чем все это закончится? Ну, теперь берегитесь! - крикнул он, повернувшись и широко раскинув руки - этакая пародия на дружеское предупреждение. - Но с тобой, Орион, нам, конечно, так повезло! Что бы мы без тебя делали!

Он почти буквально повторил мои собственные мысли о подвигах Ориона, особенно в свете событий минувшей недели: пожиратель душ в коридоре у

старшекласников, мимики и сиренопауки в мастерской, материализация и чреворот в библиотеке. Тод прав: где-то была дыра, через которую лезли злыдни; дыра, которую они пробили в голодном отчаянии.

Орион не ответил. Он стоял столбом, измазанный яичницей, с овсянкой в волосах, бледный и потрясенный. Все вокруг смущенно поглядывали на него. Я поднялась и сказала Тоду:

- Лично ты бы сбежал, парень. И позволил бы злыдням сожрать соседа. Вот как бы ты поступил. Но давай, срывайся на Ориона. Прости, я что-то упустила - почему у тебя больше прав на жизнь, чем у тех, кого он спас? Больше, чем у Мики? Скажи, он долго кричал, когда ты столкнул его в темноту? Или ты заткнул уши и стоял отвернувшись, пока все не закончилось?

В столовой наступила мертвая тишина. Тод судорожно сглатывал, глядя на меня налитыми кровью глазами. Остальные затаили дыхание, чтобы не упустить ни мельчайшей подробности. Какой шикарный повод для сплетен!

Я забрала свой поднос, повернулась к Ориону, который по-прежнему ошалело хлопал глазами, и сказала:

- Пошли. Сядем за другой стол.

Я кивнула Аадхье, которая тоже глазела на меня с раскрытым ртом, и она, поспешно встав, взяла поднос и пошла со мной. Орион медленно двинулся следом.

Оставшиеся свободными столы были скверными: прямо у двери или под вентиляционными отверстиями - конечно же никто не ушел из столовой, пока продолжалось веселье. Но когда мы проходили мимо, Ибрагим выпалил в полной тишине:

- Эль, тут есть место.

Он жестом велел соседям подвинуться и дать нам место. Тут зазвенел звонок для выпускников, и вокруг закипела бурная деятельность: все выпускники сразу зашевелились и, запихивая в рот остатки, похватали вещи и устремились к дверям. Тод вышел вместе с ними, окруженный зловещим кольцом пустоты.

Орион сидел на краю скамейки, с пустыми руками. Якуб, сидящий напротив, взял салфетку и смутился; тогда я сама сунула ее Ориону:

- Ну и вид у тебя, Лейк.

Орион взял салфетку и стал вытираться.

- Кто-нибудь может со мной поделиться?

Я положила перед ним булочку, а потом и остальные, один за другим, начали передавать еду - даже если это была всего лишь половинка кекса или долька апельсина. Парень за соседним столом похлопал меня по плечу и передал для Ориона пакетик молока.

Разговор за нашим столом поначалу никак не клеился: в присутствии Ориона никто не хотел обсуждать то, что всех интересовало в первую очередь. Аадхья разбила лед: допив молоко из миски с хлопьями (в школе это принятый обычай, а не дурные манеры), она вытерла рот и спросила:

– Кто-нибудь здесь учит санскрит? Вы не поверите, что раздобыла Эль. Эль, покажи.

И я как никогда обрадовалась, что позаботилась о своей книге и убрала ее в специальный слинг. На несколько секунд я совершенно о ней забыла, и она непременно бы исчезла, если бы лежала в рюкзаке.

– Багдадский анклав! – хором воскликнули Ибрагим и еще двое, как только я достала книгу, – каждый, кто знает арабский, способен с первого взгляда распознать книгу из багдадского анклава.

Поскольку о главной новости говорить было нельзя, моя находка сошла за сенсацию номер два.

После завтрака у меня был урок иностранных языков, а у Ориона алхимия. Он сложил остатки своего сборного завтрака на мой поднос и отнес его на стойку, а потом, по пути к двери, шепнул мне:

– Спасибо. Но ты сказала это просто со зла.

– Нет, абсолютно искренне, – с раздражением ответила я, потому что теперь предстояло разбираться, почему я это сделала. – Всем приходится платить по счетам – и почему у Тода должно быть преимущество? Ты дурак, что подвел своих, но ты ведь хочешь, чтобы все было по-честному. Иди к себе на урок и перестань смотреть на меня щенячьими глазами.

От его благодарного взгляда, брошенного напоследок, мне стало еще более тошно. Что неудивительно: как только я села, на столе передо мной появился лист с заданиями на арабском языке. По-английски не было ни единого слова; школа мне даже словарь не выдала. И, судя по бодрым мультяшным иллюстрациям – особенно изображению человека на машине, который собирался задавить двух злополучных пешеходов, – это, с большой вероятностью, был современный арабский. Зря я не взяла в библиотеке учебник древнеарабского, прежде чем идти на урок.

Когда сталкиваешься с языком, которого практически не знаешь, лучше подчинись. Главное – установить некоторые границы. К сожалению, накануне мне было не до того. Но теперь я уже покорилась своей судьбе, и к тому же в соседней кабинке оказалась девочка из Саудовской Аравии, которая утром сидела за столом Ибрагима. Она одолжила мне словарь, попросив взамен проверить ее контрольную работу по английскому. Я переписала алфавит в тетрадку и медленно поползла по листу с заданиями, выписывая все незнакомые слова. Были и плюсы: я не понимала ни слова из ядовитой тирады, которая лилась в мои уши в промежутках между сварливыми пояснениями, как правильно произносить Ю КБ и ХСОЗК. Наверняка она была полна особенно смачных ужасов.

До конца дня вокруг клубились и другие шепоты, абсолютно не волшебные. До меня дошло – с сильным запозданием, – что я из патологически грубой стервы превратилась в ненавистницу анклавов. Все, конечно, знают, что это несправедливо, но молчат, потому что, если высказаться вслух, члены анклавов объявят тебе бойкот. У несправедливости есть свои плюсы. А если анклав решат, что Тод прав, сияние Ориона, возможно, тоже померкнет. Не исключено, что мы с ним в конце концов останемся в одиночестве. Моего невезения хватило, чтобы утянуть на дно великого Ориона Лейка.

Когда я пришла в столовую обедать, все выглядело очень скверно. Никто из тех, кто примазывался ко мне в последнее время, не сказал ни слова; Сара не пригласила меня в библиотеку. Но когда я вышла из очереди с подносом, из мастерской вернулась Аадхья с тремя приятелями и помахала мне.

– Займешь нам места, Эль? – крикнула она через всю столовую.

Нкойо, стоящая позади меня, услышала ее; уж не знаю, подействовал ли на нее пример Аадхьи, но она сказала:

– Я схожу за водой, а ты очисти периметр.

Джовани и Кора обменялись беспокойными взглядами, но все-таки последовали за ней.

Когда мы сели, Аадхья и ее приятели подошли к нам и даже поделились со мной куском пирога в знак благодарности – это норма, если просишь кого-нибудь занять тебе место. У меня, впрочем, мало опыта по этой части: раньше, если я кого-нибудь просила, люди обычно изобретали предлог, чтобы отказать. Подошла и Лю – и тихонько села рядом со мной. Вид у нее по-прежнему был слегка ошарашенный, зато лицо из мертвенного стало просто бледным; даже волосы у Лю будто сделались ярче.

– Ты составила заклинание загара? – спросила одна из подруг Аадхьи. – Отлично выглядишь.

– Спасибо, – негромко ответила Лю и склонилась над едой.

За столом почти не было места, когда из лаборатории пришли Орион и Ибрагим. Несколько человек молча подвинулись, чтобы он мог сесть рядом со мной. Я смирилась. После моего утреннего выступления никто бы не поверил, что мы не пара, даже если бы я вылила Ориону на голову суп. А если он действительно начнет с кем-нибудь встречаться, все будут целый год считать, что у нас любовный треугольник.

Тод тоже был в столовой – и не в полной изоляции: несколько неудачливых младшекласников уселись за его стол с краю. Возможно, к моменту выпуска он сформирует новый союз, если прежний не наступит на горло собственной гордости и не предоставит старшим разбираться с Тодом после выхода из школы. Вполне вероятно, он не пострадает. Раз уж союз с ним дает гарантированный доступ в анклав – значит, у него высокопоставленные и влиятельные родители. Тод расскажет взрослым волшебникам про чреворота, который прошел мимо его комнаты, и они согласятся: ну разумеется, он имел право защитить себя, и это было даже не настоящее убийство, Мика все равно бы погиб. Что такое его жизнь по сравнению с жизнью члена анклава –

человека, у которого есть Шанс? У которого есть Будущее? От этой мысли я так разозлилась, что была готова сама спихнуть Тода в темноту.

На вечер я не намечала никаких конкретных дел, хотя и предполагала, что мы с Орионом снова вместе отправимся в библиотеку. Но когда мы относили подносы на конвейер, он коротко произнес:

- Иди, я тебя найду.

- Как хочешь, - пожала плечами я.

Даже дурак догадался бы, какие у него намерения. Однако я не стала говорить Ориону, что он не найдет в школе чреворота - и что это в целом идиотский план. Я просто пошла в библиотеку одна.

Я хотела отправиться за свой стол, но, войдя в читальный зал, обнаружила, что он наполовину пуст. Большинство столов и мягких кресел обгорели, в воздухе витал запах дыма пополам с чем-то вроде запаха брюссельской капусты - единственного блюда в столовой, которое никогда не бывает отравлено. Новички в читальне, вместо того чтобы расположиться на полу, устроились в креслах. До меня быстро дошло: ребята, вероятно, решили - и не без причины, - что злыдни сочли библиотеку новым охотничьим угодьем. Скорее всего, те, кто не вконец отчаялся, впредь намеревались избегать и склада.

Такую отличную возможность упускать не стоило.

- Подвинься, - велела я одному из самых честолюбивых младшекласников, который посмел занять удобное кресло со столом в углу, где обычно сидели ребята из дубайского анклава - правда, сейчас никого из них не было видно.

Парень уступил без спора: он знал, что влез не на свою территорию.

- Можно мне сесть с тобой? - спросил он.

Это уже что-то новенькое. Он с кем-то поспорил, придет ли Орион?

- Валяй, - сказала я, и он устроился на полу рядом с креслом.

На спинке кресла зияла здоровенная дыра, но именно поэтому я на него и претендовала. Я вытащила из-под дивана остатки полусторевшего покрывала и принялась возиться с крючком. На это понадобился почти весь вечер - и несколько слоев зубной эмали, - но я привела покрывало в порядок, а потом, скатав его валиком, привязала поверх дыры за свободные концы нитей и произнесла заклинание ремонта. И не забыла написать «Эль» на спинке кресла. Неписаное правило гласит, что тот, кто чинит сломанный предмет школьной мебели, становится его обладателем до конца семестра. На это правило частенько забывают, особенно если на упомянутый предмет претендует кто-нибудь более могущественный, но я подозревала, что даже члены анклавов не станут ссориться с девушкой Ориона Лейка, хотя она стремная особа, ненавидящая авторитеты, а он за их счет спасает слабаков.

Потом я достала сутры Золотого камня, любовно погладила книжку, отыскала словарь классического арабского языка и приступила к переводу первых страниц. Оказалось, это самое обычное предисловие – благодарности всяким важным покровителям, в данном случае старшим волшебникам анклава, и рассуждения о том, как трудно сделать точную копию. Я провела время не самым продуктивным образом, зато попрактиковалась, что уже неплохо, поскольку я не сомневалась, что четверть заданий на экзамене по иностранным языкам у меня окажется на арабском.

Орион так и не пришел. Он даже пропустил занятия в лаборатории. Я увидела его, только когда отправилась ужинать: он сидел за столом в одиночестве и жадно, как волк, глотал еду. Очевидно, он встал в очередь первым – отличный способ взять много еды и самому быть съеденным.

Для большинства.

Можно даже не спрашивать, куда он пропал. Ибрагим тоже не явился в лабораторию – и все равно знал, что Орион прогулял урок; еще не успев сесть, он пристал с расспросами.

– Я его не нашел, – негромко сказал Орион, после того как признал, что ходил охотиться на чреворота, и окружающие перестали ахать.

Это было крайне глупо, даже для героя. Но он лишь пожал плечами:

– Я заглянул на склад, в мастерскую, осмотрел библиотеку...

Я решительно его игнорировала, но Лю, которая сидела рядом и все так же механически ела, медленно начала поднимать голову. Когда раздосадованный Орион закончил, она произнесла – почти прежним тоном:

– Ты его не найдешь.

Орион посмотрел на нее.

– Чреворот не станет прятаться. Если он проберется в школу, то будет жрать. Мы бы уже знали, где он. Значит, никакого чреворота нет. Или Тод наврал, или ему померещилось.

Ясное дело, эта мысль всем понравилась.

– Он ведь сказал, что давно не спал, – напомнила одна из подруг Нкойо, и к концу ужина вся столовая с облегчением решила, что никакого чреворота нет, а Тод временно лишился рассудка.

Даже мне стало легче: дискуссия закончилась, и моя находка могла привлечь заслуженное внимание. К концу ужина четырнадцать человек – из них восемь выпускников, изучающих санскрит, – подошли взглянуть на сутры и так обрадовались, что заинтересовались и выпускники, не занимающиеся санскритом. В основном это были ребята из магических кланов вроде семьи Лю, только побольше, которые начинали разживаться ресурсами для строительства анклава. Получить относительно задешево фазовое заклинание – очень неслабая экономия.

После ужина я вернулась в библиотеку довольная, несмотря на кучу предстоящей возни с арабским. Ибрагим даже вызвался помочь мне с переводом в обмен на помощь с английским, в которой он особо не нуждался, – наверное, он извинялся за то, что раньше вел себя как придурок. Я согласилась, хоть и неохотно: в конце концов, я сидела за его столом.

Ибрагим и его приятельница Надия, девочка, которая одолжила мне арабский словарь, после ужина отправились со мной в библиотеку. Читальный зал понемногу наполнялся, и ребята из Дубая совсем не обрадовались, когда я подошла и заявила: «Это мое кресло». Во всяком случае, прежний ореол начала утрачивать я. Но все-таки они не стали спорить – и не возразили, когда Ибрагим и Надия устроились на полу рядом. Они лишь потеснились, чтобы дать место парню, лишившемуся кресла, и далее подчеркнуто нас игнорировали. Я не возражала – они разговаривали друг с другом в основном по-арабски. Слов я пока не различала, но поймать ритм языка было полезно. К тому же гораздо приятнее слушать, как разговаривает большая компания, чем внимать тому, что нашептывает мне школа.

Я кое-как продралась сквозь задания по арабскому и сделала несколько пометок касательно грамматики, а затем начала переводить примечания к фазовому заклинанию. Я надеялась найти что-нибудь полезное, в идеале – объяснения, как его накладывать. Чем древнее заклинание, тем больше шансов ошибиться в жестах и интонации; и чем оно могущественней, тем вероятнее, что в результате путаницы произойдет какая-нибудь жуть. Но в примечаниях я не нашла ничего, кроме пустого многословия – мол, фазовое заклинание включили в этот сборник только для полноты картины, поскольку на практике его сменило новое, написанное на современном арабском языке. Ну, допустим. Насколько мне известно, никому не удавалось составить фазовое заклинание, которое работало хотя бы вполовину так же эффективно, как заклинание Пуроханы. Вот почему оно до сих пор не вышло из обихода, хотя и написано на дремучем санскрите. У меня возникло сильное подозрение, что новую версию написал какой-нибудь багдадский волшебник, которому переводчик пытался польстить.

Я перевела всю эту лесть дословно, надеясь найти там хоть что-нибудь полезное, – но нет.

В процессе работы книга явно успокоилась: я поглаживала обложку и бормотала себе под нос все, что переводила, и в конце концов от книги стало исходить приятное тепло, как будто она принадлежала мне, а не просто попала случайно.

Потом явился Орион. Дубайцы взглянули на него с сомнением и обменялись взглядами, значение которых я истолковала с легкостью. Даже если Орион лишает тебя какого-то преимущества в широком смысле, то в узком ты все-таки предпочтешь, чтобы он сидел рядом – на тот случай, например, если в библиотеку снова ворвется стадо злыдней.

Один из выпускников коротко кивнул среднекласснику. Тот встал и небрежно произнес:

– Я пошел спать. Орион, садись на мое место. Всем спокойной ночи.

Остальные тотчас переключились на английский и принялись благодарить Ориона за то, что он накануне их спас. Я вмешалась:

– Перестаньте, хватит его гладить. Ты сегодня сделал что-нибудь серьезное, Лейк, или хочешь провалить экзамен?

Орион даже не особенно удивился – видимо, такое случалось с ним регулярно – и ответил:

– Спасибо за заботу, у меня все в порядке. На сей раз никто не попытался сжечь мне лицо.

Все, включая Ибрагима и Надию, поглядели на меня одновременно с досадой и недоумением. Две девушки сказали друг другу по-арабски что-то, почти не нуждающееся в переводе. Да, похоже, Орион чокнутый мазохист, раз он встречается со мной. Мне очень захотелось крикнуть, что мы не встречаемся, большое спасибо, ему очень повезло.

Я просидела в библиотеке еще час, в основном назло. Арабский у меня уже из ушей лез, а для большинства других дел требовались вещи, которые остались в комнате. Не говоря уж о том, что нужно заняться сбором маны. Но я торчала в читальном зале, наслаждаясь своей прекрасной книгой и перебрасываясь шпильками с Орионом. Хотелось бы мне сказать, что я просто не могла встать и уйти, но в том, что касается необходимых дел, воля у меня хорошо развита. Она отказывает, если речь идет о мелких пакостях: я надеялась дожидаться, когда кто-нибудь из дубайцев пойдет спать и освободит еще одно кресло. Никому из них я ни в чем не собиралась уступать.

Тем не менее признаю – мне не пришло в голову задуматься, как это милая ситуация выглядит со стороны, например глазами ньюйоркцев, сидящих в противоположном углу читальни. Наверняка они решили, что я наконец приняла одно из многочисленных приглашений в анклав, Орион побежал за мной и мы уютно устроились в дубайском уголке вместе с кучкой неудачников, которых я наwerbовала.

Дубай, в общем, был бы неплохим вариантом. Это относительно новый и очень пестрый анклав. Он имеет блестящую репутацию благодаря своему собранию заклинаний и вдобавок вербует множество мастеров и алхимиков. Заводить знакомства через Ибрагима было вполне разумно: его старший сводный брат жил в ОАЭ и работал на анклав; скорее всего, Ибрагима тоже пригласили бы туда, если бы он помог дубайцам втянуть Ориона. То есть ньюйоркцы сделали абсолютно логичный вывод, и если бы я об этом задумалась, то поняла бы, что их реакция будет столь же логичной. Но я ни о чем не думала – я просто сидела там как дура со своими приятелями и не обратила ни малейшего внимания на Магнуса, который прошел мимо, направляясь в раздел алхимии, хотя ему не было никакой нужды самому идти за книгами. Он мог послать любого из шести своих прихвостней.

Сомневаюсь, что он сделал это по личной инициативе. Наверняка они обсудили между собой варианты, «как решить проблему по имени Галадриэль». Держу пари, Тода тоже упомянули. Одно дело, если его покинули ньюйоркцы, и совсем другое – если отщепенка вроде меня наехала на беднягу в столовой, при всех. И в тот же день перетащила Ориона в дубайский анклав,

после того как он поделился со мной силой и – по мнению Хлои – раздобыл мне необыкновенно ценный сборник заклинаний.

Надо отдать Магнусу должное – ползун вышел отличный. Не стану притворяться: он бы дал мне жару. Он был сделан из бумаги – маленький смятый клочок, покрытый на первый взгляд чем-то вроде математических уравнений вместо оживляющих заклинаний. В библиотеке даже в хороший день валялось множество обрывков, а уж тем более после серьезной атаки, которая уничтожила десятки книг и заставила учеников в панике побросать тетради; бумажки носило сквозняком по полу, и никто не обращал на них внимания. Я рассеянно отметила, что клочок движется в мою сторону, и больше не стала о нем думать. Я даже не установила свой обычный щит, потому что сидела в читальном зале, с хорошим обзором, в присутствии множества людей. Кроме того, мне нужно было экономить ману. Если бы я сидела на обычном стуле или хотя бы спустила ноги с кресла на пол, ползун уцепился бы за мою голую лодыжку и тут же впустил бы в мою плоть множество магических волокон. И я уже никоим образом не помешала бы им высосать из меня жизнь.

Но поскольку я демонстративно свернулась в удобном мягком кресле, ползуну пришлось карабкаться по ножке кресла, чтобы добраться до моей руки. Орион взглянул на меня – и тут же стрелой в охапку и отбросил в сторону, и я в присутствии целой толпы учеников растянулась на полу, а он уничтожил ползуна вместе с тремя четвертями моего любовно отремонтированного кресла.

Я почти сразу поняла, в чем дело, тем более что Магнус как раз усаживался на место в нью-йоркском уголке. Все смотрели на нас с Орионом – так, как смотрят, когда что-то неожиданно взрывается, – но Магнус и еще несколько ньюйоркцев подняли головы с секундным запозданием. И, похоже, им не понравилось, что я выжила. Конечно, доказательств у меня не было, и к тому же на лице Ориона сияла оскорбительная самодовольная улыбка:

– Уже восемь, кажется?

Мне страшно хотелось сообщить ему, что это не считается, поскольку меня пытались убить его собственные поганые дружки.

– Большое спасибо, – сказала я сквозь зубы. – На этой ноте я пойду спать.

Я прижала сутры к груди – к счастью, я все время держала их на коленях, – подхватила рюкзак за уцелевшую лямку и вышла из читальни.

С моей стороны это не было особой грубостью – просто я хотела убраться из библиотеки. Я злилась на себя за глупость и за то, что мне потребовалась помощь, и на дубайцев, и на всех остальных, которые считали, что Орион псих-извращенец, раз ему нравится меня провоцировать. Но главное – я злилась на Магнуса, Тода и прочих ньюйоркцев, потому что они дали мне железобетонный повод для мести. Они пытались меня убить – и по неписанным школьным законам я имела право что-нибудь с ними сделать. Если я прошу им ползуна, они решают, что я испугалась. Они получают подтверждение, что я просто кусок дерьма, который можно отбросить с дороги. Что я человек, чья жизнь стоит очень дешево.

Добравшись до лестницы, я заплакала от ярости. Хорошо, что там были и другие ребята, которые возвращались в дортуары, и я – хоть перед глазами у меня и плыло – постоянно держала в поле зрения минимум одного человека, пока не добралась наконец до своей комнаты и не захлопнула за собой дверь. Я принялась расхаживать из угла в угол, прижимая к груди книгу. Пять шагов туда, поворот, пять шагов обратно, снова и снова. Я не могла медитировать и даже не пыталась заниматься. Я знала, что будет, если я возьму ручку и бумагу прямо сейчас, – получится заклинание, мощное, как супервулкан.

Поскольку я дочь Гвен Хиггинс, я умею владеть собой. Меня научили куче способов самоконтроля, и все они работают. Но вот внушить мне желание управлять своим гневом мама не сумела. Поэтому я продолжаю кипеть и бурлить, одновременно мучаясь совестью: я ведь знаю, как остановиться.

На сей раз я еще и не могла оправдать ньюйоркцев. Все эти годы каждый раз, когда кто-то меня обманывал, отпихивал с дороги, подставлял под удар ради собственного блага, мне как-то удавалось подыскать ему оправдание. Внушить себе, что любой человек поступил бы именно так. Мы все хотели жить и лезли из кожи вон, чтобы уцелеть и выбраться отсюда. Не важно, какие подлости нам приходилось совершать по пути. Я сама вела себя точно так же. Я выгнала младшеклассника из кресла и потратила ману на починку, чтобы вписаться в компанию ребят, которые не желали меня видеть; и сидя с ними, я напугала ньюйоркцев. Им был нужен Орион – эта маленькая гуделка у него на запястье, которая заставляла его спешить на помощь, если они попадали в беду; сила, которую он вливал в общее хранилище. Какое право я имела забирать Ориона себе – вот уже восемь раз подряд? Разве я больше, чем они, заслуживала права жить?

Но теперь у меня был ответ: я не прибегла к малии, даже получив ножом в живот, и я погналась за чреворотом, чтобы спасти младшеклассников, вместо того чтобы удрать; а Магнус попытался меня убить, потому что я нравилась Ориону, а Тод прикончил Мику, потому что перетрусил. И зная все это, я невольно задумалась: действительно ли, в отличие от них, я не заслуживаю права жить. Конечно, люди живут и умирают не потому, что заслуживают этого – заслуги тут вообще ни при чем. Но в глубине души я теперь понимала, что я лучше Магнуса и Тода. Ура, первый приз, но что толку – ведь на самом деле мне нужна была веская причина не стереть их с лица земли.

Я продолжала мерить комнату шагами почти час. Рана на животе болела, и я зря тратила время и силы – они могли пойти на что-нибудь полезное, например на домашнее задание, которое нужно было выполнять, или на сбор маны. Вместо этого я в подробностях представляла, как Магнус будет молить меня о пощаде в присутствии всей школы, и рыдать, и просить не сдирать с него кожу заживо (особенно после того, как я сниму несколько полосок). А Орион будет стоять, гневный и разочарованный, скрестив руки на груди, и не придет к нему на помощь – ради меня он отвергнет друзей и родину. Каждые несколько минут мне становилось тошно от самой себя, я говорила: ладно, пройду туда-сюда еще три раза, а потом помедитирую – и пыталась сосредоточиться, но проходила туда-сюда два раза и опять начинала прокручивать в голове те же картинки. Я даже вполголоса подавала реплики.

Я не сумасшедшая; я понимала, что это опасно – отсюда рукой подать до заклинаний. В конце концов, магия именно так и работает. Начинаешь с отчетливого намерения, собираешь силу и посылаешь ее определенным путем, давая внятные инструкции с помощью слов, или эликсира, или артефакта. Чем лучше инструкции, чем накатанней дорога – тем проще силе добраться до цели; вот почему большинство волшебников не могут просто взять и придумать собственные заклинания и рецепты. Но я-то, если захочу, могу выжечь путь отсюда и до Мордораи, у меня в шкатулке еще девять полных кристаллов – ну и что, если они закончатся? Вокруг полно силы. В конце концов, если Магнус заслуживает смерти, почему бы не извлечь из его жизни хоть какую-то выгоду?

И тут я поняла, что должна остановиться – и забыть об этом, иначе стану гораздо хуже Магнуса, Тода и Джека, вместе взятых, и никаких наград мне больше не будет. Но точно так же понимаешь, что не стоит есть шестую булочку подряд – и на фигуре скажется, и они даже не очень вкусные, но ты все равно их ешь.

Поэтому, когда Аадхья постучала, я открыла дверь. Я, конечно, убедилась, что это она и мне повезло: второй раз я на ту же удочку не попала; короче говоря, я ее впустила, хотя и не хотела ни с кем общаться. Но в присутствии Аадхьи я перестала бы упорно жрать булочки. Образно выражаясь.

– Ну? – спросила я коротко, хотя и не слишком грубо – текущий уровень самоконтроля не позволил большего.

Аадхья вошла и дала мне закрыть дверь, но ответила не сразу. Это было странно – она не из робких. Она обвела взглядом комнату: Аадхья впервые оказалась у меня в гостях. Точнее, я впервые кого-то впустила, не считая Джека и Ориона. В лучшем случае, кто-нибудь заглядывал по делу и не заходил дальше порога. Спальня у меня довольно спартанская. В младшем классе я превратила комод в настенный шкаф, что гораздо безопаснее, чем любой предмет мебели с темной щелью внизу; за это я получила плюстик в мастерской. По той же причине я вынула ящики стола, обменяла их на металл и укрепила ножки и столешницу, поэтому мой стол и пережил визит воплощенного пламени. Сверху стоит шаткая и ржавая металлическая стойка для бумаг – ее я тоже смастерила сама, из самого простого материала. Больше ничего нет, кроме кровати и ящика с инструментами, в котором я храню все самое важное – то, что наверняка исчезнет, если будет валяться где попало. У большинства ребят в комнатах есть даже какие-то украшения – фотографии или открытки; на Новый год ученики дарят друг другу глиняные изделия и рисунки. Мне никогда ничего не дарили, и сама я время на это не трачу.

Моя комната не кажется мне бедной, но я выросла в юрте, с матрасом, положенным на два ящика, и маминым рабочим столиком у единственного окошка. Правда, там к моим услугам был весь мир, а мое здешнее жилище гласило, что его обитатель – унылый одиночка вроде Мики, который даже шкаф не может себе позволить. И, глядя на свою комнату чужими глазами, я разозлилась еще сильнее. У Магнуса, возможно, были теплое одеяло и запасная подушка, сшитые каким-нибудь ньюйоркцем, который передал их по наследству в день выпуска. На стенах, скорее всего, висели бодрые открытки и фотографии, которые кто-то ему подарил, или даже обои, если

Магнусу сильно того хотелось. Мебель, вероятно, была из полированного теплого дерева, с магическими замками на ящиках. Не удивлюсь, если Магнус сумел обзавестись продуктовым шкафом; и уж точно на столе у него стояла нормальная лампа. И ручки никогда не пропадали.

Я могла пойти и выяснить. Магнус точно сидел у себя: оставалось совсем немного времени до отбоя. Я могла вломиться к нему, сказать, что мне все известно, и спихнуть его в темноту – не так, как Тод спихнул Мику, не насовсем, а просто чтобы стало ясно, что я на это способна; что в любой момент я могу сбросить его за край и забрать эту роскошную, уютную комнату себе, раз уж он и прочие ньюйоркцы считают, что вправе плевать на людей.

Я снова стиснула кулаки и чуть не забыла о присутствии Аадхьи, и тут она внезапно спросила:

– Эль, это ты убила чреворота?

Меня словно окатили ведром ледяной воды. Перед глазами поплыло и потемнело; на мгновение я словно вновь вернулась в недра чреворота, ощутила его жуткий пульсирующий мокрый голод... а потом бросилась на середину комнаты и извергла в сточное отверстие в полу куски полупереваренного ужина, едкие от желудочного сока. От этого ощущения рвота усилилась, а в промежутках я рыдала. Меня выворачивало, пока желудок не опустел, и еще немножко после. Я смутно сознавала, что Аадхья отводит мне с лица растрепавшиеся волосы. Когда тошнить перестало, она принесла воды, и я, прополоскав рот, сплюнула, и еще раз, и она сказала: «В кувшине больше нет», и тогда я заставила себя сделать маленький глоток, чтобы смыть жгучую желчь.

Потом я отползла от отверстия и прислонилась к стене, широко раскрыв рот и стараясь не нюхать собственное дыхание.

– Прости, – сказала Аадхья, и я подняла голову и посмотрела на нее.

Она сидела на полу неподалеку, скрестив ноги, с графином в руках. Она уже была в пижаме, ну или в том, что сходило здесь за пижаму – в дешевых шортиках, из которых давно выросла, и футболке с длинными рукавами, сплошь в латках. Как будто Аадхья собралась спать, почти залезла в постель, но вместо этого пошла спросить меня... спросить...

– Это ты, – сказала Аадхья.

Я была не в том состоянии, чтобы подобрать правильный ответ – или сообразить, что случится, если сказать ей правду.

Я просто кивнула. Мы так и сидели на полу, и я молчала. Казалось, прошло очень много времени, но звонка к отбою еще не было – значит, ощущение меня подвело. Я по-прежнему ни о чем не могла думать.

Наконец Аадхья сказала:

– Вчера я начала делать зеркало для следующей четверти. Я спросила Ориона, как это у него так здорово получилось с заливкой, и он сказал,

что он тут ни при чем. Он вообще не очень хороший алхимик. Не выходит за рамки того, что умеет. Тогда я вспомнила, что ты произнесла какое-то заклинание. Я попыталась его найти – но нашла только раздел в справочнике по металлам, где говорится, что для разглаживания заливки использовать заклинания нельзя, это попытка навязать свою волю материалам вопреки их природе и почти никто на это не способен, кроме очень могучих магов, так что не стоит и пытаться. Но я ничего не поняла. Ты старшекласница, которая специализируется на заклинаниях, и тебе дали задание по зеркальной магии? Так не бывает.

Я фыркнула (отчасти всхрюкнула: у меня текло из носа). Со мной – бывает.

Аадхья продолжала, все быстрее, почти сердито:

– Потом, фазовое заклинание... ты сказала, что разобралась в нем за пару часов после ужина. В то же время выпускники, которые хотят участвовать в аукционе, всерьез обсуждают, успеют ли выучить его до выпуска. Кроме того, вся книжка – это огромная удача. Удача, которой не бывает. Нужно сделать что-то реально ужасное, чтобы получить такой подарок. Или реально прекрасное. И в воскресенье ты была просто тряпочкой... и Тоду не померещилось, это точно. Чреворот – единственное, что напугало бы его до такой степени. Со всем остальным он бы справился. – И тогда она спросила: – Где ты взяла ману?

Я не хотела говорить. У меня болело горло. Я потянулась к шкатулке, открыла ее и показала Аадхье кристаллы – два потрескавшихся и тусклых, девять полных и остальные, пока пустые.

– Отжимания, – коротко сказала я, закрыла шкатулку и убрала ее на место.

– Отжимания, – повторила Аадхья. – Конечно. Почему бы нет. – Она коротко рассмеялась и отвела взгляд. – Почему ты никому не сказала? Все анклавы мира будут тебя умолять...

Нотки упрека в ее словах взбесили меня – и в то же время я чуть не расплакалась. Я встала и взяла с полки полупустую баночку меда. Я каждые выходные ношу ее с собой в столовую – на тот случай, если удастся пополнить запас, но мед добыть трудно, поэтому я редко себя балую. Впрочем, сейчас было очень нужно. Я прошептала мамино заклинание от боли в горле, взяла ложечку и запила мед последним глотком теплой воды, а затем повернулась к Аадхье, протянула руку и насмешливо произнесла:

– Привет, я Эль. Я могу двигать горы. Буквально. Ты бы мне поверила?

Аадхья встала:

– Ну так устрой презентацию! Нужно было сделать это еще в младшем классе, попросить у членов анклавов немного маны... Да они бы дрались за то, чтобы заполучить тебя в свою команду!

– Да не хочу я в их команды! – хрипло взвыла я. – Совершенно не хочу!

Глава 9

Неведомое

Обожаю экзистенциальные кризисы по ночам, это так успокаивает. Я лежала без сна час после отбоя, в бешенстве глядя на синее мерцание газовой лампы под дверь. Примерно каждые пять минут я приказывала себе разжать кулаки и спать, но тщетно. Я встала и выпила воды (Аадхья, видимо, испугалась, что я схожу с ума, поэтому она проводила меня до туалета, чтобы я наполнила графин). Я даже попыталась сделать задание по математике – и все равно не смогла заснуть.

Я требовала, чтобы мама вступила в какой-нибудь анклав, с тех самых пор, как поняла, что когда волшебники из какой-нибудь далекой страны типа Японии приходят к тебе в юрту за советом, это означает, что они были бы рады иметь тебя под рукой. После атаки цапуна мама таки отправилась на разведку. Про лондонский анклав она и не думала, но съездила в одно местечко в Бретани, специализирующееся на целительстве. Она встретила меня в тот день после школы, сказала: «Прости, милая, я не могу» – и покачала головой, когда я спросила почему. Я напрямик заявила, что войду в анклав, когда окончу школу – если только сумею их убедить, – и мама просто посмотрела на меня и кивнула: «Конечно, детка, как хочешь, так и поступишь». Однажды, лет в двенадцать – мне до сих пор больно об этом вспоминать, – я наорала на маму сквозь слезы и сказала, что если бы она любила меня, то мы бы ушли в анклав, а она просто хочет, чтобы я погибла. Никто не станет ее винить, и она не лишится доброго имени. В тот вечер я пережила три нападения.

Со мной мама сохраняла спокойствие, но позже ушла в заросли и выплакалась до тошноты – там, где я бы ее не нашла, если бы не отправилась следом, чтобы договорить. Увидев, как мама рыдает, я вернулась в юрту, бросилась в слезах на постель и решила, что уступлю следующему злыдню, раз я такая ужасная дочь. Но я не уступила. Я хотела жить. И до сих пор хочу. И чтобы мама жила. Но ничего не выйдет, если я буду бороться в одиночку. Поэтому нужно проявить себя и показать всем членам анклавов, что я ценное приобретение. Главный приз для того, кто предложит побольше, – ядерное оружие, с помощью которого любой анклав сможет истреблять злыдней... захватить другой анклав... стать еще могущественнее... добиться безопасности.

Этого хотел Тод. Этого хотел Магнус. Они мечтали о безопасности. Думаете, это немного? Но, для начала, у нас ее нет – и ради безопасного существования они нанесли удар другому человеку. Один анклав ради безопасности охотно столкнет другой в темноту. Причем безопасностью дело не ограничится. Анклавы всегда хотели удобств, потом богатства, потом роскоши, и безопасности тоже, на каждом этапе, по мере того как становились все более и более соблазнительной мишенью. Единственным способом уцелеть было иметь достаточно сил, чтобы отгонять претендентов.

Когда школа только появилась, в нее не брали ребят, не входивших в анклав. Изменив это правило, члены анклавов дали понять, что проявляют огромное великодушие: теперь в школу попадают все, но, разумеется, о чистой благотворительности речи не идет. Мы пушечное мясо, живой щит, свежая кровь, слуги, уборщики, горничные; благодаря всему, что проделывают здесь неудачники-одиночки, надеясь попасть в союз, а затем и в анклав, ребята из анклавов могут отсыпаться и отъедаться. У нас, одиночек, появляется призрачная надежда. Но единственный шанс, который анклавны нам дают, – это шанс быть полезным им.

Впрочем, с какой стати анклавам вести себя иначе? У них нет причин заботиться об отщепенцах. Мы не их дети. Мы те же газели, которые пытаются сбежать от стаи львов. И если мы окажемся быстрее и сильнее, ребят из анклавов съедят. Если не здесь, то потом, когда мы выберемся из школы и решим, что хотим пользоваться роскошью, которую анклавны приберегают для себя. Если мы будем слишком сильны, то, возможно, поставим под угрозу их собственные жизни. Поэтому нас незачем беречь – пока мы не поставим подпись там, где галочка. Это разумно. Каждый хочет, чтобы выжили именно его дети. Я даже не спорю.

Короче говоря, я хочу в анклав. Я хочу иметь дочь, которой не придется кричать ночью в одиночестве, если за ней придут чудовища. Я не хочу сама остаться ночью одна. Я хочу жить в безопасности и совершенно не возражаю против удобств (и даже капельки роскоши). Об этом я мечтаю с рождения. Я готова притвориться, что все устроено справедливо. Именно так считал Орион, когда блял, что у нас равные шансы.

Но я не могу притворяться, потому что меня, в отличие от Ориона, не растили в этой лжи. Поэтому на самом деле я не хочу в анклав. Не хочу безопасности, комфорта и роскоши ценой чужих жизней. Конечно, это не простое уравнение типа «если я попаду в анклав, другие ребята будут умирать здесь» – они будут умирать, вне зависимости от того, попаду я в анклав или нет. Но даже если зависимость близка к нулю, стоит поразмыслить о том, в какой части этого уравнения – виновные.

И я, наверное, понимала это с самого начала, еще до школы, потому что иначе, как и сказала Аадхья, я бы поставила всех на колени три года назад. А вместо этого я тянула время, строя затейливые планы и воображая, как именно я произведу фурор, и при первой же возможности нагрубилла всем попавшимся мне на пути членам анклавов. Я уж точно сделала все возможное, чтобы отпугнуть Ориона. Если бы он не был психом-мазохистом, то давно бы сбежал. А сейчас Аадхья обещает никому не говорить, а я отвечаю: «Спасибо», вместо того чтобы крикнуть: «Нет-нет, расскажи всем!»

Но если я не вступлю в анклав, то никому и не надо об этом знать. Если в школе станет известно, что я уничтожила чревурота, некоторые найдут ту же статью в журнале и выяснят, кто я такая и на что способна. Тогда я перестану злиться на Магнуса, потому что половина ребят из анклавов начнут на меня охотиться. Особенно если кто-нибудь прознает о пророчестве моей прабабки. А я, как говорилось выше, хочу жить.

Полная этих веселых, приятных мыслей, я провела прекрасную ночь. Спала я часа три, то и дело просыпаясь от восхитительных кошмаров (мне снилось, что я в пасти чревурота) и внезапных приступов гнетущей тревоги, во время

которых я прикидывала свои шансы выбраться отсюда живой, оказавшись в одиночку, с девятью уцелевшими кристаллами, против целой толпы злыдней. Было и ощущение мучительного голода – я вылевала почти все, что съела за день. Горло у меня наутро еще болело, глаза слипались.

Аадхья постучалась ко мне утром, по пути в уборную. Я опасалась, что она не придет, но она пришла, а потом и Лю высунула голову и спросила:

– Подождете секундочку?

Мы остановились у ее двери – она взяла щетку, полотенце и расческу, – и мне даже не пришлось волноваться, что мы опять заговорим о неприятном. По пути мы с Лю обсуждали контрольную по истории, а в душевой я дежурила с Аадхьей, пока Лю угрюмо распутывала невесть откуда взявшиеся колтуны в своих длинных, до пояса, волосах. Она расплачивалась за то, что три года подряд не знала забот с прической. Малия способствует внешности – вплоть до того момента, когда вдруг перестает.

– Надо это все отрезать, – сказала Лю вслух сквозь зубы.

Короткая стрижка – разумный выбор: не надо тратить время на уход за волосами, да и злыдням не за что ухватиться. Самый популярный в школе фасон – неровные пряди, наполовину отросшие после стремительной стрижки в тот последний раз, когда тебе попались удобные ножницы или машинка. Единственная причина, по которой волосы у меня отрастают ниже плеч, заключается в том, что мне очень редко достаются хорошие ножницы. Поднести опасный предмет к таким жизненно важным частям тела, как глаза и горло, – сомнительное удовольствие.

Незыблемого правила, как отличить хорошие ножницы от плохих, не существует. Есть один выпускник по имени Окот, из Судана – он техник, – который истратил почти весь допустимый объем багажа при поступлении, взяв с собой электрическую бритву на батарейках и ручное зарядное устройство. Он с успехом давал то и другое взаймы, а в начале этого года пообещал их компании пятерых младшекласников, которые все свободное время собирают ему ману к выпуску. Теперь он в союзе с тремя ребятами из йоханнесбургского анклава.

Мало кто может позволить себе полностью побриться, но длинные волосы, на свой лад, столь же дорогое удовольствие. Только расплачиваешься ты за него, как правило, одним заходом: когда бежишь со всех ног и в самых неподходящий момент они распускаются. Даже ребята из анклавов, как правило, не отращивают волосы. Шевелюра Лю была доказательством силы, свидетельством растущего могущества ее клана в глазах всех встречных. Но без малии, скорее всего, она стала бы для нее слишком большой обузой.

Аадхья мельком взглянула на меня, чтобы убедиться, что я вся внимание, и заговорила первой:

– Ты серьезно?

– Я уже почти до ручки дошла, – заявила Лю, тяжело дыша и болтая кистями.

- Я куплю их у тебя, - пообещала Аадхья. - В обмен могу сделать тебе что-нибудь по твоему выбору в следующем семестре.

- Правда?

- Да, - ответила Аадхья. - Из них получатся отличные струны для лютни.

- Я подумаю, - сказала Лю и с возросшим энтузиазмом принялась расчесывать спутанные пряди.

Аадхья и не ожидала получить ответ немедленно; с кем ты ходишь в душ и в столовую - это, конечно, важно, но не так, как союз. И если Аадхье нужны волосы Лю, то наверняка они пригодились бы еще кому-нибудь. Например, ребятам из анклавов, готовящим себе первоклассное оружие к выпуску. Некоторые, возможно, предложили бы Лю в обмен что-нибудь интересное или даже место в команде.

Я усиленно об этом думала, когда в свою очередь пошла в душ. Аадхья в данный момент была моим основным шансом вписаться в союз. Она одна знает, чем я обладаю, и, по крайней мере, не возражает, чтобы мы вместе ходили в душевую. Но мне по-прежнему нечем ее привлечь. И на месте Аадхьи я бы уж точно не выбрала меня. Если она смастерит волшебную лютню в начале следующего семестра, то наверняка получит десяток предложений из разных анклавов. Ни у кого здесь нет сиренопаучьей лютни - они слишком громоздки, чтобы принести их с собой извне; у некоторых есть маленькие флейты, но духовые инструменты у выпускников не так уж ценятся. Дыхание нужно для чар, бега и, если понадобится, крика. С таким артефактом Аадхья, возможно, получит гарантированное место в анклаве, вроде тех вакансий, которые оставляют для выпускающихся с отличием. Анклавы благосклонно смотрят на претендентов, находящихся в союзе с их детьми, но берут далеко не всех.

Я уже почти не сомневалась, что получу ноль предложений от членов анклавов; впрочем, я все равно не собиралась их принимать. Я не могла даже предложить Аадхье объединиться в маленькую надежную команду, к которой, возможно, пристали бы и другие менее удачливые ребята, в надежде выбраться. Если я хотела, чтобы Аадхья всерьез задумалась о сотрудничестве, нужно было набрать побольше очков до начала нового учебного года.

Поэтому, когда мы, приведя себя в порядок, ждали на сборном месте еще двоих, чтобы вместе пойти в столовую, я небрежно произнесла:

- Лю, я тут подумала - тебе, случайно, не нужно фазовое заклинание?

Обе уставились на меня. Лю медленно сказала:

- Моей семье оно бы пригодилось, но...

...но она недостаточно богата, чтобы за него побороться. Здесь Лю была сама по себе, почти как мы; она получила кое-какие вещишки от двоюродной сестры, которая выпустилась шесть лет назад, и все. Их передал парень, выпускавшийся в тот год, когда мы поступили в школу; он выговорил себе пользоваться этими вещами, пока не пришла Лю.

- Можешь предложить свои волосы, - сказала я. - Аадхья устраивает для меня аукцион, за процент.

Это значило упустить одно из пяти топовых предложений, а главное - Аадхья стала бы еще более заманчивым кусочком для членов анклавов, которые могли позвать ее в свои союзы. Сиренопаучья лютня с волосами волшебницы - могучая штука. Но я не имела права упустить такой шанс: Аадхья будет у меня в долгу, и...

- Или дай их мне, - коротко сказала Аадхья. - А Эль отдаст тебе заклинание. Я сделаю нам лютню. Ты напишешь для нее заклинания, а Эль будет петь.

Я стояла, тупо глядя на нее. Лю тоже, мягко говоря, удивилась. Это был союз, настоящее предложение союза. Просто так здесь никому ничего не дают. Если ты одалживаешь кому-нибудь ручку на один урок - это истраченные чернила, которые придется пополнять, отправившись на склад. Тот, кому ты помог, должен тебе заплатить. Вот чем отличается любовь от сделки: платить за услуги не приходится. Но с тем, кого ты любишь, можно расстаться. А с союзниками расстаться нельзя - разве что они совершат что-нибудь реально ужасное, как Тод. Или вы сообща решите разойтись. Если подведешь союзника, даже странную неадекватную девчонку, которую все ненавидят, то больше нигде не найдешь места. Трудно рассчитывать, что человек прикроет тебе спину в выпускном зале, если нельзя надеяться на его верность в течение года.

Лю вопросительно посмотрела на меня, пытаясь понять, присоединяюсь ли я к предложению Аадхьи. А я не могла заставить себя кивнуть. Я снова была на грани слез, а то и тошноты... и тут прямо над ухом раздался чудовищный вопль, от которого половина мира враз погрузилась в тишину. Обгорелые и искореженные останки какой-то твари, которая, видимо, собиралась напасть, пролетели над моей головой, описали изящную дугу в воздухе и рухнули на пол кучкой угля и пепла.

- Ты совсем перестала смотреть по сторонам? - спросил Орион, появляясь у меня из-за спины.

Я отмахнулась одной рукой, другой зажимая пострадавшее ухо.

Разговор пришлось отложить до конца завтрака: мы не могли обсуждать союз в присутствии посторонних. Это все равно что целоваться за столом: кому как, но лично я не из таких. Впрочем, я не могла не думать о предложении Аадхьи, тем более что и Лю тоже думала: она совсем другими глазами наблюдала за ребятами, которые подходили взглянуть на фазовое заклинание. Не просто с праздным любопытством, не просто оценивая рынок. Лю словно прикидывала, что сулит ей их интерес, что она может получить и чем воспользоваться. Аадхья поступила благоразумно, намекнув на союз сейчас, до начала торгов: если мы объединимся и дадим об этом знать, можно сделать так, чтобы выгоду получил наш союз в целом, а не только я.

Во всяком случае, если она собиралась что-то сделать, то не стоило медлить, хотя я никак не могла прийти в себя. Но Аадхья не сомневалась: она хорошо позавтракала, поболтала с ребятами, интересовавшимися

аукционом – гораздо лучше, чем получилось бы у меня, – обсудила держатель для щита и некоторые артефакты, которые сделала про запас; тут Лю еще сильнее наострила уши.

Я не могла предугадать, в какую сторону бросится Лю, и предложение Аадхьи явно было рассчитано на троих. Если Лю откажется, нужно будет спросить у Аадхьи, нет ли у нее третьего кандидата нам в компанию. Ну или я соглашусь пробно, не скрепляя договор прямо сейчас. Это не назовешь сильной позицией, но Аадхья знает, что других опций у меня нет.

Это была очень странная, непривычная мысль. Я всегда старалась оберегать свое достоинство – пусть даже оно ничего не значит, когда чудовища под кроватью не сказка, а явь. Достоинство заменяло мне друзей. Я оставила все попытки с кем-то подружиться в первый же месяц в школе. Если я хотела кому-нибудь составить компанию, то слышала «нет»; никто никуда меня не приглашал. Во всех школах, где я училась, а также во всех клубах, секциях и кружках было одно и то же.

До поступления в Шоломанчу я питала слабую надежду, что здесь все сложится иначе; может быть, среди волшебников не бывает изгоев. Надеяться было глупо, поскольку я далеко не единственный маг, который в детстве ходил в обыкновенную школу. Если ты не член анклава, своего ребенка лучше отправить в большую местную школу, потому что злыдни избегают заурядов. Зауряды не то чтобы неуязвимы для злыдней – цапун может проткнуть человеку живот когтем длиной полметра вне зависимости от того, есть у жертвы мана или нет, – но у них есть одно существенное преимущество: они не верят в магию.

Вы скажете: многие верят во всякую чушь, от сомнительных с богословской точки зрения ангелов до астрологии, но для человека, который вырос среди самых легковверных людей на свете, это не одно и то же. Волшебники не просто верят в магию – они не сомневаются в ее существовании, как зауряды не сомневаются в существовании автомобилей. Наши соседи по коммуне не стали бы вести дискуссий о существовании автомобилей, разве что обкурились бы сильнее обычного (именно в этом состоянии, что неудивительно, большинство заурядов и встречают злыдней).

Творить магию в присутствии человека, который в нее не верит, гораздо сложнее. Если его скепсис подорвет твою уверенность либо нарушит поток маны и заклинание не сработает, скорее всего, у тебя возникнут проблемы в следующий раз, уже вне зависимости от присутствия неверующих зрителей. Еще несколько раз – и ты вообще разучишься колдовать. Вполне возможно, что в мире уйма потенциальных волшебников, не подозревающих о том – людей вроде Луизы, умеющих собирать и удерживать ману. Но они выросли заурядами и не могут творить волшебство, поскольку не знают, что магия существует – а значит, для них ее не существует.

А если ты злыдень и, следовательно, живешь только благодаря магии, нужно сперва убедить зауряда, что ты, вопреки всем его ожиданиям, реален. Однажды, когда я училась в средней школе, один необыкновенно наглый пряжепризрак попытался напасть на меня в спортзале. Учительница заметила его, приняла за крысу и торжествующе прибила крикетной битой. Когда она остановилась, злыдень действительно был неотличим от раздавленной крысы. Лично я не смогла бы убить пряжепризрака крикетной битой, даже если бы

дубасила его целый день. Зауряды, с точки зрения злыдня, не имеют ни вкуса, ни питательной ценности, а потому живут себе спокойно – результат не стоит затраченных усилий. Вот почему множество волшебников отдают своих детей в обыкновенные школы.

Но маме искренне нравится жить в глуши – слишком далеко от любого анклава, чтобы сотрудничать или торговать с ним. Поэтому я не общалась с детьми других волшебников и пыталась убедить себя, что зауряды меня не любят, поскольку чувствуют ману. Но нет. Дети волшебников тоже меня не любят.

Допустим, пять дней назад в моей жизни появился Орион, но он слишком странен, чтобы брать его в расчет. Я была уверена, что мой испытанный метод – агрессивная грубость – это не тот способ, которым нормальные люди заводят друзей. Но, возможно, теперь ими стали Лю с Аадхьей. Я до сих пор в этом сомневалась – да и что изменилось бы, будь это так? Я не испытывала приятного тепла, которое всегда воображала себе. Наверное, все еще ждала, что кто-нибудь вручит мне потрепанный «браслетик дружбы», который я так и не получила у скаутов. Но предложение союза, готовность меня прикрывать и рисковать собой ради спасения моей жизни... это все совершенно другой уровень. Похоже, я пропустила какие-то промежуточные этапы.

Я задумалась и про Нкойо, когда шагала на урок иностранных языков вместе с ней и ее друзьями. Насчет Кору и Джовани я не сомневалась: никто из них особо меня не любил. Но чисто от неожиданности я подумала, что, может быть, Нкойо хотя бы не настроена враждебно. Я набралась смелости и спросила – с напускной небрежностью, словно ответ меня не особо волновал:

– Не знаешь, кто-нибудь собирается вместе готовиться к экзамену по латыни?

– Знаю, – сказала она, даже не задумавшись над ответом. – Несколько ребят хотели засесть после уроков в четверг в лаборатории. Плата за вход – два экземпляра какого-нибудь приличного заклинания.

– Огненная стена подойдет? – спросила я, изо всех сил подражая ее спокойному тону, как будто меня были бы рады там видеть, лишь бы я заплатила за вход..

– Ой, это даже больше, чем нужно! – воскликнула Нкойо. – Хватит какого-нибудь хозяйственного заклинания. Я отдам то, для восстановления папируса.

– У меня есть средневековое заклинание для дубления кожи, – сказала я.

На самом деле это часть более крупного заклинания, предназначенного для связывания проклятого гримуара, который высасывает ману из того, кто произносит одно из записанных в нем заклинаний. Очень изящная энергетическая ловушка. Но дубильное заклинание отлично работало и само по себе.

Нкойо пожала плечами и кивнула – «конечно, давай». Мы подошли к дверям языкового класса и все четверо, по очереди, сунули вчерашнее задание в

прорезь – тонкую, как в почтовом ящике, щель в металлической стене. Мы отлично рассчитали время: не стоит совать работу в щель, когда сзади напирает толпа учеников, потому что тогда можно оказаться в ловушке, если из щели что-нибудь выпрыгнет. И слишком рано ее тоже не стоит совать, потому что тогда из щели обязательно что-нибудь выпрыгнет. Но если сдать работу хотя бы через десять секунд после начала урока, будет уже поздно и задание не зачтут.

Если у тебя низкий балл по иностранному языку, тебе дадут дополнительное задание по той же самой теме, на которое понадобится несколько дней или даже недель. Возможно, вы не сочтете это наказанием, но поскольку языки нам всем нужны, чтобы учить заклинания, проблем будет много. Когда ты в следующий раз попросишь какое-нибудь заклинание, то получишь материал, до которого теоретически должна была дойти, однако еще не дошла, и не сможешь двигаться дальше, пока не разберешься с дурацкой задолженностью.

Я сдала задание по арабскому, а потом села в кабинку, открыла папку и ознакомилась со своим жребием. Оказалось, что меня ждут три листа с заданиями на арабском, да еще и кошмарный опрос на классическом санскрите – пометка гласила, что он займет двадцать минут, но по опыту я знала, что понадобится весь урок. Я едва успела набрать минимум для проходного балла, прежде чем раздался предупреждающий звонок. Пришлось срочно подписать лист, запихнуть вещи в сумку и нести ее, неловко обхватив рукой, как корзинку, чтобы сунуть контрольную в щель до звонка. Сегодня меня ожидала куча заданий, которые предстояло выполнять, вместо того чтобы собирать ману.

Но даже это не испортило мне настроения, которое в последнее время так резко менялось, что я уже начала чувствовать себя как на качелях. Я привыкла к своему обычному состоянию подавленной горечи, к тому, что нужно держать голову опущенной и упрямо двигаться вперед. Радость выбивала меня из колеи, так же как и ярость. Но я не испытала ни малейшего желания отказаться, когда, придя на урок литературы, увидела, как Лю озирается: она заняла для меня место за соседней партой. Я подошла и положила сумку на пол между нашими стульями; поскольку рядом сидел тот, кто не стал бы возражать, я собиралась урвать несколько секунд и навести в ней порядок.

Потом я села и принялась за свой текущий проект, необычайно скверную вилланеллу, в которой я старательно избегала слова «мор». Оно так отчаянно пыталось пробиться в каждую строфу, что я была уверена: если я не удержусь, весь текст превратится в идеальный призыв какой-нибудь новой эпидемии. Возможно, я единственная ученица в школе, чьи сочинения пытаются стать заклинаниями.

Я поработала минут пять, а потом с запозданием подумала, что надо бы, наверное, поговорить с Лю, раз мы теперь подруги.

– Что пишешь? – спросила я.

Вопрос был совершенно не оригинальный, зато простой.

Лю мельком глянула на меня и ответила:

- От прабабушки мне досталось песенное заклинание. Теперь пишу к нему английский текст.

Перевод заклинаний практически невозможен. Небезопасно даже, взяв, к примеру, заклинание на хинди, перевести его на урду и кому-нибудь передать. Три раза из четырех сработает, но на четвертый раз пострадаешь сам. Песенные заклинания - единственное исключение. Но их не вполне переводят - скорее, ты пишешь новое заклинание на другом языке, но на ту же музыку и ту же тему. Зачастую это сложнее, чем сочинить заклинание с нуля, и в большинстве случаев ничего не получается, точно так же как в норме большинство наших сочинений не превращаются в заклинания. Иногда ты получаешь просто бледную имитацию исходного заклинания. Но иногда, если новые чары сами по себе очень хороши, получается почти двойной эффект - совместное действие обоих заклинаний. Вот это может быть очень мощная штука.

А главное - пока все соответствовало тому, что было утром. Лю спросила:

- Хочешь послушать? - и протянула крошечный плеер без экрана, из тех, что работают на подзарядке почти вечно. Но единственный способ разжиться здесь зарядкой - это смастерить ее вручную, и в процессе можно собрать ману, так что в любом случае тратишь силы не зря.

Я надела наушники и послушала музыку - без текста, и хорошо, потому что прямо сейчас у меня не было времени браться за изучение северокитайского диалекта. Я напевала себе под нос, постукивая пальцами по бедру, чтобы ритм запечатлелся в голове. Даже без слов музыка производила впечатление заклинания - ненавязчивого, но сильного. Не знаю, как описать песню-заклинание, чтоб вы поняли. Скажу так: это все равно что держать в руке чашку. Внутри можно вложить определенное количество силы. Конкретно эта «чашка» была глубокой - уходящий в далекие недра колодец, куда можно бросить монетку или камешек и услышать далекое эхо. Я сняла наушники и сказала Лю:

- Это усилитель маны?

Она вздрогнула и, внимательно посмотрев на меня, спросила:

- Откуда ты знаешь?

Это, видимо, было семейное заклинание, которое еще ни на что не обменивали; вероятно, семья Лю приберегала его, чтобы сменить на что-то ценное - то, что понадобится, если они захотят создать собственный анклав.

- Ниоткуда, - сказала я. - Просто такое ощущение.

Лю кивнула, задумчиво глядя на меня.

Потом мы вместе пошли на историю и сели рядом, за неудобные парты. Классы истории находятся на том же этаже, что и столовая. Хуже всего то, что выдаваемые нам учебники невероятно скучны и нет кабинок, как в языковых классах, так что слышны все звуки, которые издают соседи, каждый шепот, кашель, пук, неумолчный скрип стульев. А впереди - гудящий и мигающий

экран, и нужно напрягать слух, чтобы расслышать хоть что-то, и девяносто процентов этой информации совершенно бесполезны и не нужны даже для экзамена. Все уроки истории проходят либо перед обедом, когда ты хочешь есть и с трудом сосредотачиваешься, либо после, когда клонит ко сну. Я всегда хожу на историю перед обедом, потому что это безопаснее, но там дико скучно.

Однако если кто-нибудь сидит рядом с тобой – или вместе с тобой, – урок становится раз в сто приятнее. Мы попеременно, по пятнадцать минут, смотрели видеолекцию и делали записи, а в промежутке работали над контрольными. Мы уже обменялись переводами первоисточников, и я видела, как Лю пользовалась теми, что я ей дала, – то есть они оказались полезными. Источники Лю тоже были хороши. Мне не приходилось себя насиловать и думать о ней без неприязни только потому, что она, возможно, меня терпела.

Лю изучает историю на английском, чтобы обеспечить себе более гибкое расписание, поэтому мы, как правило, ходим на одни и те же занятия. Но до сих пор мы почти никогда не садились рядом. Пару раз, если ей нужно было сходить на склад и она слегка опаздывала, выбирать приходилось между мной и кем-нибудь простуженным до соплей или тем парнем, который постоянно держит руку в штанах (как-то он попытался подсесть ко мне, но я посмотрела на него, дыша убийством, и больше он не рискнул). Короче, в таких случаях Лю садилась со мной. Но чаще она проходила мимо, в обществе того, с кем сидела на предыдущем уроке: в нашем классе есть десяток китайцев, изучающих английскую историю. Они не прогонят Лю, даже если уловят легкий аромат малии.

Но сегодня никакого аромата не было. Я поняла, что Лю не взялась за старое. Она по-прежнему имела приятный цвет лица, и глаза у нее блестели; а еще она казалась мягче и сдержанней. Я задумалась: это эффект малии или настоящая Лю? Скорее всего, последнее, потому что мамины очищающие заклинания именно так и работают. Они не сочетаются с использованием малии. Возможно, Лю заставили родные – в этом была своя логика, и раз уж она пришла в школу с полной корзиной жертв вместо нормального багажа, теперь ей предстояло придумать что-то другое.

Я не спросила, каков ее новый план – если он у Лю вообще был. Она не пользовалась малией открыто, и мы еще не заключили союз; мой вопрос мог встревожить, тем более что исходил он от предполагаемой подружки местного героя – убийцы малефициера. Вдруг Лю не успеет подготовиться к выпуску, если не вернется к малии. Вряд ли она все это время копила ману, если рассчитывала получить большое количество силы, убив оставшихся жертв.

Лю было трудно назвать идеальным союзником, но я, в общем, не возражала. Я хотела дружить с ней и с Аадхьей, и не только потому, что других вариантов у меня не было. Я хотела болтать, ходить вместе в столовую после совместных утренних занятий, хотела теплого приятного ощущения, что мы в одной команде. Я нуждалась в Лю и Аадхье не только, чтобы выжить самой. Я хотела, чтобы и они выжили.

– Я не откажусь, – коротко сказала я по пути в столовую. – Если и ты не против.

Мне не пришлось объяснять, о чем речь. Я знала, что и Лю об этом думает.

Несколько секунд она молчала, а потом негромко произнесла:

- У меня маловато маны.

Значит, я была права: она решила бросить малию и оказалась в непростом положении. Но - Лю это признала. Она не желала заключить с нами договор обманным путем.

- У меня тоже. Но с нашими заклинаниями нам и не понадобится много, - сказала я. - Я согласна, если Аадхья не возражает.

- Я пока не могу пользоваться этим заклинанием, - проговорила Лю. - Моя бабушка... Понимаешь, мои родители трудятся изо всех сил, много работают в разных анклавах, поэтому меня растила бабушка. Она дала мне это заклинание, хотя вообще-то не имела права. Оно сложное, оно работает только у нескольких самых сильных волшебников в нашем роду. Но я подумала... если его перевести, может быть, оно станет проще...

- Если у тебя не получится хороший перевод к концу первой четверти, я брошу что-нибудь из своих языков и займусь китайским, - сказала я.

Лю с сомнением взглянула на меня:

- Я знаю, что ты умеешь петь, но это очень трудно...

- Я справлюсь, - уверенно ответила я.

Усиление маны - необходимое требование практически для всех имеющих у меня смертоносных заклинаний, даже при тех объемах энергии, которые они исходно требуют. И мне никогда еще не попадалась такая полезная штука, как заклинание усиления: оно выделяет один конкретный этап - настолько, чтобы можно было выцарапать этот элемент посреди творящегося ужаса и чтобы процесс в то же время шел своим путем.

Лю сделала глубокий вдох и кивнула:

- Ну... если Аадхья не против, то...

Она не договорила. Но я тоже кивнула, и мы несколько секунд смотрели друг на друга, шагая по коридору. У Лю дрогнули уголки губ - она неуверенно улыбнулась, и я тоже. Странное было ощущение.

- Хочешь, после обеда вместе сядем писать контрольную по истории? - предложила я. - У меня есть уголок в библиотеке, в отделе языков.

- Конечно, давай, - сказала она. - А Орион с тобой разве не пойдет?

И Лю вовсе не имела в виду, что ее в первую очередь интересует присутствие Ориона - она просто хотела знать, хватит ли места для троих.

- Там огромный стол, - заверила я. - Все поместятся, только я прихвачу по пути складной стул.

Но после обеда Орион сказал:

- Я пойду вниз, мне надо кое-что сделать.

- Тебе правда надо что-то сделать, или ты предпочтешь слоняться внизу, чтобы не взаимодействовать с другими людьми? - уточнила я. - Лю будет вести себя прилично.

Я совершенно точно не желала бросать ее ради Ориона: мы ведь с ним на самом деле не были парой.

- Да нет, я не возражаю, - сказал Орион. - Лю мне нравится, я не против. Но у меня дела.

Говорил он не очень убедительно, однако спорить я не собиралась. Орион не обязан передо мной отчитываться. Я пожала плечами:

- Постарайся не раствориться в кислоте.

Мы с Лю отлично поработали: написали почти половину контрольной.

- Сегодня после ужина у меня групповой проект в лаборатории. А завтра давай опять позанимаемся, - сказала она, когда мы закончили.

Я кивнула, наслаждаясь мыслью о том, что, может быть, предложу Аадхье или даже Нкойо пойти после ужина со мной в библиотеку. Есть несколько человек, которых я могу позвать с собой, и если они откажутся, это не навсегда. Я даже обрадовалась, когда Аадхья действительно отказалась, сказав, что ей нужно поработать над каким-то артефактом, и было ясно, что она не пыталась выдумать предлог.

- Заходите вечером, - предложила она. - Сбегаем в буфет, если у вас есть жетоны.

Мы с Лю кивнули; у всех у нас было время подумать, и теперь можно наконец решить, готовы ли мы двигаться дальше.

Я лелеяла в себе это ощущение до конца уроков, и оно не развеялось, даже когда я увидела, как Магнус и Хлоя возле столовой, разговаривая с Орионом, предлагают ему после ужина отправиться в библиотеку со всей нью-йоркской компанией.

- Возьми с собой Эль, - сказала Хлоя.

Вероятно, они задумали очередное покушение.

- Не могу. Я... иду в лабораторию, - ответил Орион.

- В лабораторию? - переспросил Магнус. - Не к себе?

Орион действительно говорил таким тоном, словно подыскивал повод; но Магнус бросил на меня взгляд, ясно дающий понять, что свои мысли он озвучивать не станет.

Орион, ничего не заметив, ответил:

- Что? Нет, не к себе.

Прозвучало столь же «убедительно».

- А, ну ладно, - сказал Магнус. - Галадриэль тоже пойдет в лабораторию?

- Нет, - резко отозвалась я: раз уж речь зашла обо мне, я чувствовала себя вправе вмешаться в разговор. - У меня контрольная горит.

- Хочешь с нами в библиотеку, Эль? - напрямик спросила Хлоя. - У нас есть свободное место за столом.

Вот, значит, до каких пределов дошло их отчаяние: ребята из анклавов никогда никого не зовут к себе. В лучшем случае, они с великолепным снисхождением скажут, что рады тебя видеть. Необходимость унижаться, видимо, страшно бесила Магнуса.

- Нет, - ответила я. И пошла в столовую, не попрощавшись с ними.

Орион оставил приятелей и нагнал меня в очереди.

- Только не говори, что Хлоя пыталась добиться от тебя лести, - сказал он.

- Ну что ты, она пригласила меня от всего сердца, искренне и великодушно, - усмехнулась я. - Я должна была растаять. Кстати, вчерашний ползун явился ко мне не случайно.

- О-о... мои друзья с тобой вежливы, значит, они пытаются убить тебя без всякой причины, - сказал Орион. У него хватило наглости разозлиться. - Ты издеваешься? Ты хочешь, чтобы я защищал тебя от Хлои Расмуссен?

- Я хочу, чтобы ты сунул башку в кастрюлю с пюре, - процедила я и мстительно схватила две последние сосиски с подноса.

Но одну из них я отдала Ориону. Он не виноват, что вырос среди избалованных кровожадных гадов.

Я страшно удивилась, когда после всего этого Хлоя предприняла вторую попытку, перехватив меня в читальне, по пути к полкам.

- Не интересуюсь, - ледяным тоном отрезала я.

- Нет, Эль, послушай, - настаивала Хлоя.

Я зашагала дальше, в раздел заклинаний, но она буквально побежала за мной и схватила за руку.

- Хоть пять секунд побудь нормальным человеком! - выразительно прошипела она, а потом добавила: - Я не... короче, не ходи в свой уголок.

Я остановилась и уставилась на нее. Хлоя отвела глаза. Вид у нее был смутно виноватый, даже какой-то затравленный. Мы стояли в полумраке, но из уголка ньюйоркцев нас было видно. Я заметила на одном из диванчиков Магнуса.

– Посиди с нами, ладно? – сказала Хлоя. – Ну или иди к себе.

– А моя комната еще долго будет безопасной? Не сомневаюсь, Магнус скоро изобретет что-нибудь еще! – Я в подробностях представила себе, как подойду и расплещу ему нос. Крепкого удара сверху вниз будет достаточно, чтобы раздался приятный хруст... – Или нет. Наверное, он побоится случайно убить и Ориона. Это уж как-то слишком – самим его угробить. Стоило тратить столько сил, чтобы помешать мне...

Хлоя поморщилась:

– Ты пойдешь к дубайцам?

– Они меня не приглашали. Я починила кресло в их уголке, потому что мне нужен арабский язык. Но даже если бы меня позвали и я согласилась, это еще не повод подбрасывать ползуна! – добавила я сквозь зубы, потому что у этой нахалки на лице нарисовалось облегчение.

– Что? Нет! Мы не... – Хлоя, видимо, сообразила на половине фразы, что отрицание не поможет, и сменила тактику. – Послушай, Магнус думал, что ты малефицер. На ползуна наложили заклинание, вытягивающее малию, и только. Если ты не конченный малефицер – в худшем случае тебя бы немножко замутило. – Она полагала, что это веский аргумент.

Я уставилась на нее и ответила:

– Я пользуюсь только маной.

Хлоя замолчала, глядя на меня с разинутым ртом, ошеломленная мыслью, которая до сих пор не приходила ей в голову. Ну конечно, не приходила. Никому из них. Этот ползун превратился в новенького злыдня. Когда создаешь артефакт, способный самостоятельно собирать силу, прямо-таки напрашиваешься на неприятности. Ты можешь погрозить ему пальцем и велеть вести себя хорошо – но если он не добудет энергию в одобренных источниках, то в пятидесяти процентах случаев начнет добывать ее везде, где только удастся. А поскольку Магнус создал ползуна с тайной надеждой, что он досуха высосет злобного малефицера, шансы, скорее всего, приближались к ста процентам. И тогда я бы погибла.

Хлоя вполне со мной согласилась: она болезненно побледнела, хотя и не потому что ее волновала моя судьба. Если артефакт превращается в злыдня, в первую очередь он нападает на своего создателя и на всех, кто ему помогал. Появляется щелка, крошечная брешь, которая позволяет артефакту высосать ману у мастеров. И нет, мне не было жалко Хлою.

– Какой сюрприз ждет меня за столом? Коробка клещей? – спросила я.

Хлоя сглотнула и ответила дрожащим голосом:

- Нет. Заклинание нерушимого сна. Магнус и Дженнифер хотели погрузить тебя в гипнотический сон и задать несколько вопросов...

- Если какой-нибудь злыдень не сожрет меня раньше, чем они придут.

Хлоехватило совести устыдиться:

- Извини, извини, мне правда очень жаль. Мы целую неделю спорили - и почти никто не считает тебя малефицером, просто все очень встревожились... Но... если ты пользуешься только маной, это же... здорово, просто замечательно! - с восторгом заявила она (да, так замечательно, что ее приятель чуть меня не убил) и продолжила: - Многие уже и так были за. Ну а раз ты на чистой мане, я уверена, что за тебя проголосуют пятеро, а с Орионом будет шесть. Это большинство. Ты получишь гарантированное место, и...

- Большое спасибо! - не веря собственным ушам, ответила я. - После двух покушений?

Хлоя замолчала и закусила губу.

- Магнус извинится, я обещаю, - сказала она, как будто думала, что мы торгуемся...

Как будто думала, что я уцеплюсь за гарантированное место в нью-йоркском анклаве - да, это было именно то, о чем я отчаянно мечтала и чего старалась добиться последние шесть лет, - и вот Хлоя предложила мне заветный приз без всяких дополнительных условий...

Но я ощутила страшное раздражение. Я злилась не на Хлою, а на маму, которая не стояла здесь и не смотрела на меня с сияющей доброй улыбкой, появлявшейся на ее лице в тех редчайших случаях, когда я доставляла ей истинную радость. Как, например, четыре года назад, когда мы страшно поругались, поскольку я не понимала, почему не могу отнять последние капли жизни у птицы, которую все равно нашла умирающей в лесу. Я убежала, а через час вернулась в юрту и угрюмо сообщила маме, что сидела над птицей, пока та не умерла, и похоронила ее. Мне не хотелось этого говорить и не хотелось признавать, как я обрадовалась, когда мамино лицо засияло. Казалось, я сдалась - а сдаваться я ненавидела больше всего на свете.

И еще хуже было сейчас, когда я даже в отсутствие мамы видела ее лицо, ее радость - и не собиралась брать то, что Хлоя мне предлагала: бесценную недостижимую вещь, которую (как я сама с непоколебимой решимостью заявила) я намеревалась добыть. Но согласиться я не могла. Это было совершенно невозможно после того, как Лю тихо сказала: «У меня маловато маны». И не только потому, что она и Аадхья нуждались во мне, а Хлою интересовало только присутствие Ориона. Просто наш вариант был гораздо лучше. Предлагая союз, Аадхья и Лю предлагали и свои жизни. Они хотели связать свои судьбы, прося о том же и меня. По сравнению с ними Хлое нечего было предложить.

- Мне не нужны извинения, - с досадой сказала я. - Я не поеду в Нью-Йорк.

Хлоя страшно удивилась.

- Если... То есть ты собираешься в Лондон? - дрожащим голосом спросила она.
- Это... это из-за Тода? Но его наверняка выгонят. Никто в Нью-Йорке не захочет..

- Не из-за Тода! - ответила я с еще большим раздражением, потому что Хлоя не имела никаких оснований знать ответ - просто говорила она таким тоном, словно я тыкала ее ножом. - Я вообще не собираюсь ни в какой анклав.

Тут она явно растерялась:

- Но... вы с Орионом... - Она не успела договорить.

- У нас с Орионом ничего нет. Я не понимаю, с какой стати вы паникуете. Это, конечно, не ваше дело, но Орион мне никто, и всего две недели назад он даже не знал, как меня зовут. И вы уже готовы предложить мне гарантированное место в анклаве? А вдруг через месяц он влюбится в какую-нибудь девочку из Берлина?

Я думала, что, может, это заставит Хлою отступить, но та не успокоилась. На лице у нее появилось странное смущенное выражение - а затем она отрывисто сказала:

- Ты единственная, с кем Орион постоянно общается.

- А, ну извини, я забыла, что вам не позволено дружить с плебеями.

- Я не это имела в виду! Он и с нами не общается.

Но я сама видела, как он почти безостановочно тусил с ней последние три года, и, видимо, на моем лице все было написано, поскольку Хлоя покачала головой:

- Мы все знакомы, и мама велела Ориону помогать нам, но он... ни с кем не разговаривает. Ему нужно где-то сидеть в столовой и на уроках, вот он и сидит с нами, но ничего не говорит, только отвечает на вопросы. Орион никогда не хочет в компанию... он даже занимается в одиночку! Ты единственное исключение.

Я уставилась на нее:

- А Луиза?

- Луиза постоянно просила разрешения ходить с ним, и он ей не отказывал, потому что жалел, - сказала Хлоя. - И все-таки он ее сторонился. Я знаю Ориона с рождения, но он запомнил мое имя только потому, что во втором классе мама стала тренировать его по карточкам. С самого детства он хотел только одного: убивать злыдней.

- Ну да, жизнь в сказочной стране такой пустяк по сравнению с охотой на злыдней, - недоверчиво отозвалась я.

- Думаешь, я шучу? Когда мы были в детском саду, к нам в комнату пробрался червесос. Воспитательница об этом узнала, потому что Орион стоял в углу и смеялся. Она спросила, что случилось, и он поднял червя обеими руками и показал нам. Эта тварь металась, щелкала зубами и пыталась его цапнуть. Мы завизжали, а он дернулся и случайно разорвал червя пополам, и нас всех забрызгало кишками.

Я невольно поморщилась. Хлоя тоже.

- В десять лет он дежурил у ворот. Не потому, что ему это поручали - просто Орион так развлекался. Он единственный ребенок магистры Рис, и она постоянно таскала его на детские праздники, заставляя заводить друзей, а он при первой возможности удирал, шел к воротам и колошматил злыдней. Он.. ненормальный.

Я невольно рассмеялась. Либо так - либо дать ей пощечину.

- А вы говорили, что у него негативная аура? - язвительно спросила я.

- Я ничего плохого не имею в виду, - сдержанно ответила Хлоя. - Думаешь, мы не старались его полюбить? Я сама выжила только благодаря Ориону! Когда мне было девять лет, в городе случилось нашествие кислотных мух. Ерунда, да? - спросила она самоуничижительным тоном, словно ей было стыдно жаловаться на такие пустяки. - Ребятам постарше пришлось сидеть дома, пока совет решал, что делать. Но мухи не беспокоили тех, кому еще не исполнилось одиннадцати. Я играла на площадке, недалеко от ворот, когда у меня случился выброс маны.

Я читала про это в бодрой книжечке «Когда твоя мана растет», которую мне подсунула мама, но сама ничего подобного не испытывала. Способность удерживать ману действительно растет у большинства из нас скачками. Обычно внезапных приливов маны в тех случаях, когда ее недостает до полного объема, не бывает. Хлоя, как вы понимаете, оказалась в другой ситуации.

- Я играла под горкой, - она изобразила руками замкнутое пространство, - вместе с подружками. Заурядов поблизости не было. И мухи, целый рой, накинудись на меня. Они начали прогрызать щит, который сделала мне мама. Их было столько.. - Хлоя замолчала и сглотнула. - Подружки закричали и убежали. А я просто замерла. Казалось, мана вытекает у меня из носа, изо рта, из ушей. Я забыла все заклинания. До сих пор иногда вижу это в кошмарах..

Я ей охотно поверила. Хлоя бессознательно обхватила плечи руками и ссутулилась.

- Орион как раз проходил мимо - он ни с кем не играл, просто пинал камешки. Он подбежал и сжег всех мух. Я подумала тогда, что он самый прекрасный человек на свете.

Я отчаянно старалась призвать гнев, но это было нелегко. Я не хотела сочувствовать Хлое. Однажды, когда я была маленькой, стая кислотных мух наведальась в коммуны, и маме пришлось целые сутки сидеть, держа меня на коленях, и не умолкая петь, пока они не сдались и не полетели дальше, и

если бы она потеряла голос, мы бы обе погибли. На страже Хлои стоял анклав, ее накрывал щит, полный силы, и наверняка, если бы Орион не пришел ей на выручку, немедленно прибежал бы кто-нибудь из взрослых. Это была досадная неприятность, а вовсе не первая из тысячи бед. Но... невольно я все-таки сочувствовала девятилетней девочке, из которой выплескивалась мана, а вокруг клубились ядовитые мухи, и она чувствовала, как они пытаются пробиться сквозь щит к ее плоти... Точно так же я сама сжималась от страха, слыша, как цапун скребется на пороге юрты.

Но, к счастью, Хлоя спешно сменила тему:

- После этого я несколько месяцев хвостом ходила за Орионом - пыталась с ним подружиться, предлагала поиграть вместе. Он всегда отказывался, если только мама его не заставляла. И дело не в том, что я ему не нравилась. Мы все старались его расшевелить. Иногда родители нам даже велели - но, честное слово, мы не подлизывались к будущей Госпоже, ничего такого. Мы старались только ради Ориона. Мы знали, что он необыкновенный, мы все были ему благодарны. Но он нас даже не замечал. Не презирал, не задибал нас, не грубил - просто... ни на кого не обращал внимания. До сих пор Ориона не интересовал ни один человек. - Она помахала передо мной рукой и продолжила с искренним удивлением: - И вот он разговаривает с тобой - и даже находит поводы встречаться. Однажды он помогает тебе починить дверь, потом решает, что ты малефицер, потом снова помогает, потому что ты пострадала. Он сидит с тобой за обедом, даже ходит в библиотеку, когда ты его зовешь. Знаешь, сколько раз я приглашала Ориона в библиотеку? Он сходил с нами дважды, в самом начале младшего класса, - и все! Говорят, вы вместе дежурили! Так что да, мы волнуемся. Мы спорили не о том, давать тебе место в анклаве или нет. Если Ориону наконец кто-то понравился, анклав не станет сомневаться ни минуты. Мы спорили лишь, не малефицер ли ты, который причиняет ему вред.

Она кончила свой панегирик и с вызовом взглянула на меня, словно ждала, что я начну кричать и ругаться, но я, как всегда, ее разочаровала. Я была переполнена... чем-то. Не гневом. Да, я разозлилась на Магнуса, когда подумала, что он пытается убить меня, чтобы удержать в анклаве стратегически ценного Ориона - гнусная, полная себялюбия идея. О, как я наслаждалась приятным, жарким праведным гневом, моим любимым наркотиком... я чуть не доигралась до убийства. Мое нынешнее ощущение по сравнению с этим гневом казалось мутным, как грязь; оно было каким-то уставшим.

Я давно догадалась, что Орион искал человека, который не обращался бы с ним как с наследным принцем, - я только не понимала почему. Теперь я поняла - и от осознания правды у меня даже разболелся живот. Хлоя, Магнус, остальные ньюйоркцы - все они сочинили историю о супергерое, убийце чудовищ, который только и мечтает спасти других и совершенно не думает о собственном счастье. Они выдумали это, потому что страстно хотели, чтобы так оно и было. Конечно, они охотно баловали Ориона, льстили ему, в уплату отдавая все самое лучшее, - почему бы нет: они богаты, им есть чем поделиться. Они бы охотно пригласили в анклав меня, как и любую другую случайную девушку, которой Орион хотя бы улыбнулся; они, возможно, приняли бы и Луизу - только потому, что он ее пожалел. Это недорого стоило.

Им так же отчаянно хотелось удержать Ориона, как жителям нашей коммуны – избавиться от меня. Он угодил в ту же паршивую ситуацию, что и я, только наоборот. Орион изо всех сил пытался соответствовать чужим ожиданиям; он вписывался в прекрасную историю, которую про него сочинили, и послушно смотрел на карточки, которые сделала мама, чтобы научить его вежливости. Но дружить с этими людьми он, конечно, не мог: он понимал, что они останутся его друзьями, лишь пока он будет подыгрывать общей лжи. Хлоя на голубом глазу говорила мне, какой он замечательный, как они все старались...

Но я не могла на нее просто злиться. Ясное дело, мне хотелось завопить и сжечь весь нью-йоркский анклав, но чисто по привычке. На самом деле больше всего на свете мне хотелось схватить Хлою, встряхнуть хорошенько и заставить хоть на секундочку взглянуть на Ориона – и на меня – как на живого человека и чтобы она задумалась. И еще – чтобы люди перестали шарахаться от меня. Но я понимала, что не добьюсь своей цели, потому что Хлое придется взамен от многого отказаться. Если Орион человек, он не обязан постоянно носить на запястье хитроумную гуделку, на тот случай, если Хлоя или кто-нибудь из ее настоящих друзей окажется в беде. Если Орион человек, он имеет такое же право, как и Хлоя, бояться и быть эгоистом. Ей придется заплатить за все, чем она пользовалась. Но Хлою такая сделка не устраивала. Она-то не собиралась бросаться к нему на помощь, если понадобится. Она бы побежала в другую сторону.

Я продолжала стоять и молчать, и на лице Хлои отразилась неуверенность: вероятно, она слышала слабый рокот бури.

– Так, – сказала я хрипло. – Ну понятное дело – я малефицер. Конечно, у Ориона нет другой причины предпочесть мое общество вашему, придурки. – Хлоя вздрогнула. – Приберегите место в анклаве для тех, кому этого хочется. Большое спасибо, что избавила от приятного общения с твоими друзьями, которые решили залезть мне в голову. В знак благодарности я открою тебе большой секрет. Я обращаюсь с Орионом как с обычным человеком. Попробуйте сделать то же самое и посмотрите, что получится, прежде чем устраивать мне еще какие-нибудь неприятности.

Глава 10

Гроглер

Я даже не пыталась найти себе новое место для занятий – знала, что сегодня поработать не получится. Я протиснулась мимо Хлои, спустилась по лестнице и бегом направилась к дортуарам, хотя понимала, что делать этого не стоит. Механизм начал разогреваться к выпуску, в шестеренки накачивалось масло, и они пробно колыхались туда-сюда. Лестница двигалась как ледник – или, точнее, как эскалатор, который мог в любой момент

двинуться обратно. И я поплатилась за неосторожность: от убитого недавно злыдня на ступеньках осталось вонючее переливчатое пятно; я наступила на него не глядя, поскользнулась, и мне пришлось, выбросив руки вперед, всем весом рухнуть на площадку, чтобы не слететь вниз головой по лестнице.

Ковыляя мимо двери Аадхьи, я помедлила, а потом осторожно постучала.

- Это Эль, - сказала я.

Она приоткрыла дверь, убедилась, что это я, потом увидела кровь и спросила:

- Что случилось? Нужен бинт?

У меня перехватило горло. Я почти радовалась, что упала с лестницы. Какая разница, что там думала Хлоя!

- Нет, не надо, просто царапина. Я сделала глупость и споткнулась, когда спускалась. Проводишь меня в туалет?

- Конечно, - кивнула Аадхья, и пошла со мной, и караулила, пока я обмывала разбитый локоть и окровавленное колено. Порез на животе снова заныл, но я не обращала на него внимания.

Лю вернулась вскоре после того, как мы закончили, и мы втроем отправились наверх, в столовую - уже гораздо осторожнее. Все столы и подносы были убраны за подвижную стену, и оттуда доносился запах дыма (кухонным плитам смертоносное пламя не опасно), а у буфета стояло несколько десятков ребят, ожидающих своей очереди. Объективно это отличная штука - торговые автоматы, которые принимают жетоны. Все мы получаем по три жетона в неделю. Я скопила почти двадцать: если ходить сюда в одиночку, рискуешь сильно, а дополнительных калорий получаешь немного. Разве что несколько дней подряд тебе исключительно не везло в столовой и ты начинаешь страдать от головокружения и плохо соображать.

Разумеется, никакого выбора нет - что выпадет, то и бери. Еда из автоматов редко бывает зараженной, потому что она вся упакована, но обычно она просроченная, а иногда в буквальном смысле столетней давности. Как-то раз мне достался военный паек времен Первой мировой. Я пришла в тот день в буфет, потому что у меня реально кружилась голова; я так проголодалась, что открыла пакет, но всё равно не рискнула съесть ничего, кроме галеты - я имею в виду классический сухарь, какими запасаются для кругосветных плаваний. Сегодня я получила пакетик дешевых чипсов, пачку поломанного арахисового печенья и ценный приз - шоколадный батончик, у которого срок годности истек всего лишь три года назад. Лю достались пакетик соленой лакрицы (невъразимо мерзкой, но ребята-скандинавы за нее буквально душу продадут), тоже чипсы и сомнительная баночка консервов. Аадхье выпала маленькая упаковка халвы, абсолютно свежий онигири с лососем (изготовленный тем же утром, прямо чудо) и целая банка пасты из каштанов, такая большая, что весь автомат аж загремел, когда она выкатилась.

- Сейчас попробую добыть что-нибудь, на что это можно намазать, - сказала я.

Когда тратишь жетон, который некоторое время приберегала, обычно получаешь что-то на диво хорошее (или, наоборот, исключительную гадость). На сей раз мне повезло – выпал чудесный оранжевый пакет овсяного печенья.

Мы взяли стаканчики с чуть теплыми чаем и кофе и отправились к Аадхье, чтобы поделить добычу. Она отвела немного глаза от лампы и соорудила маленькую горелку – на ней мы в алхимической чашке сварили мясо. Пока оно готовилось, мы слопали онигири, а потом принялись за овсяное печенье с каштановой пастой, халву и поломанные арахисовые крекеры. Когда мясо как следует сварилось, мы съели его с чипсами и завершили наш пир кусочками шоколадного батончика. Аадхья села за стол и принялась мастерить корпус лютни, а мы с Лю устроились на кровати и взялись за контрольные.

Мы почти не разговаривали – было некогда. Тем не менее мы сказали достаточно и пожали друг другу руки. Пока мясо варилось, я сходила к себе и принесла каждой по кристаллу. Когда мы покончили с уроками, я вновь принялась за вязание, а Лю села на пол и занялась йогой. Аадхья разгадывала sudoku. Когда прозвенел первый звонок к отбою, мы вместе ходили в душ, а затем написали на стене между душевыми наши имена. Лю записала их китайскими иероглифами, а я – на хинди и по-английски. До этого свои записи успели оставить только три союза, и все это были какие-то незнакомые ребята. На обратном пути Лю подождала у двери, пока я не зашла к себе; потом мы обе подождали, пока до своей комнаты не дошла Аадхья. Мы помахали друг другу и легли спать.

Я спала очень хорошо. Обычно я не помню снов – возможно, это к лучшему, учитывая ситуацию, – но утром я проснулась незадолго до звонка, и в полудреме меня посетило смутное видение. Я увидела маму, которая сидела в лесу. Ее взгляд был полон тревоги. Я сказала:

– Все хорошо, мам, я не вступаю в анклав. Ты была права.

Я произнесла это спокойно, потому что не хотела ее волновать, но она все-таки волновалась, и протягивала ко мне руки, и беззвучно шевелила губами, пытаясь что-то сказать.

– Мама, у меня есть друзья. Аадхья, Лю и Орион. Я не одна.

И тут картинка расплылась, и я улыбнулась, да так и проснулась улыбаясь. С тем, кто находится в школе, общаться невозможно: если пройдет письмо-заклинание – значит, смогут пролезть и какие-нибудь злыдни, поэтому я сомневалась, что в самом деле видела маму, но очень на это надеялась. Я хотела, чтобы она была в курсе.

Не то чтобы я внезапно возлюбила весь мир: вернувшись к себе после душа, я увидела Хлою, которая выходила из своей комнаты, и снова разозлилась. Ориона не было на месте встречи, и Ибрагим сказал, что не видел его утром в душевой. Я знала, точно знала, что не собираюсь его ждать... а потом, бурля негодованием, сказала Аадхье и Лю: «Займите нам два места, ладно?», подошла к двери Ориона и громко постучала. Послышались тяжелые шаги, и он открыл без малейших предосторожностей, полуголый и растрепанный, и моргнул, глядя на меня туманно и устало.

- Пошли, Лейк, завтрак сам себя не съест, - сказала я, и он что-то несвязно пробормотал в ответ, повернулся, сунул ноги в кеды, подобрал с пола футболку, бросил - спереди было огромное синее пятно, - взял другую, кое-как натянул ее и заковылял к уборной. - Ты что, что-то принял? - спросила я с любопытством, когда мы наконец направились к лестнице; пришлось перехватить Ориона и подтолкнуть в спину, чтобы он повернул куда надо, после того как сам он попытался зайти сначала в лабораторию, а потом на этаж, где находились дортуары среднеклассников.

Составлять легкие магические вещества - довольно популярное развлечение у ребят, занимающихся алхимией, но Орион сказал уязвленным тоном, будто я его оскорбила:

- Нет! Я плохо спал. - И в знак подтверждения зевнул так широко, что чуть не вывихнул челюсть.

- Ну ладно, - скептически отозвалась я. Мы все смирились с постоянным недосыпом еще к концу младшего класса (а те, кто не сумел к нему привыкнуть, отсеялись). - Слишком много подвигов? Иди сядь с Аадхьей и Лю, а я возьму тебе поднос.

Я сама не особенно хотела есть после нашей вчерашней оргии, поэтому взяла себе овсянки, а Ориону отдала сэндвич с ветчиной и яйцом. Но его пришлось толкнуть, чтобы привести в чувство, и ел он с полужакрытыми глазами, и даже не отозвался, когда Ибрагим обратился к нему с вопросом. И снова опустил голову, как только дожевал сэндвич.

Мы с Аадхьей обсуждали презентацию, которую я собиралась устроить сегодня в мастерской; взглянув на Ориона, она замолчала, а потом спросила:

- Ну и что с ним?

Я пожала плечами:

- Сказал, что просто не спал.

К счастью, первым уроком у Ориона были иностранные языки, поэтому я проводила его в класс и усадила в кабинку рядом с собой. Орион сразу же опустил голову на стол и заснул под сладкое воркование голосов, поющих по-французски о лютой смерти. На столе у него лежал один-единственный лист с заданиями, сушая ерунда, я все сделала сама. К концу урока Ориону вроде немного полегчало.

- Спасибо, - промямлил он, увидев готовые задания, отнес к щели оба наших листка и сумел запихнуть их внутрь, не лишившись пальцев.

- Не за что, - сказала я. - Ты оклемаешься к следующему уроку?

- Ну... да, - ответил он без особой уверенности.

- Тебя проводить? - спросила я, внимательно глядя на него.

- Нет, не надо... Что ты вообще делаешь?! - выпалил он.

- А что?

- Почему ты такая вежливая? - поинтересовался Орион. - Ты на меня обиделась?

- Нет! - помотала я головой и уже собиралась сообщить, что я приличный человек и умею вести себя вежливо, хотя бы иногда, и это вовсе не значит, что я обижена. А потом поняла, что, возможно, Орион прав, только злилась я не на него, а на его бестолковых дружков по анклаву - его я жалела. И это бесило меня саму.

- Я имею право иногда быть в хорошем настроении, или сначала нужно спросить разрешения у правительства? - отгрызнулась я. - Можешь хоть в мусоропровод залезть, если хочешь. Я пошла в мастерскую.

Он явно обрадовался, когда я ушла.

В мастерской в канун выпуска не очень-то приятно, и сегодняшний день не был исключением: пол дрожал каждые пятнадцать минут, и стояла такая жара, что парни снимали футболки. Почти все уже закончили свои зачетные проекты, и в обычное время в мастерской было бы малоллюдно, но ради моей презентации собралась целая толпа. Аадхья всех рассадил так, чтобы было лучше видно, отдав предпочтение выпускникам: она очень хотела заполучить пятерых выпускников в качестве топовых покупателей, а потом провести второй аукцион после окончания семестра, когда выпускники уйдут.

Тем временем я осторожно и не без усилий - легкая боль тому способствовала - проделала несколько упражнений, чтобы собрать ману, и взяла доску, с которой собиралась работать. Чтобы не тратить силы зря, я решила приступить к изготовлению шкатулки, которую обещала сутрам. Шкатулка должна была получиться небольшой, всего на одну книгу: во-первых, чтобы показать сутрам, как они мне дороги, а во-вторых, чтобы с легкостью вынести ее из выпускного зала на следующий год. Мы с Аадхьей сделали чертеж: вместилище в форме книги, только из дерева. Аадхья дала мне отличный кусок амарантового дерева, чтобы сделать корешок.

- Я применю это заклинание, чтобы превратить лигнин в доске в жидкость - тогда можно будет ее изогнуть, - сказала я собравшимся и передала доску по кругу, чтобы все убедились, что она настоящая: идеально прямой, твердый кусок дерева толщиной в палец.

Когда деревяшка вернулась ко мне, я взяла ее в руки, представила то, что хотела, и прочла заклинание. Аадхья объяснила, что лигнин - это вещество в стенках клеток, которое придает им твердость, и, наверное, его было совсем немного, но я все равно удивилась, обнаружив, как мало маны потребовалось для заклинания. Оно не взяло и половины того, что я собрала, - а деревяшка в моих руках стала гибкой. Я согнула доску о широкую стальную трубку и закрепила, а потом с помощью заклинания снова сделала лигнин твердым. Когда мы с Аадхьей отвязали деревяшку, она осталась аккуратно изогнутой, как раз по размеру корешка книги. Процесс занял всего пару минут.

Все взволнованно бормотали, пока изогнутая дощечка ходила по рукам. В качестве второго примера Аадхья, используя гравировочный инструмент,

вырезала на дощечке маленький узор, затем достала серебро из своих запасов и сделала крошечный конус. Я превратила серебро в жидкость, и она влила его в узор. Я даже немного поэкспериментировала, решив сделать серебро твердым в тот самый момент, когда оно вливалось в вырезанные линии, чтобы не перетекло через край. Получилось идеально.

Нас попросили показать еще что-нибудь, и я не видела причин отказывать – у меня еще осталось немного маны. Мы с Аадхьей поспорили, что лучше сделать, и одна выпускница-алхимик вдруг предложила превратить в жидкость немного азота из окружающего воздуха. Это могло быть очень полезно, хотя мы сами не знали, что потом случится с азотом – разве он не испарится мгновенно? Но идея всем понравилась, и двое ребят из выпускного класса вызвались достать с высокой полки у стены одну из металлических канистр, если мы разрешим им забрать то, что останется внутри после опыта. Я согласилась: это по-честному, раз уж они рискнули лезть под потолок, не зная, будет ли какой-нибудь результат.

Первый влез на верстак – и тут начался очередной приступ скрежета и вибрации, только на сей раз он все не прекращался, а, наоборот, усиливался, почти как в день выпуска. Со стен и со шкафов начали падать вещи, даже стулья повалились. Парень, стоящий на верстаке, присел, чтобы не потерять равновесия, и спрыгнул, ухватившись за руку приятеля – как раз вовремя, потому что на верстак с грохотом рухнули три канистры. Одна открылась – и на пол вывалилась шевелящаяся масса личинок-сталегризов.

Но мы и так уже бежали к дверям. К счастью, я не снимала с себя слинг с книгой. По пути я прихватила только что сделанный корешок шкатулки, и мы с Аадхьей вывалились в коридор вместе с толпой. Все кинулись к лестнице. Забраться повыше – разумный поступок, когда внизу какие-то нелады; и конечно, я увидела Ориона, который пробежал мимо нас, направляясь вниз. Под нами находился этаж выпускников, а лестница была той самой, которая выходила прямо в выпускной зал.

– Лейк, debil, беги наверх! – закричала я, но он исчез, даже не замедлив шага. Я стиснула зубы и взглянула на Аадхью, а она на меня; затем я мрачно сказала «Подержи» и сняла с себя слинг.

– С ним все будет в порядке! – сказала Аадхья, но все-таки взяла слинг. И кусок амарантового дерева тоже.

– Нет, не будет, потому что я разобью ему башку кирпичом, – ответила я, выбралась из бегущей наверх толпы и устремилась за Орионом.

Скрежет казался гораздо громче, когда я осталась одна; стены вокруг вибрировали и гудели.

– Орион! – закричала я, но его не было видно, и, скорее всего, он меня не услышал.

Я медленно и осторожно пошла вниз – не будучи благородной героиней, я не обладала неисчерпаемым запасом маны и интеллектом неструганого бревна. Никто не проходил мимо меня – был разгар учебного дня, и в конце семестра выпускники обычно возвращались в свои дортуары только к отбою. Скрежет

еще усилился, когда я миновала площадку на их этаже; шум явственно доносился снизу, и я не сомневалась, что, идя на звук, найду Ориона.

Я уже почти добралась до следующего поворота, когда он вылетел спиной навстречу мне – вылетел в буквальном смысле: что-то его швырнуло. Он врезался в стену и, упав почти у самых моих ног и хватая ртом воздух, недоуменно уставился на меня. И тут из-за угла вылезло огромное прозрачное щупальце и потянулось к нему. Орион сел и полоснул по щупальцу тонким металлическим прутом, который сжимал в руке. Если хотите представить себе эффект, возьмите огромную миску с желе, осторожно прижмите к поверхности зубочистку и уберите. Если след не исчезнет через секунду – значит, вы круче Ориона.

Он ошалело посмотрел на прут – похоже, это был какой-то артефакт, который не сработал. Щупальце в ответ потянулось прямо к его руке. Я коснулась гада кончиком левого мизинца и ударила электрическим разрядом (это заклинание дала мне Нкойо). Щупальце отдернулось – настолько, что я успела схватить Ориона за руку, поднять его и втащить на несколько ступенек. Он тут же начал сопротивляться:

– Нет, я должен...

– Хочешь, чтобы тебе мозги вышибли о стенку?! – зарычала я и заставила его пригнуться, когда над нашими головами мелькнуло щупальце.

– Алюме! – воскликнул он – и прут вспыхнул ослепительным белым пламенем. Я чуть не спалила ресницы, споткнулась, плюхнулась на пятую точку и съехала по лестнице до следующей площадки, откуда открывался прекрасный вид на ужасную массу извивающихся желеобразных щупалец. Они цеплялись за все подряд – за перила, за вентиляционные люки – и отчаянно напрягались, силясь проташить туловище злыдня сквозь крошечное, размером с таракана, отверстие в нижнем углу лестницы. То есть тварь успешно пыталась разворотить лестницу. Я совершенно не помнила по чертежам, что находится по ту сторону лестничной клетки, но по эту сторону сейчас находился крупный злыдень, а значит, каким-то образом твари пробились сюда из выпускного зала, невзирая на все защиты и заслоны по пути, и лестница была последней линией обороны. Если этот злыдень проложит себе дорогу в школу – за ним последуют его дружки, и тогда выпуск начнется раньше срока. С той разницей, что выпускной зал не будет изолирован от остальной школы и сторающие от нетерпения чудовища набросятся на всех учеников.

Пережив несколько секунд чистой, беспримесной боли, я заметила пятна, усеивающие подножие лестницы, и завопила: «Стой, подожди!» – но было слишком поздно: Орион отрубил щупальце, которое колотило его по голове. Огромный обрубок, шипя, упал на пол, а остальное втянулось обратно в общую массу; культя вдавилась в середину, превратилась в бугорок и изящно разделилась на четыре щупальца, каждое из которых сразу же приобрело размеры исходной конечности – и все они немедленно принялись цепляться за что попало.

Орион подковылял ко мне и помог встать.

– Уходи отсюда! – велел он, явно намереваясь броситься в бой.

Я схватила его за волосы и рванула.

- Ой! - закричал он и чуть не оттяпал мне руку огненным мечом. - Что ты..

- Это троглер, ты, идиот! - заорала я.

- Нет, это гидр... Блин! Да, это троглер... - отозвался Орион и несколько секунд просто стоял открыв рот.

Впрочем, троглер не обращал на нас внимания - он упрямо старался открыть заманчивую коробку с закусками для себя и своих дружков из выпускного зала.

- Почему ты еще жив? - с горечью спросила я.

Я невольно признала, что Орион имел право ошибиться: троглер был таким огромным, что мы сразу не разглядели ни тонких розовых нитей, идущих вдоль середины каждого щупальца, ни большого красного узла где-то в центре этой массы. Скорее всего, тварь сломала уже тысячу щупалец, колотя ими обо что попало, задолго до того, как Орион сюда спустился. Троглеры не отличаются терпением и рассудительностью, но, видимо, сильный голод - хорошая мотивация.

- Ну?

- Я думаю, - откликнулся Орион.

- О чем? Заморозь его, и всё!

- У меня нет хорошего морозильного заклинания!

- Как это нет? - спросила я, гневно глядя на него. - Ты же из Нью-Йорка!

- Я не могу вытягивать ману из замороженных злыдней... - пробормотал он с виноватым видом.

Вся лестница задрожала.

- Плевать! - крикнула я. - Вытянешь из следующего!

- ...поэтому я ни одного не выучил!

- Великая мать-богиня! - Я постаралась вложить в эти слова максимум искреннего отвращения. Потом я схватила кристалл и начала рисовать в своей голове картинку, одновременно подключаясь к заметно истощившемуся запасу маны. В мастерской та девушка из выпускного класса объяснила, что азот составляет почти половину воздуха, поэтому я представила, как он сгущается, превращаясь в твердый панцирь вокруг троглера.

- Что ты делаешь? - спросил Орион.

Я не обращала на него никакого внимания; рана на животе адски болела после падения с лестницы - так, что на глаза наворачивались слезы, разбитый локоть и ободранное колено тоже жгло, и приходилось тратить уйму

сил, чтобы не отвлекаться. Орион решил, что не стоит со мной возиться, и, сбегав вниз по лестнице, начал хватать щупальца одно за другим, отрывая их от того, за что они цеплялись, и накладывать на них связывающие заклинания. Он пытался сдвинуть всю тварь в шар, а она выпучивалась то туда, то сюда как гигантская разгневанная амеба.

- Я готова! - прохрипела я.

- Что? - Орион вдавил в общую массу еще одно щупальце.

- Отойди! - крикнула я, скрипя зубами.

Орион взглянул на меня - и тут одно щупальце умудрилось наполовину высвободиться и стукнуло его так, что он отлетел до середины лестницы. Очень хорошо - и по заслугам. Я пропела фазовое заклинание и попыталась сделать азот в своем воображении жидким.

Наверное, у меня получилось, поскольку мана внезапно исчезла - половина кристалла, наполненного с таким трудом, враз опустела. Похоже, азот все-таки мгновенно испарился, потому что никакого заметного эффекта не было, кроме тихого шипения охлажденного воздуха. Ну и одной мелкой детали: кожа гроглера мгновенно замерзла и сразу потрескалась как поверхность пруда весной. Тварь рухнула на пол и превратилась в гигантскую лужу, которая с бульканьем стекла в решетку внизу лестницы, на несколько секунд превратившись в водоворот. Единственное, что осталось, - крошечное центральное щупальце, которое исходно и проникло в щель в углу как побег бамбука. Классическая иллюстрация к третьей главе учебника для младшего класса - радужное желе с ярко-розовой жилкой в середине. Оно втянулось обратно в дыру как всосанное спагетти.

Орион сел.

- Ха! - воскликнул он таким тоном, словно сам убил гроглера, и торжествующе взглянул на меня.

- Лейк, я ненавижу тебя так, что слов не хватает, - с яростью сказала я, тоже села, прислонилась к стене и прижала руки к ноющему животу.

Чуть смутившись, Орион поднялся, залепил дырку в стене какой-то мастикой и быстренько произнес заклинание починки, после чего попытался взять меня на руки, чтобы понести. Я бросила на него убийственный взгляд, и он просто помог мне встать.

И после всего этого Орион снова принялся зевать, еще до того как мы добрались до первой площадки, словно ему не досталось ни капли адреналина. Я чуть не умирала от боли - и то чувствовала себя в десять раз бодрее, чем он. Ковыляя вверх по лестнице, я окинула Ориона взглядом:

- Почему ты такой дохлый? Тебя что, мучают кошмары или... - Я догадалась сама, прежде чем он успел бросить на меня виноватый взгляд: - Придурок, ты не спишь, потому что караулишь по ночам?! Потому что твоя никчемная кровожадная шайка скулит и просит помощи?

Орион избегал моего взгляда.

- Тод был прав, - произнес он.

- В чем?

- Проблема не в одном гроглере. Они, похоже, проделали дыру в защите и теперь пытаются пролезть в школу. Ночью еще хуже. Я уже семь раз чинил эту стенку...

- ...и не спал пятьдесят пять часов. Теперь понятно, почему ты целых десять минут обрубал щупальца у гроглера.

- Он был вдвое больше любого нормального гроглера! - возразил Орион. - Я думал, это злыдень класса гидр.

- Естественная ошибка, пока не отрубишь первое щупальце, - сказала я. - А ты сколько отрубил - семь? И еще держался, когда я пришла. Если бы гроглер разворотил лестницу, тебе бы точно понадобился помощник.

Орион стянул губы в нитку, и я почувствовала, что он весь напрягся от желания немедленно уйти - вероятно, он бы так и поступил, но ему бы пришлось тащить меня за собой.

- Какова цель? Выйти отсюда в блеске славы не получится, если ты погибнешь в самом начале.

- Может, замолчишь? Слава меня не волнует! - ответил он. - Просто... это все из-за меня. Ты сама сказала. Я нарушил принцип равновесия и...

- А, ты готов принять базовые законы реальности, - кивнула я. - Заткнись, Лейк. Все знают, что ты ничего не получаешь задаром. Твои дружки не жаловались, когда ты их спасал, верно?

- Кроме тебя, - сухо отозвался он.

- И я буду гордиться этим, когда в выпускном зале на меня накинется толпа злыдней! Ты как мог изображал рыцаря на белом коне целых три года. И последствия нельзя исправить, если продолжать в том же духе, да еще немножко поднажать. Это и есть принцип равновесия.

- Ну, ты меня убедила. Тогда, наверное, я пойду вздремну. Так будет лучше, - сказал Орион саркастически.

Я гневно взглянула на него:

- Хочешь помочь гроглеру?

Орион насупился. И опять зевнул.

Выпускники

Когда мы вернулись наверх, обед уже почти закончился. Все были в столовой, как обычно, несмотря на панику в мастерской: мало что способно оторвать учеников от трапезы. Тем более что скрежет и вибрации прекратились. Аадхья и Лю заняли нам места и даже оставили немного еды на подносах, хоть им и пришлось сидеть за почти пустым столом. Держать два места для людей, которые не явились в столовую до закрытия раздачи, – это много значит, особенно когда внизу потенциальная угроза. Мне пришлось неохотно поблагодарить Ибрагима, который остался с Аадхьей и Лю после того, как большинство его друзей извинились и отправились за другие столы. Но он быстро исправился.

– Да это не мог быть обычный гроглер, – бодро заявил он, выслушав нас. – Это, наверное, какой-то новый гад. – Иначе Ибрагиму пришлось бы признать, что его дорогой Орион сделал глупую ошибку.

Будь у меня лишняя еда – и силы, – я бы в него запустила чем-нибудь. Но пока мне было слишком больно.

К счастью, за столом сидели люди со здравым смыслом, которые сосредоточились на более важных вопросах.

– А как ты залатал дырку на лестнице? – спросила Аадхья. – Просто заклинанием починки?

– Да, – устало ответил Орион. – И замазкой по папиному рецепту. – Он перестал жевать, достал комоч замазки и показал ей.

Аадхья взяла кусочек, растянула его, поднесла к свету, потом положила на стол, покатала, помяла, сделала колбаску и вернула Ориону:

– Не обижайся, это отличная штука, но самая обыкновенная. И ты уже несколько раз чинил ею стенку? – Она покачала головой. – Она наверняка не выдержит вращения. Если честно, я боюсь, что она отвалится, как только в воскресенье включится механизм нижнего яруса.

– Мы не доживем до воскресенья, если злыдни будут переть снизу, – пробормотала я, ковыряясь в пюре. Я уже всерьез раздумывала, не слизать ли его как мороженое, вместо того чтобы тянуться за ним ложкой, а затем нести ее ко рту. – Нам нужно удержать их внизу, чтобы как следует заделать дыру. Потребуется огромное количество людей, которые помогут собрать для этого ману...

– Помнишь, как рвануло в лаборатории? – тут же спросил Ибрагим у Ориона через мою голову. – Надо сделать объявление и набрать желающих – тогда маны хватит залатать дыру.

Я сказала, не двигаясь и не меняя интонаций:

- Ибрагим, я приду, когда ты будешь спать, и выпущу тебе кишки.

Он дернулся.

- Нет, - сказала Лю. И при звуках ее голоса я даже приподняла голову. - Нельзя, чтобы выпускники об этом узнали.

- О чем? - спросил Орион, а я поставила локти на стол и закрыла руками лицо.

Лю, конечно, права. Выпускники не станут нам помогать. Если дыра распахнется до того, как наглухо закроются двери в дортуары выпускников, из лакомых кусочков они превратятся в самые черствые и залежалые блюда в меню. Если выпускники узнают, что такая возможность есть, что защита настолько ослабела, они, возможно, сами пойдут вниз и начнут ломать стену. Ну и что, если остальные окажутся брошены на поживу волкам? Они оправдают себя, как Тод: это же понятно, у них нет выбора, во всем виноват Орион. И им даже необязательно долбить стенку всей толпой. Хватит и нескольких человек.

Мы прекрасно это понимали. Даже до Ориона, совершенно измотанного, спустя некоторое время дошло; он перестал есть и ссутулился. Минут десять мы не произносили ни слова, пока не прозвенел звонок для выпускников. Когда они вышли из столовой, я спросила:

- И как мы это сделаем? Сколько нужно рук, чтобы справиться?

В итоге мы договорились лишь до того, что надо превратить железную стену в стальную.

- Я признаю, что идея безумная, но и ситуация не фонтан, - сказала Аадхья, пытаясь нас подбодрить. - Предлагаю пойти вниз с переносным тиглем и запасом угля. Мы разожем тигель, а Эль с помощью фазового заклинания растопит немножко железа на поврежденной стене, совсем чуть-чуть, с монетку, чтобы ничего опасного с той стороны не пролезло. У меня есть заклинание, которое позволяет соединить уголь с железом, чтобы оно превратилось в сталь. Когда мы расплавим железо, я его произнесу, а потом Эль снова вернет ему твердость. Главное - чтоб получился непрерывный цикл, как с серебром на презентации, - добавила она, обратившись ко мне. - А если какая-нибудь тварь проберется через дырочку, Орион ею займется.

Это был грандиозный план - и нам ничего больше не оставалось, разве что по кускам сделать в мастерской новые стены, переташить их вниз и убедить злыдней сидеть внутри, пока мы будем заниматься ремонтом. А до того - попросить всех выпускников не ходить в мастерскую следующие три дня, когда там будет трудиться десяток учеников, специализирующихся на алхимии.

- Сколько маны на это уйдет? - спросил Ибрагим.

- Много, - сказала я. - Заклинание фазового контроля само по себе невероятно дешевое, но не даровое. Растопить целую железную стену - это не то что справиться с крошечным кусочком серебра или извлечь из доски

один-единственный элемент. К счастью, у нас есть решение. – Я повернулась и многозначительно взглянула на Ориона.

Он моргнул.

– Я не знаю, хватит ли там злыдней, чтобы все время подкармливать вас маной.

– Возьми ее из общего запаса. Ты постоянно пополняешь хранилище анклава, и никто не будет возражать.

– Ну... я спрошу у Магнуса...

– Подожди, что? – перебила я. – С какой стати ты должен спрашивать?

Орион неловко помолчал, потом сглотнул и выговорил:

– Я не... мне трудно за этим следить... если у меня будет неограниченный доступ к запасу маны, я ее всю истрачу. Поэтому от меня поставили замок. – Он пытался говорить небрежным тоном, но прятал глаза.

Мы молчали. На лице Ибрагима был откровенный ужас. Он, видимо, вдруг понял, что его кумир слаб. Орион Лейк, не умеющий контролировать ману и лишенный доступа к запасу собственного анклава! Это... ну... все равно что постоянно писаться и ходить в подгузнике.

Правда, его скорее заставили ходить в подгузниках и постоянно писаться, чтобы остальные могли и дальше пользоваться маной, которую Орион вливал в общий запас – каждый раз, когда он убивал очередного злыдня, эти жадные сволочи выдаивали из него струйки силы. Мне захотелось сорвать с руки Ориона разделитель, пойти к Хлое и сказать, что правильно Орион плевать на них хотел, что мы справимся сами и я заберу его к себе в Уэльс, когда мы отсюда выберемся, а все волшебники Нью-Йорка пускай горят синим пламенем.

От гнева я утратила дар речи. И, к сожалению, опять недооценила Ибрагима. Он первым нарушил молчание:

– Но... разве не ты... я слышал, ты берешь ману у злыдней...

Орион пожал плечами, ни на кого не глядя:

– Все вкладывают ману в общий запас. Ничего особенного. Я могу взять немножко, если понадобится.

– Но... – начал Ибрагим.

– Потом, – перебила я.

Он посмотрел на меня и по выражению моего лица, полагаю, понял, что да, это чушь, которую я не собиралась терпеть больше ни секунды, раз уж в пределах нескольких дней нам грозит еще более внезапная и неприятная смерть, чем обычно.

Он молчал – и я сказала Ориону:

– Магнус тут ни при чем. Поговорим с Хлоей.

Хлоя оказала нам неоценимую помощь, спросив:

– Послушайте, почему бы просто не оставить заявку на ремонт?

Понимаете, для нее это было совершенно логично. Орион потер лицо и смущенно взглянул на меня, типа – ой, почему же он сам не додумался. Мы с Хлоей некоторое время смотрели друг на друга с одинаковым выражением «Ну ты и дура», а потом я спросила:

– И тебе это норм?

– В смысле? – удивилась Хлоя. – Ну конечно. Я все время оставляю заявки.

Ну разумеется. Форма заявки на ремонт, которую я не удосуживалась заполнять со второго полугодия младшего класса, имеет строчку, где надо написать имя. Я-то думала, что все заявки просто отправляются в мусорное ведро, а починка распределяется между учениками хаотичным и злоехидным образом. Но тут до меня дошло, что листочки оказываются в каком-то ящике в скрытом техническом помещении, о котором знают только ребята, занимающиеся ремонтом, и они выбирают оттуда заявки, оставленные, например, нью-йоркским анклавом. Честно говоря, удивляться этому совсем не стоило.

Я продолжила:

– Допустим, но ты хоть раз оставляла заявку накануне выпуска?

– Нет! – ответила Хлоя оскорбленным тоном. – Я знаю, что нельзя подавать лишние заявки в середине семестра и во время экзаменов. Но сейчас ситуация просто опасная!

– Да уж, – сказала я. – И особенно опасной она будет для тех, кто пойдет вниз это чинить. Сомневаюсь, что ты уговоришь наших техников. Они уделят полчаса, чтобы починить тебе настольную лампу, Расмуссен, но не захотят иметь дело с выпускными злыднями только потому, что ты вежливо попросишь. Не говоря уж о том, что технические задания, скорее всего, распределяют сами выпускники. Так ты поможешь нам или нет?

И Хлоя согласилась, тем более после того, как я намекнула на вклад Ориона в нью-йоркский запас маны, – думаю, мои реплики выразили всю силу моего желания забрать у Ориона разделитель и запустить им ей в голову. Наконец она сказала что-то полезное:

– Может, сначала попробуем вот так? – И не важно, что в ее словах сквозила нелестная уверенность в том, что нам самим справиться не хватит ума.

Она хотела позвать полдюжину других ньюйоркцев, включая Магнуса, у которых были близкие друзья среди выпускников, но согласилась немного подождать, когда мы решили сделать пробу. Наверное, она думала, что у нас ничего не получится и нам в конце концов придется ей подчиниться. Каковы бы ни были ее мотивы, я обрадовалась возможности попрактиковаться – лишь бы она поделилась маной.

Мы собрались в мастерской на следующий день, и Хлоя дала нам с Аадхьей по разделителю. Надев его на руку, я попробовала подключиться – и тут же ощутила струйку маны: ощущение было как от шланга, опущенного в Атлантический океан. Я уже знала, что у членов анклавов есть доступ к огромному количеству маны, но понятия не имела, каковы его масштабы. Я могла бы стереть с лица земли город-другой без особого ущерба для общего запаса. Мне тут же захотелось присосаться к нему с такой силой, словно у меня у самой не было никакого базового контроля. И я невольно подумала, что несколько хороших глотков могли бы наполнить все мои кристаллы, и даже вдвое больше.

Орион, с обычной осторожностью, отправился к ящикам с материалами, чтобы принести все необходимое. Сегодня утром он был относительно адекватен; накануне я загнала его спать пораньше, на том основании, что все, кого не сожрут за ночь, будут сожраны вместе с остальными учениками в воскресенье, если ему не хватит сил прикрыть нас от злыдней.

– И все-таки я думаю, что нужно собрать побольше народу, – сказала Хлоя, нервно оглядываясь.

В мастерской было пусто: после вчерашнего ажиотажа никто не рисковал сюда спускаться, разве что в случае крайней необходимости. Я вообще сомневаюсь, что Хлоя хоть раз оказывалась в мастерской в обществе меньше чем десяти человек. Ибрагим и Лю пошли с нами, чтобы покараулить: Лю стояла на страже, а Ибрагим таскался за Орионом по классу, пытаясь с ним заговорить – и всё.

– Готова? – спросила я Аадхью, не обращая внимания на Хлою, потом произнесла фазовое заклинание и перевела в жидкую форму несколько сантиметров стального бруска, с которым мы экспериментировали, – видимо, он остался от какого-то неудавшегося проекта. У Аадхьи был наготове разогретый тигель; как только металл потек, она свободной рукой насыпала ровным слоем сажу и сосредоточенно наморщилась, заставляя оба вещества слиться. Затем, быстро кивнув мне, она наклонила тигель, и я вернула металлу твердость.

И он застыл. Ну, почти. Капля металла упала на поверхность верстака, яростно зашипела, прожгла дыру насквозь, упала на полку внизу, проделала отверстие в стопке стеклянных панелей, подожгла прикрывающий их брезент, продырявила вторую полку, упала на пол, прожгла его – и исчезла.

Послышались вопли – возможно, я их и издавала, – а потом Аадхья схватила четыре порошка, о которых просила Ориона, быстренько смешала их и высыпала на весело распространяющееся пламя. Как только оно погасло, мы струдились кучкой и нервно устали на дырку. Она насквозь проходила сквозь пол, оказавшийся уютно тонким. В темноте внизу – во всяком случае, с безопасного расстояния – мне удалось рассмотреть какую-то

проржавевшую трубу, окруженную четырьмя старинными склянками – из тех, что попадают только в музеях: они вращались, непрерывно вливая по каплям какие-то субстанции в отверстие наверху трубы.

– Как ты думаешь, отсюда не пролезут злыдни? – спросил Ибрагим.

– Сейчас заделаем, и не придется выяснять, – сказала Аадхья. – Орион, дай еще...

И тут мы все с запозданием поняли, что Орион ничего не даст, поскольку он от нас отделился – он на пороге сражался со слизепауком, который явился на наш крик с мечтой в сердце, ну или в желудке.

– Что? – спросил Орион, слегка запыхавшись, после того как выбросил останки паука в коридор: тот пытался вырваться из его хватки, сбросив шкуру, однако Орион ухватился за нее, завернул твари на голову, завязал узлом и держал так, пока паук не задохнулся. Слизепауков полагается убивать иначе, но у Ориона получилось.

Хорошо, что мы потренировались. Мне понадобилось несколько попыток, чтобы понять, как убедить металл обрести настоящую твердость, не говоря уж о нужной форме, но даже после этого у меня никак не получалось. Я больше не прожигала дыры в полу, но к поверхности верстака прочно прилип десяток уродливых комков металла, совершенно не походивших на сталь.

Хлоя вдруг спросила:

– Слушай, если это сталь, разве ее не надо складывать?

Оказалось, ее отец – мастер; так они и познакомились с отцом Ориона. Аадхья заглянула в справочник по металлургии, который принесла с собой, и оказалось, что Хлоя права.

– Ага, значит, представь, что конечная форма создается из одного тонкого слоя, который складывается как слоеное тесто. Это не монолитный брусок.

В результате я получила субстанцию, которая казалась более или менее правильной. Но нам с Аадхьей стало еще труднее добиться нужного ритма, чтобы железо превращалось в сталь в ходе непрерывного процесса. Примерно половина бруска превратилась в аккуратные отрезки длиной два-три сантиметра, разбросанные по всему столу.

А потом мы набрали скорость и превратили сантиметров пятнадцать подряд без остановки, и внезапно стало легко, совсем легко, как с деревом или серебром. Аадхья даже рассмеялась.

– О боже, как замечательно! – сказала она, взяв брусок наполовину из новенькой яркой блестящей стали, наполовину из старого почерневшего железа. – Вы только посмотрите... как круто.

Я сама невольно улыбнулась, и даже Хлоя с легкой неохотой выразила удивление, когда мы собрались вокруг бруска.

– Так, значит, завтра пойдем чинить стену, – сказала я.

Мы собрали большой мешок саж, которой здесь в избытке, и отправились наверх.

Но едва мы вышли на лестничную площадку, как услышали внизу голоса. Кто мог пойти туда в середине дня, особенно после вчерашнего веселья? Орион помедлил и тихонько повернул вниз, а когда я последовала за ним, пошли и остальные, даже Хлоя – она бросала отчаянные взгляды на лестницу, ведущую наверх, но отделяться от нас не хотела.

Когда мы добрались до этажа выпускников, снизу послышались шаги, которые направлялись к нам. Я схватила Ориона за руку и стащила его с площадки; остальные последовали за мной. Мы притаились в темном коридоре, а мимо прошли трое незнакомых выпускников. Они разговаривали вполголоса.

– ...один разок хорошенько стукнуть по этим латкам... – донеслось до нас.

Продолжения было уже не нужно.

– Есть отличная идея: давайте чинить стену прямо сейчас, – сказала Аадхья, как только шаги затихли.

– Да. Точно, – тихо согласился Ибрагим, а остальные закивали. – Сейчас самое подходящее время.

– Можете взять ману из общего запаса, чтобы отработать пропущенный урок, – великодушно сказала Хлоя.

Мы спустились к подножию лестницы и принялись за дело. Выпускники уже поковыряли заплатки, наложенные Орионом, проверяя их на прочность. Но и без того на стене виднелись трещины и выпуклости, как будто что-то колотило по ней с другой стороны.

Аадхья разожгла тигель, взяла пригоршню саж, и я принялась за дело: железо в тигель – сталь из тигля. Я не сбивалась с ритма; процесс шел так же гладко, как в мастерской. Я дошла уже до середины стены, когда Аадхья сказала:

– Простите, мне надо отдохнуть.

Обернувшись, я увидела, что ее шатает. Она поставила тигель, отряхнула руки и, шумно вдохнув, плюхнулась на ступеньку.

– Я тоже не откажусь, – призналась я и села рядом, хотя чувствовала себя нормально, только пить хотелось.

Лю протянула нам бутылку с водой – я всю ее могла бы осушить сама. Даже живот перестал болеть. До меня дошло, что, возможно, когда я вчера слегка перенапряглась, это способствовало исцелению. Мамины целительные заклинания воздействуют на тело, поэтому, если твой собственный организм начнет вырабатывать чуть больше белых кровяных телец и активней чинить пострадавшие мышцы, магия тоже подключится. Прошло немногим больше недели, и мамина повязка определенно продолжала действовать.

Новые стены разительно отличались от старых – яркие, с волнистым узором сверху донизу. Довольно красивые. Но Хлоя, сидя рядом с Ибрагимом на лестнице, хмурилась. Орион безостановочно ходил туда-сюда, вверх и вниз, проводя рукой по поверхности старых стальных панелей, покрытых буграми, и разглядывал стыки. Хлоя посмотрела на него, потом на меня и на Аадхью – лицо у нее было озадаченное, и мне показалось, что она хочет что-то сказать, но тут она обернулась и посмотрела на лестницу.

– Ребята, кажется, они возвращаются, – быстро проговорила она.

Мы все встали. Шаги над нами замедлились – тот, кто спускался по лестнице, видимо, понял, что внизу кто-то есть. Из-за поворота показалась сплоченная команда: позади двое рослых парней, готовых накладывать заклинания, впереди парень и девушка, слегка пригнувшись, со щитами, и еще одна девушка в середине, под защитой, вооруженная огненным бичом. Это универсальная штука: помимо пламени она действует кинетической энергией. Тот, кто хорошо умеет с ней обращаться, может захлестнуть противника и сжечь его дотла или просто размахивать бичом, сшибая злыдней – или людей – и расчищая путь. Перед нами стояла сильная, умно организованная выпускная команда, которая, вероятно, тренировалась не один месяц. Когда мы все вперемешку сидим в столовой и торопливо жуем, особо заметной разницы между выпускниками и остальными нет, но теперь, когда мы оказались с ними лицом к лицу, стало ясно, какая большая разница – один год.

Орион сразу же шагнул вперед. Выглядело это довольно глупо – тощенький старшеклассник, бросающий вызов боевому союзу, – но тем не менее он спросил, сжав кулаки:

– Что вам надо?

Все молчали. Не дождавись ответа, Орион кивнул:

– Ребята, лучше возвращайтесь наверх. Прямо сейчас.

– Новая сталь, – коротко произнесла девушка в первом ряду; она посмотрела поверх головы Ориона на стену. – Они меняют панели.

– Ты, кажется, Виктория из Сиэтла, да? Я Хлоя, из Нью-Йорка, – обратилась вдруг Хлоя к девушке в центре, стараясь говорить непринужденным тоном, вот только нервная дрожь портила эффект. – На лестнице дыра, через нее лезут злыдни из выпускного зала. Вот почему Тод Квейл психанул. Мы просто чиним дырку. Орион не хочет, чтобы здесь пострадал кто-нибудь еще.

Виктория из Сиэтла отмахнулась.

– Конечно, он хочет, чтобы они ждали там, внизу, и чтобы пострадали мы, – сказала она. – Эй, Орион, может, выпустишься вместе с нами и поможешь нам справиться с ордой злыдней, которых ты взбесил? Говорят, вчера ты убил троглера размером с вертолет. Не удивлюсь, если их там столько, что мы и шагу не сумеем сделать.

– И все-таки у вас будет больше шансов, чем у младшеклассников, раз уж вы решили сломать защиту и впустить сюда всю кодлу, – возразила я. – И школе

конец. Злыдни начнут гнеститься в коридорах и наверняка сломают очистительный механизм, как они это сделали внизу. Тогда смертей будет минимум вдвое больше. Никто из вас, случайно, не планирует иметь детей?

– Сначала я постараюсь до этого хотя бы дожить, – ответила Виктория. – Сейчас поднимайтесь вверх и ищите укрытие, если хотите. Мы ломаем стену.

– Нет, – сказал Орион.

– Ты думаешь, вы нам мешаете? – спросила она и щелкнула огненным бичом.

Он вспыхнул и с силой вбил Ориона в стену, а потом крепко обвил его туловище от лодыжек до шеи.

– Я его держу. Ломайте стену, а потом врежьте им чем-нибудь, – произнесла Виктория с натугой: Орион бешено бился в путах, и ей приходилось удерживать его обеими руками, но в ближайшее время он бы точно не вырвался. – Лев, у тебя крюк наготове? – спросила она.

Я заметила, что на них надеты пояса с изображением крюка: они пристегнулись несколькими пролетами выше, по прямой линии, и в ту секунду, когда стена сломалась бы, заклинение должно было выдернуть их в безопасное место, прежде чем на лестницу сыпанули бы злыдни.

– Ага, есть, – отозвался Лев, стоящий в первом ряду, и Хлоя завизжала и пригнулась, когда парни в заднем ряду начали обрушивать классические огненные разряды на пострадавшие панели; пламя расплескивалось по стенам и осыпало нас искрами.

– Орион! – завопил Ибрагим и бросился к нему.

Заслонившись щитом, он принялся тянуть бич, пытаясь его ослабить, но тот был слишком прочным – пламя прожигало щит, сводя на нет все усилия Ибрагима.

Лю что-то выкрикнула по-китайски и накрыла нас щитом – очень хорошим: он лишь гнулся от попаданий, позволяя огню стекать струйками. Правда, он был недостаточно велик, чтобы закрыть всю стену – только нас троих.

– Стена! – крикнула она. – Чините те места, по которым они бьют, пока все не рухнуло!

Аадхья взглянула на меня. С моих губ были готовы сорваться тысячи заклинаний – я могла бы убить всех пятерых одним словом или, для разнообразия, поработить разум противников и сделать их моими бессловесными рабами. Мне бы даже не пришлось прибегать для этого к малии – Хлоя пригнулась, прячась за собственным щитом, но разделитель маны по-прежнему был открыт, и энергия хлестала оттуда рекой. Я могла бы заставить выпускников починить стену вместо нас и даже вымыть после этого пол. Если бы только я смогла потом выкинуть это из головы!

– Нам придется одним заходом заменить всю стену, – мрачно сказала я Аадхье. – Давай разверни тигель пошире.

У нее глаза полезли на лоб:

- Если ты уберешь стену, что-нибудь обязательно прорвется!

- Тогда наши друзья-выпускники улетят наверх, и злым делом займется Орион, - сказала я. - У нас получится сразу сделать столько смеси, сколько надо?

Аадхья сглотнула, а потом кивнула.

- Да, потому что в процессе уменьшается... короче, да, - сказала она, оборвав объяснение, схватила тигель, быстро дернула за конец и разложила его целиком. - Готово.

Я встала, указала на стену и опустила все четыре оставшиеся панели в булькающую лужу железа.

До сих пор ничто не пыталось на нас напасть. Когда я сняла оставшиеся панели, причина стала вполне очевидной. Огненный шар, брошенный кем-то из выпускников, влетел в образовавшееся отверстие и дивной переливающейся вспышкой озарил покрытую бронированными пластинами голову аргонета, который целиком заполнил собой пространство технологического колодца на другой стороне. Глаза у него были закрыты - видимо, тварь решила вздремнуть, прежде чем снова приняться за дело. Маленький коготок, почти полметра длиной, цеплялся за лесенку. Видимо, аргонет держался за нее, поднимаясь наверх. Его голова была покрыта знакомой радужной слизью - похоже, гроглера он использовал в качестве смазки.

- О боже, - слабо произнесла Хлоя.

Аргонет приоткрыл сначала один глаз, потом шесть, а затем и все девять и, смекнув, что ужин подали пораньше, начал подбираться.

- Лев! - заорал кто-то из выпускников, и послышался резкий хлопок - крик сработал, и все как на резинке взлетели вверх по лестнице. Все пятеро, включая Викторю с огненным бичом. На мгновение он растянулся, но, видимо, Виктория продолжала на нем концентрироваться, и, вместо того чтобы лопнуть, бич заодно утащил и по-прежнему связанного Ориона, и Ибрагима, который пытался его освободить. Через несколько секунд сверху донесся приглушенный вопль - вероятно, Ибрагим отцепился и упал.

- Ставьте стену на место! - закричала Хлоя. - Ставьте стену на место! - Она развернулась и бегом бросилась вверх по лестнице.

Аадхья уже высыпала в тигель весь мешок сажи и отчаянно размешивала сплав, в то время как аргонет, просунув громадную когтистую лапу в отверстие, пытался ее схватить.

К счастью для всех нас, Хлоя не перекрыла доступ к запасу маны. Я направила руку на аргонета и произнесла сорокадевятисложное проклятие, которое использовала две тысячи лет назад группа малефицеров в Кангре, чтобы уничтожить дракона, охраняющего священный храм, - они хотели захватить храмовый запас таинственной волшебной пыли. Пыль оказалась истолченными драконьими чешуйками, и мне непонятно, отчего жрецы не

распространили эту информацию как можно шире именно для того, чтобы предотвратить бессмысленные попытки.

Аргонет, казалось, очень удивился, когда его когти начали крошиться. Вряд ли он понял, что рассыпается, поскольку упорно пытался влезть в дыру. Мое заклятье действовало быстрее, чем мог двигаться скукоженный в тесном пространстве аргонет, и к тому времени, когда он просунул в дыру голову вместо исчезнувшей лапы, оно уже дошло до шеи. Я даже успела протянуть руку и вырвать прямо из пасти шатающийся зуб размером с кулак – за секунду до того, как исчезла вся челюсть.

Аадхья и Лю подошли к краю дыры и смотрели в нее раскрыв рты. Аадхья сжимала длинную рукоятку мешалки. Линия распада спускалась все ниже и ниже вдоль тела, втиснутого в технологическую шахту, и о внутренностях аргонета мы узнали гораздо больше, чем хотели. Потом Лю ахнула: «Скорей, скорей!» – и я поняла, что она права: как только исчезнет пробка, закупоривающая бутылку...

Аадхья резко развернулась и принялась за работу. Лю стояла возле пролома, накрыв своим щитом шахту. Через несколько секунд она завопила от ужаса: небольшая стайка шриков не стала ждать, когда аргонет распадется до конца, и прогрызла себе путь прямо в его теле. Они подлетели к дыре и, ударившись о щит Лю, как воробьи, пытающиеся влететь в чисто вымытое окно, принялись с яростью долбить его радужными клювиками.

Мы ничего не могли поделать – только работать. Аадхья крикнула: «Готово!» – и, перенеся тигель к краю пролома, опрокинула его; когда жидкий металл вытек, я снова произнесла фазовое заклинание и превратила металл в сплошной массивный лист, от угла до угла.

Один шрик все-таки сумел проклеваться в щите Лю достаточно большую дырку – он протиснулся внутрь и проскочил в сужающуюся щель, оставив в шве хвостовое перо. Аадхья, еле дыша от усталости, принялась выговаривать заклинание щита – скорее всего, она бы опоздала и оно не спасло бы нас от потери минимум фунта плоти, но шрик не стал задерживаться. Он понесся вверх по лестнице, щебеча от волнения.

Это была ошибка: пока мы еще смотрели ему вслед, дрожа от адреналина, стихающее в отдалении чириканье вдруг оборвалось пронзительным воплем и замолкло. Раздался жуткий скрежет, который становился все громче, и прежде чем мы успели спохватиться, из-за поворота лестницы вылетел Орион на металлическом подносе из столовой и сшиб нас как кегли.

Зато наша новая стальная стена держалась отлично. Она слабо переливалась, как положено защищенному артефакту: стена встроилась в общую систему школьных заклинаний, и ущерб был устранен. Я могла сказать это с полной уверенностью: лежа щекой на металле, я буквально чувствовала, как слабели вопли и завывания, по мере того как чары разгоняли собравшихся за стеной злыдней. Снизу доносилось шелканье какого-то защитного механизма.

– Ух, – сказала Лю.

– Да-а, – простионала Аадхья и слезла с нас. Ей пришлось броситься в нашу куча-мала, чтобы не упасть в собственный раскаленный тигель. Она села и

уныло взглянула на него: правый угол был совершенно расплюснут о стену. – Черт.

– Извини, – произнес Орион, возвышаясь над нами. В одной руке он сжимал мертвого шрика, а в другой – помятый поднос. Он-то оказался на самом вершине куча-мала. – Я очень спешил.

– Лейк, в один прекрасный день я тебя убью, – сказала я углом рта, который не был вжат в стену.

– Так... – неуверенно сказала Лю, когда мы захромали вверх по лестнице.

Орион шел последним и тащил покалеченный тигель – его так и не удалось сложить обратно, – непрерывно извиняясь перед Аадхьей. Та знала, как извлечь пользу из любой ситуации, и, несомненно, стрясла бы с ньюйоркцев необходимые материалы для починки тигля; кроме того, Орион уже отдал ей тушку шрика. Клюв, скорее всего, пригодится для сиренопаучьей лютни – как и зуб аргонета. Когда мы доделаем этот артефакт, он будет необыкновенно мощным.

– Твоя способность...

– Ну, типа «любить меня и познать отчаяние», – сказала я.

– Что? – переспросила Лю.

– «Все будут любить меня и познают отчаяние», – повторила я, но она, похоже, так и не поняла. – Ну, Галадриэль. Из «Властелина колец».

– А, фильм про хоббитов? Ой, я его ни разу не смотрела. У тебя имя оттуда, да?

– Лю, я просто счастлива, что мы подруги, – сказала я, отчасти потому что в ту минуту можно было спокойно произнести слово «подруги» вслух. Если Лю на самом деле не хотела со мной дружить, я могла сделать вид, что пошутила. Но вообще-то я сказала это абсолютно искренне. Кстати, я фильм тоже не видела. Мама читала мне книгу вслух от начала до конца раз в год, с тех самых пор, как я родилась, но фильм она сочла слишком жестоким. Хотя вся коммуна его видела – и отпускала множество остроумных замечаний.

Лю смущенно улыбнулась.

– Я понимаю, – сказала она. – Но... никакой малии?

Это не было вопросом.

– Нет, – ответила я, тяжело вздохнув. – Никакой малии. Вообще. Я не могу... не могу пользоваться ею по чуть-чуть. – Я многозначительно взглянула на нее.

Ее глаза на мгновение округлились, а потом Лю потупилась и зябко обхватила себя руками.

– Никто не может. Если честно, то никто.

Хлоя встретила нас на лестнице. Она вытащила из алхимической лаборатории Магнуса и еще двух ньюйоркцев, а они привели на помощь почти весь класс. Может, просто решили собрать толпу побольше, чтобы рвануть к воротам, если подвернется случай. Искреннее изумление Хлои, когда она увидела нас и выпалила: «О боже, вы живы!» – показалось бы оскорбительным, если бы в ее голосе не звучала радость.

Толпа, которая отчаянно желала знать, что произошло, была так велика, что некоторое время никому ничего не удавалось понять: наши объяснения заглушал гул голосов. Наконец я приложила руки рупором ко рту и крикнула:

– Лестница запечатана! Никто снизу не пролезет!

Всех волновал главным образом именно этот вопрос, и ребята немного успокоились.

– А что случилось с аргонетом? – спросила у меня Хлоя, когда мы всей компанией двинулись наверх; никто уже не собирался возвращаться в класс, и к тому же близился обед. Она помялась и поспешно добавила: – Извини... я решила сбегать за помощью.. – Она не смотрела на меня.

– Лю держала щит, а мы с Аадхьей успели залатать стену, – ответила я.

Я не стала уверять Хлою, что все нормально, хотя она наверняка этого ждала. Я была права: сотрудничество ее не интересовало. Когда случилась беда, она убежала – точно так же, как убегали все ребята из анклавов, позволяя свите принять удар на себя. Именно поэтому они и обзаводятся свитой, и их окружение вступает в бой, надеясь получить поддержку при выпуске. Одиночкам больше нечего предложить в уплату за приглашение в анклав, поэтому они служат живым щитом, – а если доживают до выпуска, то самыми преданными из них затыкают дырки в союзах. И это не нормально, и Хлоя сама могла бы догадаться, что тут что-то не так.

Она не стала требовать от меня утешительной лжи, а просто сказала:

– Хорошо, что вы все целы. – И отошла к Магнусу.

Глава 12

Выпускная орда

Звонок на ужин еще не прозвенел, раздача пока не открылась. Но мы собрались такой толпой, что беспокоиться, как обычно беспокоятся те, кто идет в столовую раньше конца урока, было не нужно. Мы заняли шесть

столов, осмотрели периметр, все проверили, сели и стали ждать, пока подадут еду.

- Что случилось с твоими друзьями-выпускниками? - спросила я у Ориона.

- Наверное, прячутся где-то в библиотеке, - ответил он. - Я отцепился от крюка на этом этаже, а они полетели дальше.

- Через десять минут после ужина они вернутся, чтобы разломать вашу работу, - предупредил Магнус.

Они с Хлоей сидели за нашим столом, хотя и разговаривали только друг с другом. Хотя Магнус употребил местоимение множественного числа, он явственно имел в виду меня одну.

- Нужно устроить трибунал.

Что бы ни твердили нам о «Повелителе мух», эта книжка реалистична ничуть не более «Властелина колец». В школе никто массово не дичает. Мы все знаем, что дурацкие ссоры обходятся слишком дорого. Конечно, у ребят регулярно едет крыша, но если она отъедет надолго - станешь чьим-нибудь обедом. Если кто-то попытается организовать что-нибудь по-настоящему жуткое, например банду малефицеров, и другие это выяснят, но не сумеют своими силами положить злу конец, они могут созвать трибунал. Этим пышным словом называется возможность влезть на стол за обедом и крикнуть, что Том или Дик перешли на темную сторону - может, навалиться на них сообща?

Но это не правосудие. Здесь нет руки закона, которая торжественно тебя отшлепает, если ты провинишься. Тод по-прежнему с нами, он ходит на занятия, ест, предположительно спит, хотя, надеюсь, не слишком крепко. Если кто-то не дает тебе спокойно жить - это твоя проблема; если ты не даешь кому-то спокойно жить - это его проблема. Окружающие будут игнорировать все, что хотя бы отдаленно поддается игнору, потому что им и так забот хватает. Созывать трибунал стоит, только если ты уверен, что всей школе реально угрожает неотвратимая опасность со стороны человека, которого ты обвиняешь.

А в данном случае дело явно обстояло не так.

- Одноклассники будут на их стороне, - сказала Аадхья, поскольку до Магнуса, похоже, не дошло.

Он смутился. Наверное, он всегда искренне полагал, что сможет созвать трибунал, если увидит непосредственную угрозу для своей жизни, и, понятное дело, никто с ним не спорил. Это как с заявками на ремонт.

- Выпускники не одолеют всю школу, - сказал Магнус. - И уж точно не станут ссориться за неделю до выпуска.

- Мы тоже, - ответила я. - Чего мы добьемся? Эти пятеро выпускаются через неделю. Ты хочешь наказать их за то, что они попытались повысить свои шансы за чужой счет? Кое-кто в нашем классе охотно сделал бы то же самое.

Он ошалело вытаращился на меня.

Орион не стал вмешиваться – он поднялся из-за стола. Раздача как раз открылась, и мы все устремились туда во имя добродетели, а именно – чтобы оказаться первыми у буфета, полного свежей горячей еды. Орион проверил дорогу и убрал пару злыдней, и мы вернулись к столу с доверху полными подносами. До конца ужина никто не разговаривал: даже для членов анклага это, возможно, была самая сытная трапеза за год, а то и за все три.

Остальные ребята струдились вокруг нас. Примерно в середине ужина наши честолюбивые друзья-выпускники с опаской выползли из библиотеки – думаю, им надоело ждать воплей, знаменующих начало побоища. Они с порога уставились на нашу компанию, а затем, быстро посоветовавшись, неохотно отправились за едой. С разных сторон на них устремлялись враждебные взгляды, поскольку все уже знали, что они пытались сделать. Но Аадхья была абсолютно права: эти взгляды исходили не от выпускников. Более того, когда Виктория и прочие отошли от раздачи, им дали место за лучшими столами, и пока они ели, другие выпускники караулили – то есть вели себя, как положено по отношению к людям, которые явно пытались сделать что-то хорошее.

– Они обязательно попробуют еще раз, – сказал Магнус, пристально взглянув на меня. – Если новая стена устоит, они пробьют дыру на другой лестнице. И если мы не возразим, все выпускники их поддержат.

– Нет, – негромко произнес Орион.

Он начал подниматься, но я была к этому готова и пнула его под колено. Коротко вскрикнув, он рухнул на место и схватился за ногу:

– Эль, блин, мне больно!

– Да? Примерно как от удара об стенку с размаху? – сквозь зубы спросила я. – Хоть раз не выделывайся, Лейк. Ты не выпустишься раньше срока.

Полстола, которые уже начали гневно смотреть на меня, теперь повернулись к Ориону; он покраснел. Кто угодно может выпуститься раньше времени, главное – оказаться в дортуарах выпускного класса в тот момент, когда рухнет завеса. Шансов выжить примерно столько же, как если вообще забить на школу, но попробовать, конечно, можно.

Орион упрямо сжал губы:

– Это я их подставил...

– Ты и нас подставишь, если лишишь злыдней в этом году половины блюд, – сказала я. – По-твоему, так будет лучше? Даже если ты сам не погибнешь.

– Послушай, если выпускники сами не сломают стену, это сделают злыдни! Если не сейчас – то в следующем семестре, может быть прямо в следующей четверти. Если они так проголодались и разозлились, что начали биться о защиту, они не успокоятся. И я не просто собираюсь проложить дорогу выпускникам – я намерен перебить злыдней.

– Ворота открыты максимум полчаса. Даже если Терпение и Стойкость тебя не прикончат, ты не успеешь уничтожить всех злыдней. У мелких тварей появится возможность вырасти. Или ты хочешь поселиться там навсегда? Жить в выпускном зале будет очень голодно – если, конечно, ты не намерен питаться злыднями, вместо того чтобы просто выкачивать из них силу. Я знаю, ты надеешься, что мы воздвигнем тебе статую – но, честное слово, необязательно нестись вперед как кирпич в полете.

– Если у тебя есть идеи получше, я их охотно выслушаю, – отгрызнулся Орион.

– Мне и без них ясно, что твое предложение – полный бред! – заявила я.

– А я кое-что придумала.

К нам подошла Кларита Асеведо-Круз. Я никогда раньше с ней не разговаривала, но все мы ее сразу узнали – она выпускалась с отличием.

В начале своего существования школа регулярно публиковала рейтинги успеваемости. На стене в столовой до сих пор висят четыре громадные доски в позолоченных рамах, по одной для каждого класса (год выпуска выведен наверху блестящими буквами). В конце каждой четверти на досках по порядку выстраивались имена. Впрочем, практика поощряла плохое поведение, например убийство тех, кто учился лучше. Поэтому теперь в канун Нового года публикуют только финальный рейтинг выпускников, а остальные доски висят пустые. Ребята, которым светит выпуск с отличием – а этого можно добиться только сознательно, – скрывают свои отметки. Тех, кто старается, видно по тому, сколько сил они вкладывают в занятия, но трудно угадать наверняка, каковы их успехи. Человек, претендующий на отличие, непременно должен обладать огромным честолюбием и энергией чистокровного чемпиона; если он к тому же не безумный гений, то должен компенсировать это неистовой прилежностью.

Кларита не просто учится с отличием – она так скрытничала, что никто ее и не подозревал. Порой она даже подменяла техников, которым было нужно свободное время, и в результате большинство учеников думали, что она сама специализируется по ремонту. Включая двадцать человек, которые оказались в рейтинге ниже ее – и это после четырех лет неустанного жесткого соперничества, с подглядыванием в чужие экзаменационные работы и срывом чужих проектов. После того как появился список, увенчанный именем Клариты, вся школа несколько дней возбужденно гудела, обсуждая «эту серую мышь» из какой-то там испаноязычной страны. На самом деле Кларита приехала из Аргентины – ее мама подрабатывает техником в анклав Сальты. Понадобилось две недели, чтобы про Клариту хоть что-то стало известно. Ее было легко не заметить: невысокая, худенькая, с жесткими чертами лица, постоянно одетая в бежевое либо тускло-серое (как мы теперь поняли – нарочно).

Это была гениальная стратегия. Даже если бы Кларита в итоге всего лишь вошла в первую десятку, блистательное появление из ниоткуда придало бы ей гораздо больше веса, чем тем, кто явственно боролся за первые места с самого начала. Три с половиной года скрывать свои таланты, добровольно заниматься ремонтом, ни разу не похвастаться отметками за проект или за

экзамен... мало кому хватит для этого выдержки, если отметки – главное, о чем ты заботишься в школе. Ну, помимо выживания.

Выдержка принесла Кларите гарантированное место в Нью-Йорке. Никого не волнует, что ты серая мышь, если ты в состоянии наложить шесть высших заклинаний подряд (Кларита подготовила это в качестве финального проекта). Теперь, когда наконец появился рейтинг, Кларита вывесила на стене у своей двери тетрадь буквально со всеми отметками, полученными за три с половиной года, и любой мог подойти, чтобы узнать все в подробностях. Возможно, она решила компенсировать себе долгое воздержание.

Очень жаль, что в ее команде оказался Тод. Орион не хотел об этом говорить, но я выяснила, что отец Тода занимает высокое место в совете анклава; несмотря на то что обещала мне Хлоя в библиотеке, остальные выпускники-ньюйоркцы, видимо, не пожелали выкидывать золотого мальчика. Наверняка он владел парочкой неплохих защитных артефактов. И у Клариты не было права голоса – если только она сама не хотела подвести союз и наплевать на гарантированное место в анклав (а найти себе другое в канун выпуска она бы не успела).

Но она не виновата, что оказалась в одной лодке с Тодом, и никто из нас не нуждался в дополнительной мотивации, чтобы принять ее всерьез. Ребята за соседними столами перестали шептаться и вытянули шеи.

– Я подсчитала, – сказала Кларита Ориону. – В библиотеке есть списки принятых и выпустившихся учеников. Ты спас шестьсот человек с тех пор, как поступил в школу.

По столовой распространился тихий шепот: люди передавали друг другу информацию. Я знала, что Орион спас какое-то невероятное число жизней, но понятия не имела сколько.

– Более трехсот только в этом году. Вот почему мы тоже голодаем. Если прийти в столовую до звонка, подносы не должны быть пусты.

Орион поднялся и взглянул на нее, стиснув зубы:

– Я ни о чем не жалею.

– Я тоже, – кивнула Кларита. – Надо быть сволочью, чтобы об этом жалеть. Но всё это мана, за которую приходится платить. Осталось девятьсот выпускников. Обычно из школы выбирается примерно половина. Но если нам одним придется платить за всех, кого ты спас сверх нормы, уцелевших будет меньше сотни. Нечестно, если нашему классу придется взять это бремя на себя.

– Значит, впустить злыдней в школу? – спросила Хлоя. – Тогда вы все выберетесь, а младшеклассники погибнут – и будут погибать, пока старшие волшебники не закроют школу полностью, чтобы произвести полное очищение, если, конечно, смогут. Это, по-твоему, честно?

– Нет, конечно, – язвительно отозвалась Кларита. – Выйти отсюда по вашим телам – это магия, вне зависимости от того, воспользуемся мы ею напрямую или нет. Большинство этого не хотят.

Она не обернулась, не посмотрела на Тода, но смысл ее слов от нас не ускользнул. На месте Клариты я была бы в бешенстве. Три с половиной года упорного труда, чтобы взобраться на самый верх, – и вот что она получила в награду. Право решать, чего она стоит, принадлежит Тоду. Кроме того, после выхода из школы имя Клариты будет связано с ним. И все узнают, что она состояла в союзе с браконьером, и не важно, что у нее не было особого выбора.

– Я этого не хочу, – добавила она. – Но также мы не хотим, чтобы вы спасались за наш счет. Вот о чем говорят выпускники. Не «давайте впустим в школу злыдней», а «почему бы вам не выпуститься вместе с нами». Вам – потому что Орион в основном спасал ваш класс.

Хлоя заметно вздрогнула. Многие ребята за нашим столом напряглись.

– Ну? Хотите выпуститься раньше, чтобы спасти бедных малышей? Если нет, то перестаньте твердить, какие мы гады, что не хотим умирать. – Кларита сделала драматический жест. – От этого толку не будет. Мы знаем, что должны сделать, если не хотим расплачиваться кровью. Мы можем расплатиться своим трудом. – Кларита вновь повернулась к Ориону. – Здесь сейчас больше четырех тысяч человек. Нас в десять раз больше, чем тех, кто когда-то построил Шоломанчу. До выпуска чуть больше недели. Вся школа возьмется за дело и соберет ману, а потом ты пойдешь в выпускной зал и ты починишь очистительный механизм. Перед выпуском мы его включим. Он истребит хоть какое-то количество злыдней – и у нас будет шанс. Нам придется вместе выплатить этот долг. – Ей пришлось повысить голос, чтобы закончить: в столовой послышалось оживленное бормотание.

План Клариты, несомненно, был неплох. Починить очистительный механизм несложно (главная проблема – до него добраться). Нам не пришлось бы изобретать ничего нового. Подробные чертежи всех школьных механизмов выставлены повсюду – включая аппараты, вырабатывающие смертоносное пламя. Наши лучшие мастера наверняка сумели бы изготовить необходимые детали, а лучшие техники – установить их.

Атмосфера в столовой ощутимо изменилась: эта идея всех обрадовала. Если мы сможем включить очистительный огонь в выпускном зале, пользу получат не только нынешние выпускники. В школе надолго станет меньше злыдней: очищение можно будет повторить перед нашим выпуском, и через год.

К сожалению, нельзя забывать о том, что до оборудования добраться трудно. Впервые оно сломалось в 1886 году. Первая бригада техников – изначально анклав хотели, чтобы ремонт в школе осуществляли за плату взрослые волшебники, которые при необходимости проходили бы через выпускные ворота, ха-ха, – так вот, первая бригада техников, которую послали сюда, не вернулась, и починить механизм ей тоже не удалось. Вторая бригада, побольше, все-таки его починила, но обратно вернулись только двое – и рассказали довольно жуткие вещи. К тому времени выпускной зал уже стал постоянным приютом чреворотов и нескольких сотен тварей поменьше – достаточно умных, сообразивших, что, раз уж они просочились за ворота,

можно просто лежать и дожидаться ежегодного угощения в виде нежных юных волшебничков. Механизм снова вышел из строя в 1888 году. Его защищали чары, но каким-то образом злыдни через них пролезали. В конце концов, им целый год нечем заняться, кроме как сидеть и колотить по чему попало.

К тому времени анклав принялись активно упрекать друг друга в бездействии, и сэр Альфред собственной персоной возглавил большую бригаду отважных добровольцев, чтобы произвести капитальный ремонт. Он был верховным магом Манчестера – он стал им, выстроив школу, – и, по общему мнению, самым могущественным волшебником своего времени. В последний раз сэра Альфреда видели, когда его, вопящего от ужаса, тащило в пасть Терпение, а возможно, Стойкость (относительно того, с какой стороны ворот находилась упомянутая тварь, свидетельства расходятся). Вместе с ним погибла половина его бригады. «Капитальный ремонт» не продержался и трех лет.

Еще ряд попыток предприняли отчаявшиеся родители, чьи дети ожидали выпуска, но родители в итоге гибли, а починить механизм не удавалось. После гибели верховного мага и нескольких членов совета в Манчестере воцарился хаос; анклав по всему свету взвыли. Поговаривали о том, чтобы вообще забросить школу – правда, тогда волшебники вернулись бы на исходную точку, когда погибало более половины их детей. Посреди этого безобразия лондонский анклав организовал переворот, взял Шоломанчу в свои руки, удвоил количество мест (дортуары стали значительно меньше) и открыл двери для одиночных учащихся. Примерно с той же целью, с какой выпускники приглашали наш класс с собой.

Все сложилось великолепно. Дети из анклавов по большей части выбираются отсюда живыми – выживают около восьмидесяти процентов, и это гораздо лучше сорока шансов из ста, которые им светили, если они оставались дома. В школе вокруг них много более слабых и менее защищенных ребят, и даже в выпускном зале злыдни не способны переловить всю рыбешку, устремляющуюся вверх по течению. Это лучшее, что смогли придумать самые могущественные и мудрые волшебники последнего столетия. С тех пор никто из них не пытался чинить очистительный механизм.

Но ребята – возбужденные, радостные, довольные, с восхищением глядя на гениальную Клариту, – ни на секунду не задумались, что Ориону для этого придется стать наживкой. Даже сам Орион, похоже, собирался одобрительно кивнуть, как только пришел в себя от изумления.

Я со скрежетом отодвинула стул и встала, прежде чем он успел это сделать:

– Вы собирались попросить вежливо?

Кларита и Орион резко обернулись.

– Это великолепная идея, которая полностью основана на том, что Лейк скормит себя злыдням вместо вас, – извините, конечно, но я думала, что в какой-то момент должно прозвучать слово «спасибо». Он спас шесть сотен жизней – и теперь должен спасти еще несколько, чтобы искупить свою вину? Пожалуйста, напомните мне хотя бы один случай, когда Лейк получил награду за спасение чьей-то шкуры. – Я обвела столовую гневным взглядом; несколько человек, которые рискнули посмотреть на меня, содрогнулись и

опустили глаза. – Он никогда ни о чем меня не просил, а мой личный счет уже дошел до одиннадцати. Но, конечно, именно Лейк должен спуститься в выпускной зал и починить очистительный механизм. Одной рукой работать, а другой, видимо, отбиваться от злыдней. Это как-то неудобно. И как он, по-вашему, будет чинить механизм? Он не мастер и до сих пор не отработал ни одной технической смены.

– Мы построим ему голема... – начала Кларита.

– Отлично, – презрительно отозвалась я. – До сих пор никто до этого не додумался. Не смей раскрывать рот, ты, лемминг-переросток! – рыкнула я Ориону, и тот возмущенно взглянул на меня, поскольку действительно собирался открыть рот. – Если кто-то попытается починить механизм в одиночку, даже голем не поможет. Это не героизм, а самоубийство. А когда ты погибнешь, мы вернемся на исходную – с той разницей, что выпускники смогут диктовать нам всем свою волю.

Вокруг негромко зашептались.

Кларита сжала губы еще сильнее. Да, она держала в голове этот конкретный поворот сюжета, и ей не понравилось, что я разоблачила ее замыслы.

– Возможно, ты права, – сказала она. – Если ему нужна помощь, пусть те, кого он спас, тянут жребий и отправляются с ним. Например, ты, раз уж твой счет дошел до одиннадцати.

– Я и сам справлюсь, – возразил Орион. – Я могу отгонять злыдней от голема.

– Он развалится, прежде чем ты дойдешь до середины зала. И ты права: я пойду, – добавила я, обращаясь к Кларите; та нахмурилась – видимо, рассчитывала, что я отступлю. – Но мы не пойдем вниз одни только для того, чтобы нас сожрали, и устраивать лотерею тоже не будем. Если мы хотим чего-то добиться, с нами должны пойти выпускники, причем лучшие. Дайте нам доступ ко всей мане школы, и пусть Орион отгоняет злыдней – тогда, мы, возможно, справимся.

Не знаю, считала ли сама Кларита свое предложение жестом отчаяния, который, в худшем случае, убил бы Ориона. Но надежда пьянит не хуже вина, особенно за чужой счет. Выпускники из берлинского анклава энергично зашептались; когда я закончила говорить, один из них влез на скамью и громко произнес по-английски:

– Берлин гарантирует место любому, кто пойдет с Орионом! – Он бросил взгляд на столы Эдинбурга и Лиссабона. – Другие анклавы готовы обещать то же самое?

Вопрос, переведенный на десятки языков, облетел всю столовую; старшие ребята из анклавов струдились кучками. Один за другим представители почти всех анклавов вставали, чтобы изъяснить свое согласие. И расклад сил заметно изменился. Лучшие ученики обычно лезут из кожи вон, пытаясь заключить с анклавами именно такую сделку: их помощь в битве со злыднями в выпускном зале в обмен на приют по другую сторону ворот. И большинство все равно не получают места. Трое лучших – да, а остальная мелочь

довольствуется союзами и надеждами, ну или пытается прибиться к анклавам поменьше (впрочем, и на это есть шанс только у первой десятки). Вот почему за выпуск с отличием такая бешеная конкуренция.

У ребят-техников положение несколько иное: самые умелые из них наверняка получат приют в анклаве, но им до конца жизни придется выполнять грязную работу. Скорее всего, полноправными членами анклавов станут лишь их дети. А такая авантюра давала шанс им самим – шанс, от которого они отказались еще в младшем классе.

Нетрудно было угадать, кто из выпускников об этом задумался и на какой анклав нацелился – стоило лишь понаблюдать, к какому столу поворачивались их головы. Желавших было много. Кларита сама смотрела прищурившись – но не на нью-йоркский стол, за которым в знак согласия стояла одна из выпускниц, а на стол с краю, где по-прежнему сидел Тод со своей жалкой свитой из новичков.

У всех у нас – даже у тех, кто не выпускается, – большие планы на последние учебные дни; «адская неделя» здесь не фигура речи. Не считая экзаменов, контрольных работ и проектов, а также возросшей активности злыдней, достигшей пика, в это время еще и идет энергичная торговля. Выпускники распродают вещи, которые не пригодятся им во время рывка к воротам; остальные продают то, в чем больше не нуждаются (особенно если ожидают наследства от какого-нибудь выпускника). Каждый, кто скопил к концу года ценное имущество или ману, носится по школе, заключая масштабные сделки; менее удачливые тоже носятся, отчаянно цепляясь за любую возможность.

Я в кои-то веки ожидала некоторого успеха – помимо аукциона, который собиралась устроить для меня Аадхья. Я уже отдала некоторое количество ртути среднекласснику-алхимику в обмен на полусторевшее одеяло (новое он получил от выпускника в обмен на крошечную склянку с тремя каплями жизненного эликсира). Это одеяло я могла распустить и связать себе кофту, в которой отчаянно нуждалась, в то же время собирая ману.

Вы скажете, что глупо беспокоиться об этом в конце года даже при нормальных обстоятельствах, когда каждый час просачиваются новые злыдни (иногда буквально сквозь стену). Но в любое другое время новая кофта обошлась бы мне в шесть жетонов – не говоря уж о необходимости пожертвовать половиной собственного одеяла. В лучшем случае познакомишься с эскини (широкая полоса ее укусов виднеется над краем рваных носков у большинства среднеклассников), а в худшем – тебя цапнет и съест живьем парализующий скорпион. Если тебе не удалось как следует обернуться на ежегодной ярмарке – жди неприятностей, возможно смертельных.

Разумеется, теперь я энергично планировала для себя почти стопроцентно фатальную неприятность, а именно – визит в выпускной зал. Были и плюсы – ну, плюсики, если честно: меня избавили от присутствия на экзаменах. С заданием по мастерству я уже разобралась сама, Лю вызвалась доделать мою контрольную по истории, а Хлоя собрала десяток ребят-алхимиков, чтобы закончить наши с Орионом последние проекты. Тупица Магнус, во всех отношениях совершенно бесполезный, велел кому-то сдать вместо нас экзамены по математике и иностранным языкам. Школа отомстит, если работа не будет сдана, но до мошенничества ей нет абсолютно никакого дела. В

пятницу я даже не пошла на последние уроки, только заглянула на лекцию по злым чарам, возможно из нездорового любопытства, и уставилась на гигантскую картину с изображением выпускного зала. Порадовало меня лишь то, что на сей раз мне не придется лезть к чревороту. Механизм находится в противоположном конце зала.

Остаток дня я провела, нанося последние штрихи.

– Честное слово, я сделаю тебе шкатулку, как только мы все это уладим. Ты гораздо важнее, – сказала я книге сутр, поглаживая обложку в знак извинения, и передала книгу Аадхье, которая должна была заботиться о ней в мое отсутствие. – Я просто помогаю спасти школу, понимаешь?

Возможно, я слегкахватила через край, но лучше перестраховаться, чем потом жалеть. Книга изъясалась из обращения более чем на тысячу лет; десятки библиотекарей из анклавов и сотни независимых волшебников тщетно искали хотя бы отдельные заклинания из нее. Мне до сих пор не верилось, что я добыла сутры Золотого камня, и теперь, когда я освоила фазовое заклинание, еще сильнее хотелось перевести остальное.

– Аадхья тебя не оставит, обещаю.

– Да, – подтвердила Аадхья, осторожно беря книгу обеими руками. – В твое отсутствие абсолютно ничего с ней не случится. Я пока поработаю над корешком шкатулки, отшлифую его шкуркой. – Она демонстративно приложила сложенную полоску шелка к задней обложке книги и накрыла ее гравированной полоской амарантового дерева, а потом снова убрала все в сумку и спрятала ее под подушку. Положив сверху руку, Аадхья сказала: – Эль, ты знаешь, что много выпускников готовы рискнуть, раз уж анклав раздает места.

Это было нечто среднее между предложением и просьбой. С одной стороны, я отвечала не только за себя. Я заключила союз с Аадхьей и Лю, и наши имена значились на стене возле душевой, прямо под лампой. Для меня не было ценности выше. И если я пойду в выпускной зал и не вернусь, я похороню вместе с собой наш союз. Поэтому Аадхья имела право настаивать. Она могла напрямую сказать, что мне не стоит рисковать – не только собой, но и ими.

Но с другой стороны, я отправлялась вниз не на экскурсию для собственного развлечения. Я ввязалась в это, чтобы побороться за всех нас, и союзники должны были меня поддержать – возможно, вплоть до того, чтобы отправиться в выпускной зал вместе со мной. В день выпуска на рывок есть в лучшем случае пятнадцать минут. Если ты не готов свернуть, когда тебе кричат: «Налево!», не стоит заключать союз. То есть Аадхья практически предлагала мне взять с собой ее и Лю.

Сидя на постели, я обхватила руками колени и задумалась. Какая-то крошечная трусливая часть моей души, хныча, желала поймать Аадхью на слове. Конечно, я предпочла бы, чтобы спину мне прикрывали она и Лю, а не какие-то незнакомые выпускники, которые запросто меня бросят, если что-то пойдет не так. Но я не собиралась тащить Лю и Аадхью на линию огня. Я была практически уверена, что не вернусь – и остальные тоже. Десять-пятнадцать человек, отправляющихся в выпускной зал, чтобы починить механизм? Максимум один шанс из ста. Проще уж было остаться в Уэльсе.

И я сказала Аадхье:

– Я не позволю Ориону пойти туда в обществе пираний из выпускного класса. Кто-то должен его прикрыть. Он спасет их шкуры, а потом они обрежут заклинание-крюк, и ему придется выпускаться с ними. Он не заметит подвоха, потому что увлечется злыднями.

Не исключаю, что выпускники действительно могут устроить что-нибудь такое. Но я об этом как-то не особо беспокоилась. Если мы починим механизм, выпускники, скорее всего, увенчают Ориона лаврами: они пройдут к воротам через очищенный зал и получают гарантированные места в анклавах. И для меня это было достаточным поводом пойти, а для Аадхьи и Лю – остаться.

Я должна пойти. Потому что Орион согласился и я не могла его остановить. Этот кретин пошел бы вниз даже без голема. Единственное, чем я могла ему помочь – как услужливо намекнула Кларита, – это отправиться с ним. Шансы Ориона и так заметно повысились, потому что мы собирались вниз с десятком выпускников, причем лучших, которые должны заняться ремонтом. И я добилась этого только благодаря тому, что не побоялась повысить голос.

Я не была кумиром школы. И да – все думали, что мы с Орионом встречаемся, но никто не верил, что я его люблю. Ребята считали, что я его использую, и очень ловко. От меня ожидали худшего, а не лучшего, и когда я вызвалась пойти с Орионом, это не выглядело совсем уж бредово. По мнению окружающих, я согласилась потому, что все хладнокровно обдумала и поняла, что это неплохой шанс для отщепенки, которая в жизни не попадет в анклав, если потеряет Ориона.

Всем нам здесь приходится играть своей жизнью – выбора в школе нет. Фокус в том, чтобы понять, когда стоит рискнуть. Мы смотрим друг на друга, ожидая подсказок. Как ты думаешь, где тут лучший стол? Как считаешь, стоит ходить сюда на занятия? Все готовы ухватиться за любое преимущество. Когда я сказала, что пойду с Орионом, это значило, что минимум один предположительно разумный человек не усомнился в его перспективах – и тогда ребята из анклавов сказали свое слово. И теперь добровольцев было больше, чем свободных мест, потому что я перетянула чашу весов.

Если я откажусь – кто знает, сколько выпускников задумаются? Они могут решить, что на самом деле я веду двойную игру. Вдруг я просто пытаюсь уничтожить десяток лучших выпускников и притормозить остальных, чтобы не дать им сломать стены или утащить наш класс с собой на выпуск? Это был бы не самый глупый ход, и наверняка местные умники его предусмотрели – и внимательно следили за мной, чтобы проверить, не соскочу ли я в последнюю минуту.

Кроме Клариты с нами шел Дэвид Паэрс, номер два в рейтинге – чуть-чуть не хватило (признаюсь, именно так я мысленно его и называла). Он тоже был заклинателем и с самого начала не скрывал своих стремлений – каждому, примерно через полминуты разговора, он сообщал, что выпустится с отличием. Он сказал об этом даже мне, в младшем классе, когда я в читальном зале случайно уронила его книги. Он наорал на меня и гневно спросил, знаю ли я, кто он такой (я не знала, да и впоследствии особо не

интересовалась). И вот Дэвид шел с нами – явно потому, что его не устраивало гарантированное место в сиднейском анклаве: он хотел иметь выбор. Чтобы подобраться к первым строкам рейтинга, нужно хорошо развитое самолюбие. У Дэвида оно прямо-таки зашкаливало.

Из первой волны добровольцев наш активный берлинец отобрал нескольких – тех, кого мы все считали самыми влиятельными в школе, – и мы засели в библиотеке, чтобы обсудить ситуацию (Ориона включили по понятным причинам, мое присутствие терпели). Кроме Клариты и Дэвида третьим очевидным кандидатом был Ву Вень из Шанхая. Он стоял лишь на пятнадцатом месте в рейтинге, и дискуссия с его участием требовала перевода, поскольку он единственный не знал ни слова по-английски. При поступлении он сжульничал, сообщив, что его родной язык – северокитайский, чтобы получать все задания на шанхайском диалекте. В результате Ву Вень еле тянул – по правде говоря, ему вообще мало что давалось, за исключением мастерства и математики. Но раз он вошел в первую двадцатку, можете себе представить, как высоко оценивались его артефакты. Ву Вень уже имел гарантированное место в анклаве Бангкока, но вызвался пойти с Орионом в ту же секунду, когда шанхайский анклав предложил награду.

Я не принимала участия в обсуждении планов – только сказала, что раньше выпускного дня соваться вниз не имеет смысла, чем раздосадовала выпускников еще сильнее.

– Не говори глупостей, – холодно отрезал парень из Джайпура. – До сигнала к подъему из комнат выйти нельзя, а выпускной – через два часа. Нам не хватит времени. Вдруг что-нибудь пойдет не так?

– Тогда мы все умрем, а тем, кто останется в школе, следующие несколько лет будет еще тяжелее, чем обычно. Замолкни, Лейк, – велела я Ориону, который открыл рот сказать, что готов отправиться вниз немедленно, ну или изречь какую-нибудь глупость в том же духе. – Прости, я не дам вам спланировать изящное убийство, если мы потерпим неудачу.

Это могло бы стать началом ссоры, но Кларита, Дэвид и Вень уже не были на стороне анклавов: если бы мы не вернулись, резервный план не принес бы им никакой выгоды. Вень даже сказал: чем больше времени будет, чтобы сделать необходимые детали и попрактиковаться, тем лучше.

В остальном все было довольно очевидно. Нам требовались мастера и техники, чтобы изготовить детали и произвести починку, а также заклинатели, чтобы прикрывать их в процессе. Орион будет контратаковать, высовываясь из-за щита при каждом удобном случае и убивая злыдней, чтобы мы могли продержаться защиту сколько понадобится. Алхимикам в данном случае не повезло. Для механизмов нужен был бы максимум литр обычной смазки, которую техники сами варили в огромных котлах.

– У меня есть подходящее заклинание защиты, – с легкой досадой сказала Кларита, и я поняла ее чувства, когда она продемонстрировала заклинание Дэвиду и мне: она сочинила его сама, и ничего подобного я еще не видела.

Есть много защитных заклинаний, которые можно усилить, накладывая их сообща, но все равно энергия проходит через исходного заклинателя, и если этот человек упадет – щит рухнет вместе с ним. А заклинание Клариты

должны были произносить сразу несколько человек. Оно переходило с английского на испанский и напоминало песню или игру, в которой участники меняются ролями. Некоторые строки мы могли произносить поодиночке или все вместе, соединяя их, чтобы выиграть несколько секунд на передышку; строки даже не фиксировались жестко: логика заклинания позволяла импровизировать – лишь бы сохранялись базовый ритм и смысл. Это огромный плюс, если тебе некогда припоминать, какое прилагательное тут стоит.

Конечно, неприятно отдавать столь ценное заклинание другим задаром. Благодаря ему Кларита, возможно, заключила союз, даже если ей больше нечего было предложить. Мое собственное защитное заклинание тоже высшего класса, но это просто личный щит. И у остальных оно тоже есть, поскольку его придумала мама, а она бесплатно раздает свои заклинания всем, кто попросит. Один волшебник раз в год приезжает в коммуну, забирает у нее новые заклинания и рассылает копии подписчикам. Уж он-то берет с них деньги. Как-то я рассердилась на маму за то, что она просто так отдает ему заклинания, но она ответила, что он оказывает ей услугу. А если он хочет денег, так это его забота.

– Четверо заклинателей, так? – спросил Дэвид, который дошел до конца страницы, прежде чем я успела осилить хотя бы четверть.

– Пятеро, – поправила Кларита и неприязненно взглянула на меня.

Лишний человек – это снижение эффекта: чем больше область, которую надо закрывать щитом, тем больше нужно маны. И тем труднее Ориону будет отгонять злыдней. Но я держала рот на замке; я не собиралась убеждать остальных, доказывая им, что я просто супер и надо положиться на меня.

Следующий заклинатель в списке, номер пять, уже имел гарантированное место в Сакраменто и умеренное самолюбие, в отличие от Паэrsa, поэтому он с нами не собирался. Зато под номером семь значилась Майя Вуландари, канадка, знающая английский и испанский, – а вот гарантированного места в Торонто, куда ей отчаянно хотелось, у нее не было. Это один из немногих анклавов с замечательной практикой принимать не только новичков, но и членов их семей: если бы Майя добилась своего, ее младшие брат и сестра поступили бы в школу как члены анклава.

Впрочем, такие анклавы очень разборчивы. Будь она номером третьим, ребята из Торонто предложили бы ей место; номер семь мог дать ей только союз и обещание подумать. Она могла бы получить гарантированное место для себя в каком-нибудь другом анклаве, но решила рискнуть: если она выберется, то сумеет убедить совет анклава, что она и ее родные – отличный выбор. Поэтому Майя начала новую игру: она поговорила с ребятами из Торонто, и они условились, что если она не переживет нашу так называемую миссию (ах, сколько драматизма!), место все равно останется за ней – и ее семья сможет вступить в анклав.

Следующим заклинателем, который вызвался добровольцем и владел двумя языками – испанским и английским, – оказался Анхель Торрес, счастливчик под номером тринадцать (недостаточно, чтобы получить гарантированное место в анклаве после трех с половиной лет упорной борьбы за каждую отметку). Типичная рабочая лошадка, из тех, кто спит пять часов в сутки,

получает десять заклинаний в неделю сверх нормы и берется за дополнительные проекты по каждому предмету.

Таким образом, нас стало пятеро. Вень просмотрел список добровольцев и выбрал пятерых мастеров и десять техников, не обращая внимания на рейтинг. Выпускники заглядывали ему через плечо, делая вид, что им все равно; на самом деле они внимательно следили, чьи имена он пропускал, а чьи без промедления вносил в список. Мнение эксперта о том, кто тут лучшие мастера и техники, получить трудно, но оно очень ценно – не столько для школы, сколько для любого анклава, вербующего людей. Вень в первую очередь отбирал тех, кто владел северокитайским диалектом, поэтому я никого не знала, кроме Чжэнь Ян, которая поступила в школу уже владея двумя языками и сделала то же самое, что и Лю, – стала заниматься математикой, литературой и историей по-английски, чтобы иметь больше времени на рабочие смены.

У остальных «адская неделя» прошла, как обычно, в панике и лихорадочной беготне, а вдобавок еще и пришлось собирать ману для нашей миссии – три раза в день, после еды. У всех больших анклавов и так есть крупный запас маны, сложившийся за несколько поколений; эти хранилища спрятаны где-то на верхних этажах или в библиотеке, и только выпускники из каждого анклава знают, где они. Десять крупнейших анклавов, в том числе нью-йоркский, отдали нашей маленькой команде разделители, и взамен все вливали ману в их хранилища. Целые шеренги учащихся делали отжимания в столовой, как на армейском плацу.

Наша группа проводила время в мастерской, тоже в панике и лихорадочной суете. Мастерам, естественно, приходилось тяжелее всего: им нужно было сделать большую часть работы заблаговременно. Остальные снабжали их едой и материалами и пять дней защищали от злыдней, которые буквально сыпались с потолка (пожалуй, мы неплохо попрактиковались). Кларита стала испытывать ко мне чуть меньше неприязни, после того как мы в среду, решив потренироваться, вместе успешно наложили ее заклинание. Поскольку выпуск предстоял в воскресенье, вы, наверное, подумаете, что мы запоздали – действительно запоздали, – но других вариантов не было. Наложить одно заклинание сообща – совсем не то же самое, что заниматься йогой с инструктором, который поощряет всех двигаться в своем ритме. Больше это похоже на разучивание танца с четырьмя малознакомыми партнерами и раздраженным хореографом, который орет, чуть высунешь ногу за линию.

Мы оглядывали наш щит, очень довольные собой, когда вдруг большая вентиляционная шахта у нас над головой взорвалась и оттуда рухнул шипозмей размером с дерево – он обвил нас своими пульсирующими конечностями и без особого успеха попытался разорвать на части. Признаюсь, я взвизгнула – и тут же устыдилась: никто из выпускников не отвлекся ни на секунду. Все они последние полгода неустанно тренировались в спортзале; можно было подкрасться к любому из них, пока тот спал, и лопнуть у него над ухом шарик – и он, скорее всего, убил бы тебя, не открывая глаз.

Дэвид Паэрс сказал:

– Ясно. – И вышел из-под действия заклинания, оставив нас удерживать щит. Он сделал глубокий вдох, явно намереваясь произнести внушительное

заклинание, но прежде чем Дэвид успел начать, Орион разорвал шипозмея на части как тряпку и сбросил безжизненную тушу на пол.

К пятнице наш щит казался таким же прочным, как стальные панели на лестнице. И пока мы все поздравляли друг друга, наши техники вдруг завопили и заскакали, обнимая друг друга. Примерно пять минут мы орали, требуя, чтобы они объяснили, в чем дело. Ян и еще одна англоязычная девочка – Элен Чэн из Техаса – сказали, что Вень придумал разделить всю конструкцию на три складные части. Они соберут их и поставят на место меньше чем за пять минут.

И все выпускники в нашей команде внезапно поняли, что у нас есть неплохой шанс выжить, и если наша миссия удастся, они выйдут из Шоломанчи героями с правом получить место в любом анклав. Когда впереди замаячил выпускной, техники принялись всерьез соревноваться на скорость. Чтобы не пришлось чересчур растягивать щит, только четверо самых быстрых (двое основных и двое про запас, если нам вдруг не удастся отогнать всех злыдней) могли пойти с Венем. Элен и Каито Накамуру он взял с собой на тот случай, если понадобится какая-то неочевидная деталь.

Хорошо, что у нас был повод для оптимизма, потому что иначе, боюсь, половина нашей группы передумала бы, когда дело дошло до основной проблемы, а именно – как спуститься.

Школа спроектирована так, чтобы та часть, в которой находятся ученики, была полностью отделена от той части, где ворота. Причина проста: если легко спуститься – значит, легко и подняться. Технологический колодец, который мы видели за стеной на лестнице – и в котором засел аргонет, – не значится на чертежах. Даже техники-выпускники понятия не имели, откуда он идет и сможем ли мы пройти сквозь те защиты, которые установлены там против злыдней. Техники полагали, что все будет в порядке – скорее всего, эту шахту построили для профессиональных ремонтников, которые время от времени должны были навещать в школу, – но в справочниках, даже в самых старых, о ней не нашлось ни слова.

Это даже разумно: место, про которое все забывают, почти наверняка исчезает, а значит, исчезает и лишняя брешь. Злыдни в выпускном зале, возможно, вернули шахте существование благодаря коллективному голодному отчаянию и желанию как-нибудь добраться до еды. И единственным способом спуститься к ним было лезть в темноту, где ждал неизвестно кто.

Когда в день выпуска зазвонил утренний колокол, Орион зашел за мной; мы спустились на этаж выпускников и встретились на площадке с остальными членами нашей команды. Вень дал каждому пояс с крюком для соответствующего заклинания, которое, как мы надеялись, должно было вытащить нас живыми; конец закрепили за сточное отверстие в старой комнате Тода – прямо напротив, через площадку. Мы, все тринадцать, спустились в самый низ, и там глава технической бригады, Винь Тран, используя скребок, осторожно открыл технологический люк на прекрасной новой стальной панели. Поначалу люк походил на плоский рисунок, но по мере того как Винь его разглаживал, бормоча себе под нос какое-то заклинание, он становился вполне реалистичным. Винь достал из кармана массивную латунную ручку, вставил ее в маленький черный кружок, одним

быстрым движением открыл дверцу – и тут же отпрыгнул, готовясь заслониться щитом.

Но из люка никто не выскочил. Орион подошел, сунул внутрь голову и руку, в которой горел свет (мы все вздрогнули), сказал: «Кажется, чисто», перевернулся и влез в отверстие, ногами вперед.

Несмотря на то что шествие возглавлял наш бесстрашный герой, никто не спешил лезть в дыру вторым. Мы переглянулись, и все взгляды предсказуемо сошлись на мне. Я не стала дожидаться, когда меня начнут понукать, – я просто сказала: «Ну? Пошли, пока Лейк не убежал слишком далеко» – и сделала вид, что совершенно спокойно лезу в мерзкий каменный мешок.

Все мы знаем, что школа огромна – нам приходится ходить по ней с утра до ночи. Но сознавать это, идя в столовую, – совсем не то же, что спускаясь по бесконечной лестнице в узкой шахте. Здесь так тесно, что спина трется о противоположную стенку и нельзя расставить локти. Человек, конечно, гораздо меньше аргонета, но и шахта, видимо, с тех пор сузилась, вновь стремясь исчезнуть. Внутри стояла удушливая жара, и стены вокруг содрогались от работы механизмов. Бульканье жидкости, текущей по трубам на другой стороне, то усиливалось, то стихало, не становясь фоном. Свет исходил только от тусклого сияния в руке Ориона.

Преодолев первую тысячу миль, я прислонилась к стене, чтобы отдышаться и дать отдых рукам. Пока я стояла там, отдуваясь – всего несколько секунд, – слышалось негромкое бульканье. Аккурат на уровне моей шеи в стене начала отодвигаться панель, не более сантиметра высотой.

Я не дура – и медлить не стала. Я поспешно полезла дальше, а потому так и не увидела, что появилось из отверстия; но наверняка это был артефакт, предназначенный для того, чтобы держать шахту в чистоте. Вряд ли что-нибудь простое, типа выскакивающего лезвия, – ему хватило ума целиться в самое уязвимое место (а этого не так просто добиться); а еще оно умело отличать людей от злыдней, по крайней мере настолько, чтобы спокойно пропустить нас. Я старалась не принимать близко к сердцу тот факт, что по поводу меня механизм, казалось, испытывал сомнения.

Больше я не останавливалась. Минула целая вечность, когда под ногами на секунду вспыхнул свет, и я очень коротко, но бурно вздохнула от облегчения. Орион добрался до конца, и отсутствие завываний и зубовного скрежета означало, что там относительно безопасно. Похожие вздохи раздались и у меня над головой.

Выбравшись из шахты, я оказалась в узкой комнатке. Стены и пол были почти на сантиметр покрыты сажей, пахло дымом. Я заподозрила, что мы стоим на останках злыдней, которые, исполнившись надежды, влезли в шахту вслед за аргонетом. Я ненавижу школу больше всего на свете, и не в последнюю очередь потому, что время от времени ты против воли вспоминаешь, что это место выстроили гении, пытавшиеся спасти собственных детей, а тебе просто посчастливилось оказаться здесь, под защитой их магии. Пусть даже тебя допустили сюда лишь в качестве еще одного полезного винтика.

Мы – я и прочие члены нашей команды – представляли собой четвертую ремонтную бригаду, посланную анклавом в выпускной зал ради спасения их

детей. За исключением нашего главного героя, который с горящими глазами, войдя в охотничий раж, уже рыскал по углам. Маленький огонек в руке озарял его серебристые волосы и бледную кожу, покрытую черными крапинками сажи (Орион активно щупал стены в поисках прохода). Хотя я понятия не имею, с чего он решил, что здесь должна быть дверь; те, кого сюда посылали, наверняка приносили ее с собой – если не были кончеными идиотами. Скорее всего, он только нашумел и дал злыдням знать о нашем присутствии. Впрочем, Ориона это не волновало – он так старательно искал путь на ту сторону, что когда я потыкала его в плечо, он рассеянно смахнул мою руку. Поэтому я щелкнула его по уху, и он наконец обратил на меня внимание; я ответила ему таким же сердитым взглядом и указала на шахту, по которой продолжали спускаться остальные. Слегка смутившись, Орион замер рядом со мной и стал ждать.

Комната была странной формы – длинная и узкая, чуть изогнутая; я догадалась, что мы находимся меж двух стен. Большинство технологических отверстий, которые я видела, находились в таком же пространстве между стен и не были отмечены на чертежах. Подозреваю, техники следят за ними точно так же, как я за книжками в библиотеке.

Винь вылез из шахты вслед за мной. Он сразу подошел к внутренней стене и осторожно приложил к металлу в нескольких местах маленький серебряный наушник. К тому моменту, когда все спустились, он уже нашел нужное место. Винь стер сажу и достал кусок ткани и крошечный флакончик; капнув на ткань три капли, он кругообразно провел ею по стене – и металл сделался мутно-прозрачным, как зеркальное стекло. Все мы по очереди присели и посмотрели в это окошко.

Меня все детство таскали на регбийные матчи. Большинство людей считают, что ты не настоящий валлиец, если не питаешь страстного интереса к регби, поэтому я агрессивно доказывала, что мне на него плевать. Но время от времени мама получала бесплатный билет и настаивала, чтобы я пошла с ней, просто за компанию. Однажды мы побывали на национальном стадионе Кардиффа, одном из самых больших в мире; толпа в семьдесят тысяч человек дружно орала гимн. Вот примерно такого размера был и выпускной зал – с той разницей, что именно нам предстояло выйти на поле, а толпа пускала слюни от голода.

Огромная центральная ось школы, проходящая через зал, казалась маленькой. Там и сям виднелись участки замасленного, покрытого черными пятнами металла – в тех местах, где разнообразные злыдни оторвали куски некогда изысканной мраморной облицовки. Тонкие бронзовые колонны вздымались вдоль стен, сплетаясь друг с другом, отчего потолок напоминал велосипедное колесо. Мрамор в промежутках между ними облупился, обнажив металл; одна особенно большая дыра на потолке выглядела как серьезный дефект конструкции. Между этими бронзовыми «спицами» виднелись обрывки липких сетей, натянутых на разной высоте и похожих на остатки праздничных флагов; наверняка там таились сиренопауки, готовые к прыжку.

Но нам повезло: злыдни решили, что через шахту в зал не проникнуть, и теперь боролись за удобные места, струдившись возле больших раздвижных стен по обе стороны зала, которые должны были открыться в момент выпуска. Снаружи перед нашим маленьким укрытием все было чисто, и Винь молча указал нам на два громадных цилиндра у стены – бронированных, опутанных

кабелями и трубками, с двумя большими стеклянными секциями посередке. Это и была наша цель.

Очистительный механизм благоразумно выстроили в самой уединенной части зала, прямо напротив ворот. Официальное руководство по выпуску строго предостерегает не отходить в это место, даже временно. Оно может казаться необыкновенно притягательным и безопасным, но это плохая идея, как и все, что отрывает тебя от основного потока бегущих учеников. Если сможешь призвать ледяное сияние, приковать противников к месту и убраться, прежде чем они оттают, – ты молодец. Но если ты способен на это, с тем же успехом ты можешь сделать и что-нибудь еще, не требующее семи минут, в течение которых тебя постоянно отвлекают. Общее правило гласит: все, кто отрывается от толпы, остаются на десерт, когда наконец устремляются к воротам. К тому времени прочие уже так или иначе исчезают, и все внимание обращается на них.

Как сейчас – на нас (очень жизнеутверждающая мысль). Злыдни не то чтобы преграждали нам путь, но тем не менее их было очень много – они царапались и барахтались, стараясь забраться на верх кучи. От голода они, видимо, совсем забыли об осторожности. Ужасно было наблюдать за этой шевелящейся массой – все равно что, гуляя по лесу, наткнуться на стаю муравьев, жуков, крыс и птиц, пожирающих дохлого барсука. Виктория из Сиэтла не ошиблась, когда сказала, что выпускники не смогут сделать и шагу. Когда их выбросит в эту кипящую прорву, бедняг за несколько секунд разорвут на части. Заглянув в зал, ребята отходили от глазка довольно мрачные.

Зато теперь стало ясно, что нам нужно придерживаться плана. Спорить было не о чем. Мы все выстроились в ряд позади Ориона, и Винь открыл еще один люк, осторожно прикрепив его к концу заклинания-крюка, чтобы он захлопнулся, когда нас через него выдернет.

О том, что такое выйти в выпускной зал, сказать ничего не могу. В любом случае, это лучше, чем забраться внутрь чреворота. И потом: то, что мы сделали, было настолько безумно, что злыдни не отреагировали на нас немедленно. Толпившиеся у стены были слишком заняты борьбой друг с другом, а слабаки таились в темных уголках и надеялись, что им повезет. Терпение и Стойкость, неподвижно стоя у ворот, что-то негромко бормотали, напевали обрывки бессмысленных песен, похныкивали, как спящие дети; их глаза были почти все закрыты, а щупальца лениво исследовали пустоту вокруг.

Изначально мы намеревались бегом добраться до механизма (Орион должен был отбиваться от злыдней по пути) и накрыться щитом. Но поскольку никто не прыгнул на нас сразу, Кларита просто пошла вперед, медленно и не останавливаясь. Мы все последовали за ней. Злыдни вдоль стен начали поднимать головы и смотреть на нас, но так как до сих пор подобных идиотов не находилось, они не сразу поняли, что происходит. К сожалению, у множества злыдней нет мозга, чтобы осмыслить хоть что-то, – только эквивалент носа, который сообщает им, что поблизости вкусные порции маны. Поэтому к нам, скребя когтями по полу, устремились несколько мелких суетливых тварей.

И этого оказалось достаточно, чтобы полдюжина оголодавших шаен отделились от своей спящей стаи и заинтересовались нами: из их пастей стекали тонкие нити фиолетовой слюны. Мы ускорили шаг – и тут огромная дыра в куполе оказалась вовсе не дырой, а громадным летуном, которым оторвался от потолка и заскользил к нам. Орион крикнул: «Вперед!», и его меч засветился. Мы побежали.

Шаены сразу же погнались за нами. Это тупые твари, помесь гепарда с гиеной, водяным буйволом, носорогом и, возможно, еще несколькими животными. В колониальную эпоху их сляпали какие-то идиоты из кенийского анклава, чтобы было интереснее охотиться. Одну независимую волшебницу, жившую среди местных заурядов, это сильно рассердило. Она подрядилась на какую-то работу в анклав, проникла внутрь, тайком усилила шаен, дав им очаровательную дополнительную способность в виде парализующего укуса, и всех их выпустила. Анклаву настал кровавый конец, но шаены выжили, и иногда их даже держат в качестве сторожевых псов. Вообще-то они не стопроцентные злыдни: хорошо выдрессированная шаена не убьет тебя ради маны, даже если будет голодна. Но в основном шаен как следует не дрессируют, поскольку их задача – убивать незваных гостей ради маны. Мама всегда переживает из-за того, как дурно с ними обращаются.

В ту минуту я была далека от сочувствия. Я в хорошей форме – не считая недавней раны на животе, – но, в отличие от меня, выпускники последние полгода упражнялись в беге. Я оказалась в хвосте нашей группы. Благодаря разделителю мне хватило бы маны, чтобы перебить хоть тысячу шаен, не то что трех шелудивых изголодавшихся тварей, но если бы я обернулась, чтобы наложить заклинание, меня бы отрезали от остальных и окружили. Даже сумей я пробиться к остальным, то потратила бы огромное количество общей маны, которая нужна нам для ремонта.

Но первая шаена уже царапала мой щит, и если бы я промедлила еще немного, он бы не выдержал. Я решила остановиться за кучей мрамора и костей, и тут Элен, бегущая в двух шагах вперед меня, споткнулась о разбитую плитку и упала. По инерции я пролетела дальше – и не стала оборачиваться: в этом не было смысла. Ее крик оборвался предсмертным бульканьем, и я знала, что смотреть нельзя, тогда ужас обретет воплощение. Пока я не смотрела, Элен как бы не была мертва и мне не нужно что-то чувствовать, вспоминать, как она улыбалась два дня назад, как говорила, что у нас все получится. Прямо сейчас я ни секунды не могла потратить на чувства.

Я добежала до механизма и встала рядом с Дэвидом. Толпа злыдней, сбившаяся у стен, дружно поворачивалась к нам как одно огромное существо, разливалась вокруг словно жидкость. Те, что оказались сзади, уже бежали к нам со всех ног, надеясь воспользоваться неожиданным преимуществом, а те, что были в первых рядах, пытались восстановить статус-кво. Кларита начала колдовать. Я произнесла свои строчки, и мы подняли щит, а техники оторвали полированную медь, прикрывавшую механизм. Пока все шло по плану.

И тут Вень сказал по-китайски что-то, что (не сомневаюсь) было в высшей степени непристойно.

Поймите, выпускники дали нам массу поводов относиться к ним с подозрением; отправиться вниз за два часа до выпуска было оптимальным вариантом. Я даже не сомневаюсь: если бы мы отправились сюда накануне

вечером, они бы нас не прикрыли. Оставить неприятностям чуть больше времени на развитие – неплохая стратегия. И если бы план дал хотя бы небольшой сбой, мы бы все погибли.

Я определенно была права. При нормальных обстоятельствах нас бы сожрали. Мы оказались в самой гуще выпускной орды – одни. Впрочем, мы располагали всем запасом школьной маны, так что, возможно, мы бы выдержали еще минут двадцать яростного стука о щит. А потом мана бы закончилась, и щит бы упал, и нас бы порвали.

Но нормальные обстоятельства нам не светили, поскольку рядом был Орион.

Это так ужасно – держать щит, слыша, как лихорадочно гремят и лязгают у нас за спиной техники, и понятия не имея, сколько времени понадобится, чтобы все исправить. Никто из нас, держащих щит, этого не знал; мы потеряли Элен, а Чжэнь не пошла с нами, потому что среди техников оказалась пятой по скорости. Получить объяснение в ту минуту можно было единственным образом – попросить у Виня объяснений по-французски, но он стоял на коленях, наполовину погрузившись в механизм, и очень настойчиво и гулко выкрикивал инструкции Веню и Каито, отчаянно раздирающим на части какую-то штуку, которую так старательно собирали в мастерской. Я сильно пожалела, что не выкроила время на изучение китайского.

И все это время Орион безостановочно совершал чудеса, вливая в нас свежую ману после каждого убитого злыдня. Первоначальная идея заключалась в том, что он будет стоять за щитом и высовываться, только когда появится что-нибудь реально опасное. Но он ни разу не отступил даже глотнуть воды. Он стоял впереди, на виду, и продолжал убивать злыдней у нас перед носом. А я ничего не могла поделать – только выполнять свою часть задачи и удерживать проклятый щит, что не требовало особых усилий, поскольку почти никому из злыдней не удавалось прорваться к нам мимо Ориона. Мы словно наблюдали за ними по телевизору сквозь безопасное толстое стекло.

В какой-то момент злыдни действительно отступили. Не знаю, сколько это продлилось – десять минут или сто лет. Скорее последнее. Орион хватал ртом воздух, с волос у него капал пот, футболка промокла насквозь – а перед ним ровным полукругом в полметра шириной лежали расплюснутые, проткнутые, испепеленные, изрубленные и иными способами истребленные злыдни. Струдившиеся напротив гады напоминали стену с горящими глазами, разинутыми пастьями и острыми когтями. Двигались только падальщики – их было с полдесятка, и все они радостно спешили прочь, унося останки какой-нибудь жертвы Ориона. Остальные стояли на месте целую минуту, прежде чем кто-то наконец предпринял новую попытку. Злыдень не набросился на Ориона – он попытался обойти его и атаковать нас.

Как только тварь кинулась в обход, с места сорвался целый десяток; все они пытались воспользоваться тем, что Орион отвлекся. Но мы без особых трудностей удерживали щит, во всяком случае я – до тех пор, пока Дэвид Паэрс вдруг не упал. Я мельком заметила его посеревшее лицо: наверное, он умер прежде, чем свалился сквозь щит. Надеюсь, что так. Четыре разных злыдня тут же вцепились в него, сверху навалились еще десять. Орион бросился туда, но когда злыдни рассыпались перед ним, не осталось уже буквально ничего, даже пятна крови – Дэвид словно испарился.

Сотня злыдней воспользовалась новой брешью и кинулась на нас. Орион не сумел остановить всю волну сразу: они ударились о щит в ту самую секунду, когда он ослабел. Многие заклинания, которые накладывают несколько человек сразу, моментально рассыпаются, если выпадает одно звено. Кларита отлично подстраховалась – ее заклинание напоминало разговор, который естественным образом продолжается, когда кто-нибудь выходит из комнаты. Мы заранее упражнялись в этом – поддерживали заклинание, если кто-нибудь выпадал. Но нам не приходилось сдерживать бесчисленные атаки, и Майя, стоящая между мной и Дэвидом, издала сдавленный хрип и тоже выпала, выдернув руку из моей руки. Шатаясь, она сделала несколько шагов назад и рухнула на пол, прижав ладони к груди.

Кларита напряженным голосом уже выкрикивала строчку Дэвида; я произнесла реплику Майи, протянула руку и схватилась за Клариту, чтобы сомкнуть ряд, нас осталось только трое, считая Анхеля Торреса. Щит на мгновение заколебался, словно воздух над горячим асфальтом, и из толпы злыдней как пушечное ядро вылетел гигантский червь-сосун длиной с грузовик и бросился на нас. Он присосался к щиту как минога напротив моего лица; круглая, как у сарлакка, ярко-розовая пасть, полная светящихся зубов, старалась уцепиться за щит, чтобы пробуровать дырку.

Заклинание щита – это разговор, поэтому я припомнила все способы, которыми люди давали мне понять, что не жаждут моего общества. Равнодушие, намеренно пониженный голос... Я притворилась, что Дэвид и Майя еще здесь, просто отвернулись на секунду, чтобы червь их не слышал, его тут не хотели видеть, он должен отвалить. Моя боль усилила эффект; я шепотом, сквозь зубы, произнесла реплики Дэвида, и вспышка гнева помогла мне влить ману в щит. Червь отцепился и соскользнул на пол; семь злыдней поменьше мгновенно вскочили ему на спину и разорвали его на части.

Кларита взглянула на меня, и тут позади раздался торжествующий вопль Виня, который вылез из механизма. Мы не могли обернуться, но слышали, что вся команда техников произносит последнее заклинание – и это было первое понятное действие с их стороны. Прилив маны, прокатившийся через них, оказался так силен, что я ощутила его спиной – вроде разряда статического электричества, – а потом Винь и Джейн Гох с громким лязгом поставили защитную крышку на место и схватили нас за плечи в знак того, что все готово.

– Allons, allons! – орал Винь, но мы не нуждались в команде.

Каито помогла Майе встать и ухватиться, а я начала вопить как ненормальная:

– Орион, иди сюда! Орион Лейк, да-да, ты, ты, пока тебя еще не изжарили, мы уходим, Орион!

И если вы думаете, что этого было достаточно – ведь он находился всего в двух шагах от меня, – я с вами искренне соглашусь. Но... нет. Орион в очередной раз окружил себя кольцом мертвых злыдней и стоял в середине, пригнувшись и выжидая.

Хорошо, что вокруг были адекватные люди: Анхель, стоя по другую сторону от Клариты, нагнул, свободной рукой поднял с пола кусочек отбитого

мрамора и бросил его в Ориона. Бросил слабо, целясь в ботинок, но этого хватило, чтобы Орион мгновенно развернулся и шарахнул по Анхелю – к счастью, щит еще был поднят. Когда он понял, что натворил, у него глаза полезли на лоб, но ему тут же пришлось снова обернуться, чтобы уничтожить двух злыдней, которые бросились в брешь.

– Лейк, ты полный кретин! – в бешенстве закричала я, но, к счастью, память у Ориона была лучше, чем у золотой рыбки: убив двух злыдней, он подбежал к нам, схватился за вытянутую руку Анхеля, и тогда Вень активировал крюк.

Раньше я никогда не испытывала на себе заклинание-крюк. Человеку, который считает, что прыгнуть на тарзанке с высоченной скалы – лучшее развлечение в мире, наверное, понравилось бы. Лично мне – нет. Пока крюк с невероятной скоростью тащил нас сквозь орду чудовищ (остатки нашего щита расшвыривали их с дороги) по мучительно узкой шахте, я все время пронзительно вопила. Еще громче я заорала, когда мы вынеслись на площадку, влетели в комнату Тода и благодаря нашей совокупной инерции выскочили за край. Половина нашей команды на мгновение повисла над пустотой – зияющей бездной под нами и вокруг нас, – и я уже собиралась завопить на новый лад, но тут крюк снова натянулся, протащил нас задом наперед через комнату Тода и кучей вывалил посреди коридора.

Если бы в ту минуту меня накрыла полная амнезия, я бы не заметила никакой разницы. Я стояла на коленях на полу, дрожа, обхватив себя руками; казалось, мое лицо сделано из пластмассы, которая отчасти растаяла и стекла с костей. По всему коридору хлопали двери, выпускники кучками бежали мимо, некоторые бросали на нас испуганные взгляды, но не замедляли шага, и я поначалу даже не поняла...

– Graduación! – воскликнула Кларита, и они с Анхель и Майей бросились в разные стороны.

Майя, синевато-бледная, еще спотыкалась, но все-таки держалась на ногах. Все они растворились в толпе. Техническая команда тоже разбежалась по своим союзам.

Орион схватил меня за плечо, и я испуганно вскрикнула: мое тело словно пронзили иголки и булавки.

– Мы пропустили сигнал! – закричал Орион, перекрикивая гвалт.

Я кивнула, кое-как поднялась и последовала за ним, стараясь ни с кем не столкнуться. Он вышел на лестницу впереди меня, и тут я услышала чей-то крик:

– Эль! Орион!

Я остановилась: Кларита стояла в дверях комнаты и махала рукой:

– Вы не успеете до того, как начнется очищение! Не дурите!

Я колебалась, но Орион уже бежал вверх по лестнице, прыгая через две ступеньки; тогда я покачала головой и бросилась за ним. Это было не

лучшее решение. Орион скрылся из виду, а мне пришлось остановиться, цепляясь за вибрирующие перила: лестница качалась туда-сюда как лодка, и мой желудок колыхался вместе с ней. Я заставила себя двинуться дальше, и тут вдруг рядом появился Орион, схватил меня за руку и потащил вверх. Я даже не огрызнулась на него, только крепко прижала свободную руку к животу, чтобы унять боль, и неверными шагами побежала за Орионом, позволив ему удерживать меня от падения.

Но прежде чем мы достигли этажа, на котором находилась мастерская, послышался скребущий звук, и из коридора навстречу нам выкатилась волна пищащих извивающихся и скачущих мелких злыдней. Их гнал такой панический ужас, что они даже не попытались нами закусить; точно такие же волны неслись вверх и вниз по лестнице – злыдни мчались в разные стороны, сшибая друг друга. Собравшись с силами, тяжело дыша, я преодолела последние несколько ступенек, ведущих к мастерской, но тут крики злыдней утонули в нарастающем реве, похожем на многократно усиленный гул огня. Он исходил одновременно сверху и снизу; на лестнице заплясали резкие тени. Орион на мгновение замер, по-прежнему сжимая мою руку, а потом потащил меня к мастерской. Но бежать было некуда. Впереди нас бело-синяя волна смертоносного пламени уже заполнила коридор от пола до потолка как живой потрескивающий занавес – в нем скакали и корчились в предсмертной агонии попавшиеся злыдни, а мелкие механические твари с лязгом рассыпались, когда из них выходила мана.

Орион дышал коротко и рвано. Я ни разу не видела, чтобы ему было страшно там, в зале, но смертоносное пламя не злыдень – оно пожирает все на своем пути, в чем есть мана либо магия. Боевая магия против него бесполезна, бороться с ним нельзя. Но надо отдать Ориону должное: он не запаниковал, хотя к нему и приближалось то единственное, чего он по-настоящему боялся. Он просто стоял и тупо смотрел на пламя, словно не мог до конца поверить в происходящее.

Я выпрямилась и закрыла глаза, собираясь произнести заклинание... а затем мне пришлось оттолкнуть Ориона, который пытался схватить меня за рабочую руку.

– Что ты делаешь? – спросила я, сопротивляясь, однако он проявлял нелепую настойчивость.

Да, я искренне не понимала, что делал Орион, когда цеплялся за мои руки в минуту неминуемой, как ему представлялось, гибели. Но только я об этом задумалась – ответ оказался настолько очевиден, что я почувствовала себя полной дурой.

– Значит, я тебе нравлюсь? – в бешенстве крикнула я, и он повернулся с искаженным от вымученной решимости лицом, взял в ладони мои щеки и поцеловал.

Я врезала ему коленом – от отчаяния, потому что голос тоже был мне нужен, толкнула на пол, повернулась к надвигающемуся огню и призвала собственную стену смертоносного пламени – как раз вовремя, чтобы воздвигнуть ее вокруг нас.

Глава 13

Смертоносное пламя

Внутри нашего ненадежного укрытия стояла страшная жара, но оно было нужно нам ненадолго. Очистительный огонь прокатился мимо меньше чем за минуту и отправился дальше по коридору, весело пожирая все на своем пути. Я убрала свою стену – она слегка сопротивлялась, поскольку не желала исчезать, ничего не пожрав, но все-таки я ее прогнала, и мы остались одни в свежеебоженном коридоре, где из вентиляционных отверстий слегка несло подгорелыми грибами.

Я продолжала смотреть вслед промчавшейся мимо стене огня, будто боялась, что в любой момент она может вернуться. Но нет – очищение в конце года проводится быстро и тщательно. Стены смертоносного пламени возникают каждая на своем месте и в свое время, чтобы не пропустить ни одного укромного уголка. В ту самую минуту, когда пламя прошло мимо нас, две огненные стены, очищавшие лестницу, встретились на площадке. Они обе погасли, а наша волна сейчас, вероятно, потухала чуть дальше в коридоре. Я внимательнее смотрела на стену огня, чем на Ориона, поскольку иначе мне пришлось бы взглянуть ему в лицо и даже что-нибудь сказать.

А потом я чуть не упала, когда вся школа у меня под ногами заходила ходуном. Стены и пол за пределами того места, где находилась моя защитная стена, были еще обжигающе горячи, и мне пришлось присесть на крошечном клочке пола вместе с Орионом, одной рукой хватаясь за него, а другой балансируя. Мы напоминали неуклюжего двухголового серфингиста, который отчаянно пытается удержать равновесие. Я не расслышала, что Орион пытался сказать. Механизм работал в сто раз громче, чем в прошлые разы, когда я пряталась в своей комнате во время выпуска; ужасно скрипя, задвигалась лестница снаружи. Показалась знакомая площадка нашего этажа и медленно поплыла вниз. Когда она скрылась из глаз, лестница, громко лязгнув, остановилась, и стало тихо.

Через несколько секунд одновременно включились все распылители, и коридор мгновенно наполнили облака пара. Мы стояли, насквозь мокрые, в таком густом тумане, что невозможно было дышать, но горячие стены уже высушивали влагу, и сточные отверстия начали с гулом всасывать излишки, оставив нас, как двух утонувших крыс, посреди чистенького коридора. Зазвонил колокол, возвещая о конце семестра, и слабым эхом на лестнице отдалось хлопанье дверей наверху и внизу.

У нас под ногами еще раздавался приглушенный скрежет: этаж выпускников уезжал в самый низ. Если очистительный механизм не сломался, Кларита, Вень и остальные должны были выйти почти в пустой зал, выжженный от стены до стены огромной волной смертоносного пламени. Несколько злыдней поменьше могли спрятаться от огня среди обломков. Сиренопауки наверняка

уцелели благодаря своим панцирям. Терпение и Стойкость нужно неделю держать в смертоносном пламени, чтобы уничтожить. Но их щупальца сторели, и глаза тоже. Выпускники смогут пройти напрямик до ворот – все до одного.

А может быть, механизм не сработал и они окажутся посреди изголодавшейся, взбешенной как стая ос орды, которая ждет их с открытыми пастьми. И о судьбе выпускников мы узнаем лишь в следующем году, когда настанет наша очередь. Мы дожили до выпускного класса – причем не только каждый второй. Это сделал Орион, который изменил правила школы, и когда он коснулся моего плеча, я его не оттолкнула.

– Ты меня спасла, – произнес он с явным недоумением.

Я решительно повернулась, собираясь намекнуть, что он не единственный тут умеет приносить пользу, но Орион смотрел на меня с совершенно однозначным выражением лица, которое я видела не раз: так время от времени мужчины смотрят на мою маму. Нет, не то, что вы подумали; в этом нет ни капли вожделения. Так смотрят на богиню, в надежде, что, может быть, она тебе улыбнется, если ты.. ну, не знаю.. докажешь, что достоин.

Я никогда не думала, что кто-нибудь будет так смотреть на меня.

И я понятия не имела, что делать – разве что врезать Ориону еще разок, только посильнее, и бежать. Этот план казался все привлекательнее, но я не успела его осуществить: Орион швырнул меня на пол, прямо в лужу, еще довольно горячую, и выпустил полдюжину огненных шаров поверх моей головы в небольшую стайку жрунов, которые, видимо, притаились на потолке, в отгороженном мной пространстве, а теперь спускались к нам пировать.

И именно в этот момент в коридор с лестницы зашла компания человек из десяти – как раз вовремя, чтобы увидеть, как я лежу на полу у ног Ориона и руки у него дымятся, а вокруг аккуратным кольцом лежат обугленные тушки жрунов. Последний как раз плюхнулся с потолка.

Читатель, я сбежала.

Это было нетрудно: все хотели поговорить с Орионом, узнать, как он перебил злыдней, починил механизм и спас выпускников. Я не сомневалась, что к вечеру никто уже и не вспомнит, что в этом участвовала целая команда, и уж тем более что в этом участвовала я. Если бы я осталась, мне бы, скорее всего, пришлось обхватить Ориона обеими руками и повиснуть на нем как очень цепкий плющ; я этого не сделала – и толпа меня унесла.

Оставалось только следить, чтобы меня несло в нужном направлении, поскольку я хотела сделать то, что делает в конце семестра любой разумный человек: я направлялась к мастерской, где могла две минуты посвятить себе, прежде чем туда припрутся все. Контейнеры с материалами в конце семестра очищены и заново наполнены, поэтому насчет злыдней можно не беспокоиться. У большого горна висели пять кузнечных фартуков из плотной огнеупорной ткани; я схватила один, который был примерно впору Аадхье, расстелила его на верстаке и принялась нагружать.

Сначала я собрала материалы, необходимые для шкатулки: если у тебя в голове конкретный проект и ты не упускаешь возможность, например, первой

сходить в мастерскую после пополнения запасов, то, скорее всего, найдешь что-то нужное. Я сразу же нашла четыре куска амарантового дерева, две полоски серебра для инкрустации, массивные стальные шарниры и моток титановой проволоки (которую, несомненно, можно зачаровать и сделать пружину, удерживающую крышку на месте, как бы мне ни хотелось оставить ее открытой). Достался мне и отрезок светодиодной ленты. Книги заклинаний обожают электронику; если сделать шкатулку, которая светится, когда ее открываешь, книга почти с гарантией не потеряется – разве что ты ну очень небрежна.

Когда я уже заканчивала грузить свою добычу, стали подходить остальные, но даже и тогда я успела похватать всякие мелочи, прежде чем забеспокоилась о сохранности груза. Все новоприбывшие устремлялись к материалам, представляющим ценность для обмена, вроде брусков титана и мешочков с алмазной крошкой. Я решила с ними не соперничать и вместо этого задумалась о том, что могло понадобиться Аадхье для ее лютни. Я нашла пакетик тонкой металлической проволоки, пачку наждачной бумаги и две громадные бутылки с эпоксидной смолой, связала добычу в узел и унесла его, как раз когда толпа начала сгущаться.

Я пошла по коридору в другую сторону, на противоположную площадку. Мне не хотелось пробиваться сквозь восторженную толпу, которая, вероятно, еще теснилась там, где стоял Орион, и уж раз наш этаж повернулся, та площадка могла оказаться ближе к моей комнате. Была еще целая куча абсолютно понятных причин. В конце семестра на лестницелюдно, поскольку все носятся по школе, собирая материалы, но по пути вниз мне почти никто не попадался. Ниже нас теперь никто не жил.

В нашем коридоре царилана худшая атмосфера. В основном здесь оставались ребята из анклавов, которым не нужно было утруждаться и срочно бежать за материалами; они наслаждались горячим и относительно безопасным душем или торчали в свежоочищенном коридоре и болтали. Кое-кто даже кивнул мне, когда я проходила мимо, а одна девочка из Дублина воскликнула:

– Ты достала кузнечный фартук, вот повезло! Хочешь поменяться?

– Это для Аадхьи, девятая комната от желтой лампы, – сказала я. – Не сомневаюсь, она охотно его одолжит.

– Да, точно, я видела, что вы записались. Желаю удачи! – улыбнулась она, как будто я была абсолютно нормальным человеком.

Я отнесла узел к себе в комнату, куда вошла с осторожностью, поскольку во время очищения не забаррикадировала дверь от злыдней. Мана еще текла сквозь разделитель у меня на запястье, и я без малейших угрызений совести воспользовалась ею, чтобы наложить заклинание Разоблачающего Света. Я обошла все уголки и перевернула кровать набок. Ну конечно – в одной из больших ржавых пружин я обнаружила аккуратно угнездившийся там загадочный кокон, который обещал стать неприятным сюрпризом. Я высыпала гвозди и шурупы из стоящей на столе банки и сунула кокон в нее. Может быть, Аадхья сумеет применить его к делу, или я продам его какому-нибудь алхимику.

Я обнаружила еще некоторое количество злыдней класса грызунов на полках среди учебников, и пока я разбиралась с ними, один маленький побегунчик

спрыгнул со стола, где прятался в бумагах. Прямо сейчас еда его не интересовала – он устремился к сточному отверстию в середине комнаты. Я попыталась его прихлопнуть, но он был слишком шустрый, и я промахнулась. Он нырнул между прутьями решетки, энергично виляя задом, снабженным блестящим жалом, и протиснулся внутрь, прежде чем я успела сообразить, чем в него швырнуть, чтобы не растопить кусок пола и не убить никого в коридоре. Ну ладно. Вот поэтому к концу первой четверти вся школа вновь кишит злыднями, и ничего тут не поделаешь.

С громким лязгом я устало поставила кровать на место, и тут кто-то ко мне постучал. Я тут же погасила Разоблачающий Свет: мне страшно хотелось притвориться, что я где-то в другом месте, например на Луне, но свет наверняка был виден сквозь щели, и к тому же я только что громко брякнула кроватью. Я собралась с духом, подошла к двери и приоткрыла ее, держа в голове несколько возможных фраз, из которых ни одна не пригодилась, поскольку это была всего лишь Хлоя.

– Привет. У тебя горел свет. Я узнала, что вы с Орионом спаслись, ну и решила заглянуть. Ты цела?

– Я бы сказала «да, насколько можно было ожидать», но вряд ли кто-то ожидал, что я вернусь живой. Так что, видимо, все даже еще лучше, – ответила я и, сделав глубокий вдох, заставила себя отключиться от свободно текущей маны, сняла с запястья браслет-разделитель и протянула Хлое.

Та помедлила и осторожно произнесла:

– Знаешь, если ты передумаешь насчет места в анклаве...

– Спасибо, – коротко сказала я, продолжая протягивать руку.

Она еще немного подождала и забрала браслет.

Я думала, что наша беседа окончена – мне бы этого хотелось. Хлоя, похоже, приняла душ – влажные светлые волосы были собраны двумя тонкими серебряными заколками. Она щеголяла аккуратной стрижкой – кто-то недавно для нее расстарался. На ней было легкое синее платье с пышной юбкой чуть выше колен и сандалии на ремешках – такой наряд даже девушка из анклава не рискнула бы надеть позже начала первой четверти. Хлоя, очевидно, впервые надела его только в этом году, иначе платье бы на ней висело.

А я была в самой потрепанной из своих двух футболок, которую отнюдь не украсили недавние приключения, в грязных залатанных штанах с толстым ремнем и подшитыми внизу полосками ткани, в рваных старых сандалиях, которые выменяла в среднем классе, когда обувь, в которой я поступила в школу, стала мне мала. Вначале сандалии были мне велики, но я уже и из них почти выросла. Волосы выбивались из растрепавшейся косы, которую я заплела, прежде чем отправиться в выпускной зал. Не говоря уж о том, что в последние четыре дня я не мылась, если не считать случайного душа в коридоре. Наряды меня не интересуют, и не только потому, что я не могу себе этого позволить, но рядом с Хлоей я сознавала, что выгляжу так, словно меня протащили по целому лабиринту из колючих кустов.

Но Хлоя не спешила вежливо прощаться; она стояла на пороге, крутя разделитель в руках. Я уже собиралась извиниться и завалиться спать часов на двенадцать, но тут она выпалила:

- Эль, прости.

Я ничего не ответила, поскольку не знала, за что конкретно она извиняется.

Но Хлоя продолжила:

- Знаешь... тут привыкаешь к разным вещам. И не задумываешься, насколько это правильно. Или хотя бы допустимо. - Она сглотнула. - Просто не хочешь ни о чем думать. Никто не хочет. И поделаться все равно ничего нельзя. - Она взглянула на меня; ее нежное лицо и ясные глаза были полны грусти.

Я пожала плечами:

- Никто и не планировал, чтобы что-то можно было с этим поделаться.

Хлоя помолчала, а потом сказала:

- Я не знаю, как быть. Но я не обязана делать жизнь хуже. Я... - Она вдруг занервничала, отводя глаза и облизывая губы; ей явно было неловко. - Я соврала. Тогда, в библиотеке. Мы.. в общем, нас не так уж волновало, что ты можешь быть малефицером. Но мы хотели, чтобы нас это беспокоило, потому что ты нам не нравилась. Мы говорили, какая ты противная и грубая и как используешь Ориона, чтобы все перед тобой заискивали. Когда Орион нас познакомил, я вела себя так, будто было достаточно намекнуть, какое это счастье - беседовать со мной, и ты бы тут же перед нами распласталась. Словно я такая особенная. Но на самом деле мне просто повезло. Вот Орион - он особенный. - Хлоя издала звук, похожий на неудавшийся смешок. - И он хочет быть твоим другом, потому что ты на это не обращаешь внимания. Тебе все равно, что он особенный. Тебе все равно, что мне повезло. Ты не собираешься передо мной заискивать только потому, что я из Нью-Йорка.

- Вообще-то я ни перед кем не заискиваю, - ворчливо сказала я; мне было неловко слушать эту речь - она слишком походила на настоящее извинение.

- Ты вежлива с теми, кто вежлив с тобой, - заметила Хлоя. - С теми, кто не лицемерит. Я не желаю лицемерить. Поэтому - извини. И.. я не против с тобой общаться. Если хочешь.

Ага, я прямо мечтала подружиться с богатой девочкой из анклава, чтобы регулярно вспоминать о недоступных мне благах (все они вполне ничего себе, хотя лично я бы выбрала совершенно другое). И если Хлоя Расмуссен приличный человек и верный друг - значит, то, чего у меня нет, не обязательно должно входить в конфликт с тем, что имеет для меня смысл. И я понятия не имела, как это сочетать, не испытывая все время недовольства; я лишь была уверена, что «нет, катись отсюда» прозвучит грубо и заносчиво, да еще и с долей эксцентричности.

- Ладно, - сказала я еще ворчливее.

Единственный плюс: наконец-то Хлоя, смущенно улыбнувшись, сказала, что у меня усталый вид, и ушла; а я закрыла дверь, плюхнулась на кровать и заснула мертвым сном – сном человека, который чудом выжил.

Спустя некоторое время в дверь опять постучали, и я услышала голос Лю:

– Эль, ты не спишь?

Я спала, но стук меня разбудил, и я впустила ее и Аадхью. Они принесли мне еду из столовой. Я отдала Аадхье кузнечный фартук и материалы, которые раздобыла для лютни. Они обе разжились припасами, хотя моя добыча все равно была внушительней. Зато когда Лю побывала на складе, она прихватила для меня несколько хороших тетрадей и запасных ручек.

– Не хочешь нам рассказать? – спросила Лю, когда я поела и опять растянулась на кровати.

– Механизм сломался каким-то затейливым образом, и понадобилось больше часа на ремонт, – сказала я, глядя в потолок. – Одного из мастеров мы потеряли по пути, а Паэрс свалился, пока мы держали щит, и мы запоздали, и застряли на этаже у мастерской во время очищения, и Орион меня поцеловал.

Вообще-то я не собиралась этого говорить, но оно само вылетело. Лю восторженно пискнула и захлопнула рот рукой.

– Как вам удалось спастись от огня? – невозмутимо спросила Аадхья, но Лю шлепнула ее по коленке и воскликнула:

– Какая разница! Ну? Было приятно? Он хорошо целуется? – А потом густо покраснела, захихикала и закрыла лицо руками.

Я, наверное, сама стала бы такого же цвета, если бы только смогла.

– Не помню!

– Да брось! – сказала Аадхья.

– Честно! Я... – Застонав, я села, уткнулась лицом в колени и договорила невнятно: – Я врезала ему коленом, чтобы не мешал ставить защиту.

Аадхья так захохотала, что свалилась с постели, а Лю смотрела на меня разинув рот, совершенно потрясенная.

– «Я не встречаюсь с Орионом, мы просто друзья», – пропыхтела с пола Аадхья: именно это я сказала ей и Лю в тот вечер, когда мы заключили союз – я ведь вовсе не хотела залучить их обманом. – Ну, свидание ты провалила.

– Спасибо, ты меня успокоила, – сказала я. – И я не врала! Я с ним не встречалась!

- Разумеется, - кивнула Аадхья. - Только парень способен две недели ходить с девушкой на свидания и не сообщить ей об этом.

Мы все похихикали, а потом, когда мы немного успокоились, Лю осторожно спросила:

- А ты хочешь с ним встречаться? - Вид у нее был очень серьезный.

- Мама сказала, что это плохая идея.

- Моя мама мне сказала, что все мальчишки носят секретного ручного злыдня в трусах, и если остаться с парнем наедине, он его выпустит, - сообщила Аадхья.

Мы завизжали от смеха, и она тоже засмеялась.

- Да, да, я понимаю. Но она нарочно это сделала - лучше уж мне думать, что так оно и есть, потому что если я забеременею - будут проблемы..

Лично я не удосужилась об этом подумать - беременность казалась наименее вероятной из моих многочисленных проблем.

- Моя мать была на третьем месяце, когда выпустилась.

- О боже, - сказала Аадхья. - Вот, наверное, она напугалась.

- Мой папа спас ее ценой своей жизни, - негромко договорила я, и Лю сжала мне руку.

У меня перехватило горло. Я впервые об этом рассказала.

Мы посидели молча, а потом Аадхья произнесла:

- Значит, ты будешь единственным человеком, кто выпустится из школы дважды.

И мы снова захохотали. В ту минуту вовсе не казалось, что мы искушаем судьбу, обсуждая выпуск как что-то вполне вероятное.

Я лежала в полудреме, пока мы обсуждали планы на первую четверть и сбор маны. Лю записывала цифры, а я с невольной тоской подумала про разделитель маны и потеряла запястье в том месте, где был браслет. Трудно было винить Хлою, да и других ньюйоркцев. Вся эта мана, которая просто текла с кончиков пальцев - столько, что конца-края не видно... за ней не чувствовалось никакого труда. Она казалась даровой, как воздух. Я пользовалась ею всего несколько часов - и уже скучала по этому ощущению.

Я то засыпала, то просыпалась, сама не понимая, в чем дело. Аадхья и Лю, наверное, поняли - они сторожили меня и даже разбудили к ужину.

- Давайте подумаем, что нам понадобится и кого мы можем позвать, - сказала Аадхья. - Я, наверное, закончу лютню быстро и в первой четверти успею сделать что-нибудь еще. Нужно будет пройтись по нашим спискам заклинаний.

Лю негромко произнесла:

- У меня кое-что есть.

Она встала и вышла, и я вдруг с негодованием поняла, что постоянно дергаюсь, потому что жду еще одного стука. Я гневно уставилась на дверь. И через пару минут в нее постучали, но это была всего лишь Лю с маленькой коробкой в руках. Она села на пол, подняла крышку и извлекла маленькую белую мышь. Та дергала носиком и извивалась у нее в руках, но вырваться не пыталась.

- У тебя есть фамильяр! - воскликнула Аадхья. - Ой, какая миленькая!

- Это не фамильяр, - сказал Лю. - Я просто подумала... У меня их десять. - Она не смотрела на нас; по сути, Лю открыто призналась, что она неофициальный малефицер. Никто не станет по другой причине приносить с собой десять мышей и кормить их из собственных запасов. - Я люблю животных.

Я подумала: наверное, ее заставили родители. Они знали, что у Лю мыши выживут. Похоже, она сильно ненавидела свое занятие, если решила не возвращаться к малии три года спустя.

- Ты сделала его фамильяром? - спросила я.

Не знаю в точности, как это работает. У мамы время от времени появляются неожиданные фамильяры. Иногда какое-нибудь животное, которому нужна помощь, приходит в нашу юрту, некоторое время бродит вокруг и помогает маме, а потом уходит и снова становится обычным животным. Мама никого не удерживает.

Лю кивнула и кончиком пальца погладила голову мышки.

- Я могу обучить для каждой из вас по мышке. Это ночные животные, они могут караулить, пока мы спим. И они хорошо умеют проверять еду. А два дня назад он принес мне нитку зачарованных коралловых бус. Его зовут Сяо Син.

Она дала мне подержать мышку, и в ее крохотном тельце я ощутила ману. У Сяо Сина голубовато светились глаза, и шерсть тоже, если посмотреть под определенным углом; он без страха и с любопытством принюхивался к нам. Мы все его погладили, а потом Лю опустила его на пол и дала побегать по комнате. Мышка влезла на стол, обнаружила то место, где прятался побегунчик, встревожилась и быстро бросилась к Лю; та осмотрела стол, показала мышке, что все чисто, погладила ее, похвалила и дала кусочек цуката из мешочка, который носила на поясе. Зверек забрался в карман рубашки и устроился там, грызя лакомство.

- А ты можешь обучить мышек и для других ребят? - спросила я, наблюдая за Сяо Сином как зачарованная. - Тогда тебе будет чем меняться.

После того как мама запретила мне препарировать животных, я утратила к ним интерес; собак в коммуне я в основном игнорировала, и они меня тоже.

Я даже к видео с котиками была равнодушна. Но до сих пор я не признавала, как изголодалась по живым существам, не пытающимся меня убить. Фамильяры в школе мало распространены: учитывая ограничения по весу, животных трудно пронести и заботиться о них очень тяжело. Если вариантов два – поесть самому или накормить кошку, – человек ест сам, иначе следующий злыдень убьет его вместе с кошкой. Но мышей содержать довольно легко. Просто я никогда об этом не думала.

– Да, только сначала дам по мышке своим кузенам, – сказала Лю. – Они придут сегодня.

И я ощутила странное удивление, вспомнив о том, что и так знала, конечно, но до сих пор словно не признавала до конца. Теперь мы были выпускниками. Нам предстоял последний год.

– А мы можем сейчас выбрать себе по одной? – спросила Аадхья. Она тоже была в восторге. – Им что-нибудь нужно, например клетка?

Лю кивнула и встала:

– Сделай какое-нибудь укромное местечко, чтобы они могли прятаться там днем, пока тебя нет. Пожалуйста, иди и выбирай. Придется играть с ней, хотя бы по часу каждый день в течение месяца, прежде чем ты ее заберешь. Я покажу, как давать мышкам ману – нужно поместить ее в лакомство, которым их угощаешь.

Я слезла с кровати и обулась. Лю открыла дверь – и мы все шарахнулись, потому что прямо на пороге стоял Орион. Он тоже дернулся, а значит, он не собирался нападать из засады: подозреваю, он торчал в коридоре, набираясь смелости, чтобы постучать.

– Я пойду посмотрю на мышек, Лю, – громко сказала Аадхья. – Хочу сообразить, как сделать удобную клетку.

Она подтолкнула Лю (которая снова покраснела и старалась не смотреть на Ориона) и вышла вместе с ней в коридор. Стоя у него за спиной, она зажестикულიровала и беззвучно произнесла: «Ручной злыдень в трусах!» – так что я едва удержалась от истерического хохота.

Лю и Аадхья исчезли в коридоре.

Судя по выражению лица, Ориону очень хотелось убежать, и я бы ему посочувствовала, будь у меня у самой те же варианты. Он принял душ, переделся, подстригся и даже побрился; я с подозрением взглянула на его гладкий подбородок. Честное слово, я не имела абсолютно никакого желания с кем-то встречаться. Ладно беременность – меньше всего я хотела отвлекаться. Орион уже внес предостаточно хаоса в мою жизнь, даже в те времена, когда мне не приходилось в его присутствии гадать, будем ли мы целоваться.

– Слушай, Лейк, – начала я, и одновременно он выпалил:

– Слушай, Эль.

Я подавила вздох облегчения:

- Ясно. Ты просто хотел разок попробовать перед смертью.

- Нет!

- Ты что, правда хочешь со мной встречаться?

- Я... - Он выглядел озадаченным и отчаявшимся. - Если ты не... я не... короче, решай сама!

Я уставилась на него:

- Да, но за тебя я решать не могу. Или ты предпочитаешь этот странный дурацкий вариант, когда один участник не спрашивает мнения второго? Если так - я пас.

- Я тебя умоляю... - Он издал сдавленный звук, полный досады, и схватил себя за волосы; если бы они не были коротко острижены, то встали бы дыбом, как у Эйнштейна. Затем он бесстрастно произнес, не глядя мне в глаза: - Я не хочу, чтобы ты вычеркнула меня из своей жизни.

И тут я поняла - с чудовищным запозданием. Теперь-то у меня были Аадхья и Лю, а не только один Орион. Дружба напоминает безграничный запас маны - что-то настолько необходимое, что ты почти забываешь, как без этого жить, пока поток не иссякнет. Но у Ориона больше никого не было, никогда, и в этом мы с ним походили друг на друга; и вот он нашел меня и боялся потерять - точно так же, как я не променяла бы его, Аадхью и Лю на место в нью-йоркском анклав.

Но он по-прежнему вел себя непростительно глупо.

- Лейк, я бы точно не хотела, чтобы ты встречался со мной только потому, что я тебе приказала, в качестве платы за вход.

- Ты что, дурочкой прикидываешься? - Он гневно взглянул на меня. Но я ответила ему таким же негодующим взглядом, и тогда он произнес тоном человека, разговаривающего с умственно отсталым пони: - Я хочу с тобой встречаться. Если ты хочешь, то и я хочу. А если ты не хочешь, то... я не хочу.

- Вот в том-то и суть, - сказала я и снова насторожилась: интонации Ориона намекали, что никаких «если» он на самом деле не имел в виду. - Значит, ты предлагаешь нам встречаться? И нет, я не стану вычеркивать тебя из своей жизни, что бы ни было! - добавила я, хотя понятия не имела, как быть, если он действительно предложит. - Там, у мастерской, я отпихнула тебя с дороги, поскольку у меня возникло странное ощущение, что ты предпочел бы выжить. Между прочим, к твоему сведению, я тоже спасла тебе жизнь.

- Кажется, я дошел уже до тринадцати, так что тебе придется догонять, - сказал Орион, сложив руки на груди, но нужного эффекта не получилось: на лице у него было написано огромное облегчение.

- Не будем спорить о цифрах, - высокомерно произнесла я.

- Боюсь, что будем, - парировал он, а когда я уже собиралась расслабиться, полагая, что вырुлила в спокойные воды, Орион слегка побледнел - только на скулах виднелись розовые пятна. - Эль, я... я бы хотел сделать тебе предложение. Но... не здесь. Потом... если мы..

- Даже не пытайся. Я не собираюсь обручаться, чтобы иметь право с тобой тусить, - грубо сказала я, прежде чем наша лодка, не без его помощи, снова успела сесть на мель. - Того, что есть, на сегодня вполне достаточно! Если мы выберемся отсюда живыми и ты, шлепая по воде, подойдешь и сделаешь мне предложение, тогда я об этом и подумаю, а пока держи свои диснеевские фантазии - («И своего тайного ручного злыдня», - ехидно подсказал мозг) - при себе.

- Ладно-ладно, хорошо, - кивнул он.

В его голосе слышалось легкое раздражение, но главным образом облегчение. Я отвернулась, не дав губам сложиться для смеха, который я вновь отчаянно пыталась побороть. Спасибо тебе, Аадхья: твоя мама просто гений.

- Мы хотя бы можем вместе пойти на ужин?

- Нет, придурок, - сказала я таким тоном, словно сама обо всем не забыла. - Сегодня же приемный день. У нас максимум полчаса.

Орион тут же смутился, хотя, честно говоря, сегодня был самый странный выпускной на нашей памяти. Я поморщилась и окинула себя взглядом:

- Мне надо помыться. И надеть чуть менее замызганную футболку.

- Хочешь запасную? - спросил он робко. - У меня есть.

Наш разговор дал понять, что Орион не нуждается ни в каком поощрении, однако осторожность боролась во мне с отчаянной нуждой в новой футболке. И одного взгляда, который я бросила в сторону его комнаты, хватило, чтобы с полной уверенностью заявить, что у Ориона их до неприличия много.

- Ладно, - сказала я, мысленно вздохнув.

Тем более что вся школа и так уже совершенно не сомневается, что мы пара.

Я была абсолютно права, что Орион не нуждался в поощрении: на футболке, которую он принес, красовался серебристый манхэттенский пейзаж, с цветным завитком примерно на полпути, предположительно обозначающим расположение местного анклава (ненавязчиво, без претензии на эффект, ага). Я бы дала ей Ориону по физиономии, но футболка была чистая и слегка пахла стиральным порошком: видимо, она лежала у него где-то в ящике, дожидаясь выпускного класса. К тому же у меня сразу же появился повод оставить Ориона и уйти в душевую, чтобы переодеться. Чистая футболка на свежeweымытое тело - блаженство!

Он ждал меня снаружи; потом мы встретились с Аадхьей и Лю. Я заглянула в большой контейнер, в котором у Лю были мыши. Аадхья уже отметила своего зверька точкой ярко-розового маркера.

- Можешь выбрать себе мышку вечером, - сказала Лю.

Лестница производила странное впечатление, потому что больше не двигалась: это было все равно что сойти с корабля после долгого плавания. Шестеренки встали на места, и слышалось только слабое тиканье механизмов, отсчитывающих время до конца следующего года. Ученики приливной волной двигались наверх, поэтому нам не понадобилось много времени, чтобы дойти до столовой и влиться в толпу.

Раздача еще не открылась, и часть столов была сложена и прислонена к стенам: в середине получилось большое свободное пространство, куда вели широкие проходы с каждой лестничной площадки. А наверху находился новенький жилой коридор, точно такой же, как старые, ожидающий появления новеньких трепещущих младшеклассников.

Мы идеально рассчитали время. Поступление началось почти сразу после нашего прихода; в ушах слегка зашумело, когда множество тел, одно за другим, начали вытеснять воздух, а вслед за этим на этаже младшего класса послышалось громкое хлопанье дверей. Если ты не такой неудачник, как бедняжка Луиза, тебе сто раз сказали что делать по прибытии, и не важно, насколько ты потрясен и уболтан: нужно выйти из комнаты и поскорей спуститься в столовую. Новички потоком вливались через все четыре двери (и некоторые по пути продолжали блевать в бумажные пакеты). Вход в школу приятен примерно так же, как заклинание-крюк, только длится дольше.

Примерно через десять минут все младшие, дрожа, струдились в середине столовой. Они казались крошечными. Я тоже не отличалась высоким ростом, когда поступила в школу, но никогда не была такой маленькой. Мы собрались вокруг новичков, косясь на потолок и на сточные отверстия, и стали осторожно протягивать прибывшим стаканчики. Даже самые недобрые люди в этот день будут оберегать новичков, хотя бы из чистого эгоизма: как только ребята успокоятся и попьют воды, они начнут выкликать наши имена. Они принесли письма с той стороны, особенно если прибыли из анклавов.

Я знала, что мне письма не будет. Мы не дружили с другими семьями волшебников, где были дети; пару раз мама пыталась познакомить меня с кем-нибудь, но ничего хорошего из этого не выходило. И она не смогла бы заплатить кому-нибудь, чтобы тот отказался от части своего багажа и взамен взял письмо. Единственное, что она может предложить в обмен - и что стоило бы уступленного грамма, - это целительство, а за него мама не требует платы. Она сразу сказала, что, вероятно, ничего не сумеет мне передать, и я ответила: ладно.

Но, даже зная об этом, я все равно пришла сюда и на сей раз даже косвенно порадовалась. Аадхья получила письмо от чернокожей девочки, у которой волосы были заплетены в тысячу косичек, и у каждой на конце висела крошечная зачарованная защитная бусина. Неплохая идея. Лю подвела ко мне двоих своих кузенов - совершенно одинаковых мальчиков, подстриженных под горшок, которые очень вежливо поклонились мне как взрослой (наверное, я и казалась им взрослой, потому что оба были на полторы головы ниже меня, с

нежными пухлыми щеками). Родители, судя по всему, откармливали их, как гусей на Рождество.

А потом чей-то ломкий голос произнес:

- У меня записка от Гвен Хиггинс.

Сначала я его не услышала, но потом раздался легкий гул - услышали другие, - и мальчик повторил еще раз.

Аадхья подошла к нему, прихватив с собой свое письмо и чернокожую девочку по имени Памила (одна из причин, по которым родители разрешают детям потратить крошечную частичку драгоценного объема багажа на чужое послание, заключается в том, что они знают: в обмен их ребенок автоматически получит старшего товарища в школе).

- Это та самая Гвен Хиггинс? У нее тут кто-то учится? - с надеждой спросила Памила.

Аадхья пожала плечами. Лю покачала головой:

- Если да, этот человек помалкивает. Иначе все побегут к нему за лечебной магией.

Потом мальчик произнес:

- Письмо для ее дочери Галадриэль.

Они обе - а заодно и ребята вокруг - с удивлением повернулись ко мне. Аадхья негодуяще ткнула меня в плечо. Несколько человек украдкой окинули взглядом столовую, как будто думали, что в школе есть еще одна девочка по имени Галадриэль. Я стиснула зубы и шагнула вперед. Даже младшеклассник посмотрел на меня с сомнением.

- Я Галадриэль, - коротко сказала я и протянула руку.

Он положил мне на ладонь что-то крошечное, как орешек; скорее всего, эта штучка весила меньше грамма.

- Как тебя зовут?

- Аарон? - ответил он таким тоном, словно сам сомневался. - Из Манчестера?

- Пошли, - сказала я и отвела его подальше от кучки зевак.

Впрочем, деваться особо было некуда: Лю и Аадхья внимательно за мной наблюдали, причем последняя прищурилась - а значит, в ближайшее время меня ждала очередная длинная нотация. Я довольно угрюмо представила Аарона остальным, и он начал болтать с новичками: оба кузена Лю без малейшей запинки говорили по-английски, так же бегло, как Аарон и Памила. Аадхье прислали в письме маленький листок зачарованного золота; она радостно продемонстрировала его нам.

– Я обложу им колки лютни!

Лю получила плоскую, размером с почтовую марку, жестяную баночку, полную благоухающего бальзама: она велела нам потрогать его кончиком мизинца и втереть под нижней губой.

– Это бабушкин уловитель яда, – сказала Лю. – Действие продолжается около месяца, если не забывать чистить зубы. Если положите что-нибудь в рот и губу начнет щипать – не ешьте.

Вот что такое поступление. Маленькая порция надежды, любви и заботы; напоминание о том, что за стенами школы что-то есть. Целый мир, где друзья делятся тем, что имеют. Для меня этот день всегда был наполнен иными чувствами. Я впервые поучаствовала в нем на равных, и теперь у меня щипало глаза. Я едва поборолa желание высунуть язык и хорошенько лизнуть бальзам.

Орион подошел к нам со своей посылкой – толстым конвертом и небольшим пакетом, – бодро шепнул мне «Попалась!», обвил мою шею рукой и ухмыльнулся. Я скорчила ему рожу, но и сама невольно улыбнулась, осторожно разворачивая мамино послание – крошечную полоску луковой шелухи, тонкую, совсем прозрачную, которая была скатана в бусину, вроде тех, что украшали косички Памилы. По всей длине через каждый дюйм шли тонкие складки – чтобы можно было оторвать и съесть. Поднеся шелуху к лицу, я ощутила запах меда и цветов бузины – мамино заклинание для укрепления духа. Одного вдоха хватило: с ним я проглотила целый ком счастья, который согревал меня изнутри, пока я, щурясь, разбирала послание. Буквы были такими мелкими и бледными, что я далеко не с первой попытки прочла одну-единственную строчку.

Мама писала: «Милая моя девочка, люблю тебя, не теряй смелости и держись подальше от Ориона Лейка».